

ГЕРМАН САД

ИСКУССТВО ПРОВОКАЦИИ

Роман — авантюра

... Одно из моих любимых имен, которые я когда-либо по разным причинам себе выбирал — Дональд Джей Германн (D.J. Hermann). Если хотите короче, то — Дон Германн. Некоторым нравится называть меня Доном. Друзья, зная, что я люблю музыку, называют Ди Джеем.

Я же предпочитаю называть себя просто — Режиссер.

Я хотел стать театральным режиссером, но смог создать только очень странный театр в своем собственном воображении.

Я планирую и режиссирую свои «спектакли», в которых участвуют неплохие «актеры».

Я люблю публику, но не люблю известность.

Мои спектакли проходят только один раз, но когда опускается занавес, я не хотел бы оказаться на месте моих «актеров».

Я — аналитик. Человеческие поступки дают мне пищу для ума и пищу для тела, которое я все-таки достаточно люблю.

Я — работаю за деньги, на всех, но прежде всего — на себя.

Я — охотник и больше всего не люблю роль дичи, поэтому стараюсь никогда ее не играть.

Я — живу в разных местах, с разными людьми и под разными именами, но лишь одно известно, хотя на это имя нет паспорта.

Меня зовут — Дон.

1.

— Это — Рембрант! — сказала она.

— Едва ли, — с сомнением протянул он и дотронулся кончиком своей сигары до носа, оставив на нем маленькое коричневое пятнышко.

— Господи, когда ты перестанешь трогать свой нос! Он у тебя уже больше головы!

— Больше твоей и оставь в покое мою привычку. Стой, как стоишь, и не дергайся — сказал он и отошел к окну. Сигара опять потухла. Он некоторое время молча смотрел на ее молодое упругое тело.

— Рембрант бы тебя сначала откармливал месяца три...

— А потом..., — перебила она.

— А потом, выгнал бы к чертовой матери, потому что толку от тебя ни на гульден! Одевайся. Сегодня работать больше не буду — ты мне надоела. — Он пошел на кухню и оттуда крикнул.

— Знаешь, почему Рембрант писал такие потасканные тела? Нет? Да потому что иначе все смотрели бы на задницу, а не на лицо! Ты кофе будешь?

— Иди ты со своим кофе! — проорала она из студии. — А кстати, это комплимент или оскорбление?

— Это — факт! Завтра не приходи, у меня будут гости.

— Ты будешь ее трахать? — она стояла в проеме двери.

Глядя на ее лицо, он понял, что в этом случае Рембрант изменил бы себе и написал бы очень симпатичную задницу, чтобы никто не увидел ее выражения лица.

— Ты одноклеточное, хорошо сохранившееся и приятнопахнущее животное! Кроме этого варианта мое общение с людьми возможно?

— Я тебе не нравлюсь! — заявила она. — И никогда не нравилась! Ты используешь меня...

— Я использую только свои краски и свое терпение. И то, и другое уже закончилось. Я позвоню тебе, когда буду свободен.

Входная дверь грохнула с такой силой, что соседка опять завтра будет верещать о странных визитах многочисленных развратных девок, которых приводит жилец из 713-го номера (то есть я), а шума, который эти шалавы должны издавать не бывает. Следовательно, то чем он с ними занимается — противозаконно, ибо непонятно, чем же они занимаются!

— Надо будет ее убить как-нибудь на досуге, — пробормотал он и устроился у открытой двери на балкон с чашкой кофе и вечерними газетами, которые еще не успел прочитать до прихода Елены...

Я все чаще стал думать о себе в третьем лице. Я не только думаю — я еще и говорю сам с собой! Это меня не раздражает — это помогает посмотреть на себя со стороны: «Он собирается выйти на улицу». Идиот! На улице дождь, поэтому он пусть идет, если хочет, а я собираюсь пролистать эти чертовы газеты, в которых ни одного нужного мне слова! Ни одного слова по делу! По крайней мере, по моему делу. Впрочем, слов-то как раз боле чем достаточно:

«Великобритания обращается в Международный суд для решения спора с Аргентиной и Чили о принадлежности Фолклендских островов. Два других государства отказываются подать встречный иск», — не-а, здесь мне ничего не светит. Во-первых... Хотя если поймать и Аргентину, и Чили, и чопорных британцев, можно получить и удовольствие, и достаточно приличную сумму, чтобы решить кое-какие свои проблемы.

«В ответ на ратификацию парижского Соглашения о Западном союзе СССР аннулирует договоры с Великобританией и Францией», — а вот это уже кое-что! Ай, какие молодцы! Уже май пятьдесят пятого года, а их только пробрало!

«Он красивым жестом отшвырнул в сторону газету и резко встал». Сказано хорошо, но газетами швыряться не буду, потому что подбирать кроме меня некому, а резко встать придется — телефон проснулся. Если это тот звонок, который я жду — завтра будет неплохой день!

2.

Одним из наиболее ярких и редких дарований Дастина Макдауэла во времена его студенчества в Кембридже была способность очаровывать не только преподавателей, но и

коллег по учебе. Он по праву пользовался репутацией самого способного студента Тринити-колледж, и считалось, что впереди его ждет успешная карьера ученого. Жаль только, что родители, которых он не знал, никогда не увидят его успехов и не порадуются его будущим открытиям. Только родной дядя, который впрочем почти все время пропадал где-то в Южной Африке, искренне интересовался его первыми шагами в науку и всячески помогал разнообразными советами, а также, что крайне радовало молодого Дастина, и достаточными для безбедной жизни средствами. Видимо, дела у дяди шли так хорошо, что не тянуло его на берега родного Альбиона. Дастин понимал, что к дядиному мнению надо прислушиваться особенно внимательно не только потому что доходы дяди от алмазных рудников дают ему возможность очень хорошо себя чувствовать, но и потому, что он искренне уважал такого занятого человека, который заботился о нем, сироте, как если бы Дастин был его родным сыном. Видеть же дядю ему ни разу не приходилось — и вот это и было самым грустным в жизни Дастина! Но бурная общественная жизнь, прилежная учеба, неизменная бутылка рейнского вина «Молоко богородицы» урожая 1921 года за ленчем, поздние вечера за разговорами о живописи и несомненный талант позволили Дастину в июне 1932 года с успехом сдать экзамены и заглянуть в будущее с уверенностью и весьма весомыми рекомендациями профессоров.

В тот вечер он без умолку говорил об общественном институте власти. Его мысли казались всем одновременно и оригинальными, а потому чрезвычайно смелыми, и притягательными, как нечто запретное. В воздухе носились идеи борьбы с косностью британской монархии, ее ортодоксальными и весьма отсталыми взглядами на обустройство мира. «Британской короне не мешало бы слегка привстать, чтобы отряхнуть пыль веков», — Дастин был великолепен и у юных леди перехватывало в груди! Неотразим! И устало поблескивало недорогое серебряное кольцо на его пальце, что придавало еще больший шик его владельцу с неограниченными доходами и приятным отсутствием близких родственников. Единственное, что серьезно волновало достойных родителей небесных созданий — претенденток на блестящее будущее этого юноши, насколько подвержен он новомодным течениям британских островов: марксизму и гомосексуализму! Но, нет! Ни в чем таком, тем более, что Дастин с раннего детства, проведенного в аббатстве, мечтал о дипломатической карьере и его мечты всегда поддерживал дядя. А насчет девиц, так их в портовых кабаках было предостаточно, но связывать себя узами без серьезных на то оснований — Пресвятая Дева Мария! Разве дядя не писал, что это проблема не физиологии, а политики, которая теперь делается в Германии, где к власти рвется этот гороховый шут и неудавшийся художник! Именно там, писал дядя, необходимо делать карьеру!

Дастин уезжал в Мюнхен и именно там, в Мюнхене, прекрасная Лаура Дейч, супруга еврея Альфреда Дейча, стареющего мужчины и преуспевающего ювелира, получила письмо из Аргентины от бывшего своего любовника о приезде юного амбициозного британского денди с любезной просьбой быть к нему особенно внимательной.

В Москве считали, что итальянка Лаура Бьяджи, которая смогла стать фрау Дейч, сломав непреодолимые религиозные устои еврейского сообщества, более чем подходит для продолжения операции внедрения под кодовым названием «Донор».

3.

В глубине за невзрачными фасадами и маленькими деревянными дверями в Амстердаме, и прежде всего в квартале Йордан, куда я направлялся, расположены внутренние дворики — хофье. В 17 веке богатые бюргеры основывали в тогдашнем бедняцком квартале небольшие поселения-приюты, где охотно селились вдовы и больные старики. А сегодня здесь, в извилистых переулках, за зеленой изгородью из шиповника и маргариток селится молодежь и угрюмые нелюдимы. Типичная деталь такого хофье — пушистая йорданская кошка, которая настороженно шипит на зашедших чужаков.

Я решил пройти пешком, а заодно и посмотреть на новый сорт тюльпанов, которые очень давно пытался вывести владелец кофейни на углу. Мне доставляло огромное удовольствие спорить с ним о принципах скрещивания различных сортов. Я даже пару раз подкинул ему несколько советов, вычитанных кажется в воскресной газете. Он конечно не послушал и вот на свет появился уникальный сорт, который продается на каждом углу Амстердама! Думаете, старик расстроился? Как бы не так! Забавный старик был счастлив — он наконец почувствовал себя настоящим голландцем!

По дороге я решил перекусить и сел за столик небольшого семейного ресторанчика. Все как обычно: картофельный салат с майонезом, старый сыр «Гауда» и маринованную сельдь с кольцами лука. Свистнул мальчишке — взял свежую газету: оставалось 20 минут до встречи с Морячком.

Мысли опять вернулись к забавной конструкции, которая давно занимала меня. После того как в Москве два года назад произошли чертовски любопытные перемены и Берию наконец-то удалось нейтрализовать, в Вашингтоне наступило идиотское благодушие. Последнее время проблемы между Лондоном и Вашингтоном стали совершенно невыносимыми и поделить Советы, не утопив при этом друг друга, было невозможно. Теперь янки видимо решили, что русские резко станут похожими на них и будут пить виски и хрустеть попкорном, забыв про водку и семечки! Единственное же, что объединяет американцев и русских — это любовь к мороженому! Так было всегда и так всегда будет и это повод для того, чтобы начать игру.

Самое замечательное это то, что Берию осудили опять как британского шпиона! А американцы еще хотят их подмять под себя — им очередной раз показали, в каком месте у русских они находятся. Кстати, это уже третий случай, когда главу МГБ казнят в качестве шпиона британской короны. Далась им эта Англия! Хотя можно проследить жутко интересную линию: два месяца назад, в апреле 55-го, убивают Уинстона Черчилля, теперь

убирают ближайших сподвижников Сталина — дружба врозь — с кем теперь поведется эта «птица-тройка»?

Из всего этого я делаю только один вывод: следующий глава МГБ уже не будет джентльменом из «агентов английской разведки»! Придется господам придумать нового друга и финансового партнера, который впоследствии станет приличным и качественным врагом. Ну как раз с врагами все просто — был бы повод поссориться. А вот подкинуть причину ссоры — это задача посложнее! Если теперь русские решат двигаться в сторону Америки, того и гляди, начнут вместе есть чертово мороженое! А что будет если смешать одновременно молоко и пиво? — подумалось мне, запивая маринованную селедочку хорошим голландским пивом. — Правильно, дерьмо! А кто у нас пока еще в дерьме — немцы! Вот об этом и поговорим с Морячком! Тем более, что на июль этого 1955 года в Женеве на предстоящей конференции глав государств СССР, США, Великобритании и Франции намечены какие-то попытки соглашения по возможному объединению Германии.

Если новые боссы СССР за предстоящий месяц в эйфории от освобождения от собственного страха перед МГБ решат взять тайм-аут и сделать подарок Западу в виде объединенной Германии, дальше дело может принять плохой для меня оборот — кушать придется не в Гранд Паласе, а у чертова разводителя тюльпанов!

Как красиво сказал Лаврентий Палыч еще совсем недавно: «ГДР? Что она из себя представляет, эта ГДР? Это даже не настоящее государство. Оно держится исключительно на советских штыках, даже если мы его называем Германской Демократической Республикой». У этого человека была цена, а сколько будут стоить нынешние, черт его знает! Я встал и пошел по направлению к докам.

Интересно, почему селедка знает к каким берегам подплывать? Ведь все равно же съедят. Ну и какая ей разница — кто? Морячок не так давно угощал советской селедкой из штатного офицерского пайка: ее перед смертью или пытали голодом или она похудела от ужаса, когда увидела, кто ее поймал. Если даже селедка знает кому лучше давать..., то что говорить о нас грешных?

4.

«Милая моя, Лаура! Ты знаешь, как пахнет лес после дождя. Ты знаешь, как неторопливо скатывается капля по листу, напрягаясь в ожидании своего падения. Сквозь нее, как через увеличительное стекло, видны сосуды, по которым течет живительная влага дерева. Это — кровь, Лаура, пульсирует, рискуя разорвать аорты стройных стволов! Сорви листок и поднеси его к губам. Дай капле упасть в пересохший от жажды рот! Сок этот наполнит тело твое желанием. Ты захочешь еще одну. И с каждой каплей жажда твоя будет усиливаться! И не напьешься никогда, потому что только разжигают соки желание. И уже тебе казаться будет, что не одна капля, а потоки влаги врываются в истомленное тело. И ты будешь счастлива этой капле, как последней, после которой не будет ничего. Засуха

выжелтит тело и перед успокоением оставит лишь воспоминание, как дрогнуло все внутри от чужого вторжения. Толчками, еще и еще! Дай каплям право войти, пока есть время! И не забудь посмотреть на небо, и благодари за влагу, и не спрашивай — зачем! Просто — пей. Отдай себя, стань дождем и донеси влагу до сухой земли! Пусть выпьет тебя тот, кому это сейчас необходимо. Только тогда имеет смысл то, что мы называем жизнью! Научи желанию того, кому лишь кажется, что он желает! Но не тебе мне это говорить! Ведь ты сама источник влаги. Надеюсь только, что от ожидания влага твоя не превратилась в яд! Помнишь старую китайскую пословицу: «Яд черного скорпиона или зеленой змеи не так опасен, как яд, находящийся в сердце женщины»?

Я посылаю тебе горячую от жажды плоть под названием — мой племянник Дастин! Я не могу назвать это дипломированное существо, окончившее пресловутый Кембридж, глупым животным, так как оно еще даже не стало таковым! Он страстен, он жаден, он честолобив, и он неопытен! Я живо представляю себе, как ты его проглотить! А поскольку дела мои все еще заставляют меня находиться на рудниках, желаю тебе напиться им, но дать и ему повод думать о себе как о мужчине!

Кстати, доходили до меня слухи о его не очень скромном поведении в обществе ему подобных жеребцов! Если это так, то будь с ним «по-мужски» обходительной, а потом забудь — я сам о нем позабочусь! Если же это все пустое, подари мне внука — хочу побаловать себя на старости лет!

Я уже начинаю задумываться о покое и это приводит меня в грустное расположение мыслей! Увижу ли тебя в этом году?...» Лаура дочитала письмо, достала из верхнего ящика секретера в стиле рококо с вставками из фарфора 18 века настоящую «Гавану», гильотину для обрезания сигар и держа ее в руке, неожиданно для себя захохотала: «Интересно, когда мой почтенный муж достиг поры зрелости, чем родители отделили его верхнюю плоть? Не гильотиной ли?» Она была девушкой весьма свободных взглядов как раз до той поры, пока на горизонте не появился тот самый южно-американский дядюшка и не вытащил ее из парижских подворотен пять лет назад.

...Он вошел в бордель как входят в морг — спокойно, с печальным взглядом человека, повидавшего горы трупов. Оглядел сидящий в ожидании клиентов товар и выбрал ее. Они поднялись в комнату и вместо того, чтобы заняться делом, он коротко и четко изложил ей план ее «спасения», передав ей письмо от родственников из Италии. В письме на простом итальянском языке в доступной форме было предложено либо выброситься из первого попавшегося окна в связи с позором, который ее французские занятия принесли честной и благородной семье, каждый день молящейся о ее спасении либо делать то, что скажет господин, передавший это послание.

Со следующего дня Лаура превратилась в студентку Сорбонны, изучающую историю искусств на дому по причине слабого здоровья, которое было подорвано печальной историей неразделенной любви к итальянскому юноше, единственному сыну богатых родителей из рода римских патрициев. Ее так жалели соседи! Еще бы! Бедная девочка! Покинуть родину и найти в себе силы учиться и работать в чужой стране, полной

соблазнов и опасностей для юного создания: французских балбесов, жаждущих секса, секса, секса....

Лауру навещал только один почтенный мсье, который доводился ей, кажется, дядей. Он приходил только один раз в неделю, в среду, и приносил Лауре книги и еду. Всегда был мил и учтив с соседями и справлялся о здоровье мадам Пруден, хозяйки меблированных комнат, которой в один и тот же день, первого числа каждого месяца, вносил плату за комнату Лауры. Мадам его боготворила: он всегда дарил ей пирожные — шесть штук в коробочке, аккуратно перевязанной голубой лентой, из кондитерской на Рю де ля Шез. Ровно час находился у девушки и уходил.

По утрам Лаура бежала на работу в ювелирный магазин, а вечером допоздна соседи видели, как у нее в комнате горел свет: девушка занималась!

Через год, в сентябре 1928, Лаура постучалась к мадам Пруден — ей так нужен был совет: за ней весьма прилично, с цветами и сладостями, вот уже 2 месяца ухаживает хозяин ювелирного магазина, где она работает. «Мсье Дейч такой галантный кавалер, только вот... возраст!» — смущенно проговорила девушка.

«Милая моя, — отвечала мадам Пруден, которая последний раз пользовалась мужчиной не позднее начала Великой французской революции. — У мужчины, который делает Вам предложение, может быть только один недостаток: отсутствие солидного банковского счета. Все остальное есть у других! Да простит меня Господь!» Через месяц Лаура вышла замуж и уехала с семидесятилетним «молодым супругом» на его родину в Мюнхен, где на еврейском кладбище лежали все его родственники: в Москве сочли, что умирать банкиру лучше всего на родине.

5.

Было без трех минут восемь вечера. Набережная по направлению к докам светилась тусклым желтым светом и, казалось, была скользкой от плотного запаха рыбы, который ветер доносил с моря. Суда красиво покачивались на рейде, а те, которым хватило места у причала, возможностью видеть их вблизи лишали наблюдателя какой-либо романтики и желания забраться по трапу и выйти на них в море.

Налево, за третьим доком, стоял потрепанный временем советский траулер РТ-17. Прошло десять лет после окончания войны, но казалось, он только что напоролся на мину и через открытую рану в днище рыба сама заплывла в его трюмы и заблудившись в обломках шпангоутов, померла от безысходности. На мостике одиноко стояла фигура судового начальника погибших рыб и с тоской смотрела на город: городу было наплевать на него.

Судно пришло своим обычным маршрутом: из Мурманска через Норвегию и Данию сюда, в Голландию. Далее его путь лежал к берегам Великобритании, откуда в обратном

порядке траулер вернется домой, еще раз пришвартовавшись в Амстердаме. Он привезет мне то, за что я уже заплатил.

У меня было не больше часа, чтобы зайти в портовый кабачок, перебраться парой сальных анекдотов с барменом, подсесть к Морячку и «случайно узнать», что он из России, заплатить за его выпивку в память о союзнических заблуждениях.

Морячок вот уже 5 лет, как ходил на этом судне по иностранным портам в качестве старшего помощника капитана «по политическим вопросам и ответам». Ему было позволено всегда и в обязательном порядке сходить на берег и общаться с моряками из других стран, рассказывая о том, что надо знать о жизни Советов. Я называл его «полупроводником», потому что он искренне врал, как Иван Сусанин, заводя слушателей в дебри советской пропаганды. Но была у него одна потрясающая черта: майор МГБ весьма неплохо разбирался в искусстве и брал за свою работу только ювелирными изделиями.

Высокий, худой и сутулый, с серым цветом лица, какой бывает у шахтеров и рабочих предприятий, имеющих дело со свинцом, он держался просто и незаносчиво. Со свинцом действительно был дружен — стрелял отменно: во время войны служил в расстрельной команде. Стрельба по недвижимым и мокрым от ужаса мишеням отточила его глаз и натренировала руку, ну и конечно, зарекомендовала с наилучшей стороны в его ведомстве, сотрудники которого его за эти достижения презирали, но боялись.

Я подсел: он поднял глаза и улыбнулся. Еще бы — зарплата приехала с доставкой на дом!

Как добрались, кэп? — спросил я. — Не всю еще рыбу перепугали своей посудиной?

Она еще походит, — он вытер пивную пену с губ.

Что у Вас происходит в Великой и Ужасной стране победившего социализма? Неужели после того, как Ваша всесильная и сверхсекретная контора размазала по стенке своего собственного начальника, ей ничего другого не оставалось, как предложить миру посмотреть на СССР влюбленными глазами? Это что — легкий перерыв на перекур или как? Газеты пишут странные для России слова: демократия, права человека... И это после таких привычных и радостных слов: равенство и братство? Неужели шок оттого, что Берия оказался английским шпионом не прошел за два года? — я закурил.

Вы вот курите, мистер, а это очень вредно, — он откинулся на стуле и посмотрел на мою сигару. — Вреднее чем то, что пишут в газетах. Зачем Вы себе так вредите? Кстати, мне нужно купить хороший кофе. Посоветуете?

А вот как выйдете из бара, поверните направо и метров через пятьдесят увидите маленький магазинчик. Спросите Вейланда и скажите ему, что Дон просил продать Вам венского кофе. Вам нравится венский кофе, мрачный русский кэп?

Мне нравится хороший кофе, а венский он или африканский, я в этом не очень разбираюсь, — Морячок встал. — Что же до Вашего едкого замечания, то газеты на то и существуют, чтобы люди разбирали буковки и слова, не особенно разбираясь в смысле. И чем больше этих самых знакомых буковок и правильных слов, тем больше вероятности, что читатели не станут писателями. Это как в кроссворде: угадал — молодец, а не угадал — ну и черт с ним. Какая разница: был Берия, а стал Иванов или Петров. Буковки и там, и

там одни и те же, а Вам кажется, что что-то изменилось. Если полковник вдруг стал генералом — это не значит, что он стал умнее — просто кому-то срочно надо стать полковником. Так что, поверьте: за эти два года ничего не изменилось, потому что решают не начальники — все решают кадры. А кадры, какими были, такими и остались. До свидания. — Он усмехнулся и пошел к выходу.

Удачи Вам, капитан, — я повернулся к стойке. — Симон, я заплачу за русского. Сколько он выпил?

На полтора гульдена. — Симон был верен себе: кто бы, что не заказал, все стоило полтора гульдена. Особенно если это был не самый удачный вечер в его баре.

Ты жадный, Симон. А жадность — это грех. — Я встал и, проходя мимо стойки, положил деньги в мокрое блюдо.

Я плачу налоги, — Симон состроил печальное лицо. — У меня три дочери, жена, теща и масса неприятностей за которые надо платить!

Твою «неприятность», Симон, я вчера видел с двумя молодыми людьми в заведении Николь. Она выглядела весьма располневшей — тебе не хватает еще одной неприятности? Кажется, она вот-вот родит! — Я вышел из бара.

Морячка уже не было видно. Сейчас он скажет Вейланду про кофе и получит пакет. Кофе, конечно, там тоже будет, но в качестве приправы в пакете будет лежать побрякушка весом в двести долларов. Морячок расплатится и исчезнет из моей жизни на 2 месяца. Одна из купюр, которые он отдаст Вейланду, завтра утром окажется у меня в качестве сдачи за кофе. На купюре я и обнаружу письмо с очередным заказом на работу, а также информацию о том, что намереваются делать в ближайшее время коллеги из, очистившегося от британской скверны МГБ.

«Пора! Пора тебе, братец, немного заработать! Потому что последняя операция принесла тебе меньше, чем ты ожидал. Потому что ноги Линды кажется, опять стали длиннее и стоят уже дороже! Тем более что эти ноги давно хотят в Париж. Утверждают, что мечтают учиться в Сорбонне. Интересно — чему? Потому что цены в мире растут. Да и потому что ты собирался купить часть акций алмазной кампании. Вот и выходит, что в связи с усложнившимися международными обстоятельствами, что бы ни было написано на купюре, будет стоить на 25 процентов дороже. Даже если речь в послании идет о прекращении сотрудничества с агентом Конрадом, которому ты якобы должен переслать это письмо. Если им Конрад будет не нужен — мы потопим Морячка еще до его прибытия в Англию за контрабанду драгоценностями. А если они чего-то хотят, то комиссионные Дона также вырастут на 25 процентов. И до перевода недостающей суммы в Банк Женевы пусть они считают письмо не отправленным.

Если же задача в письме стоящая, то Конрад (а это — я же, чего они не знают, и, надеюсь, не узнают никогда. Потому что, как можно что-либо узнать о человека, которого не только нет, но и никогда не было на свете!) будет этим заниматься, а если это еще и можно удачно продать.... В бухгалтерии ЦРУ в Вашингтоне кажется уже соскучились по мне! Как ты думаешь, Дон?» Я думаю, что я прав! Но все это — суета! А сейчас очень

хочется немного освободить свой разум и поэтому я направляюсь к Николь — там появилась новая партия свежего сладкого товара и не менее свежих девушек из Китая. Николь пробовала — как мне ей не доверять?

6.

В Москве копали. Копали яростно и тяжело. Задача стояла не из простых. Ситуация в Германской Демократической Республике категорически не устраивала руководство страны, которое словно бульдозером прошло по прошлому миллионов советских людей. За последние два года были разрушены все, десятилетиями созданные в мозгах у людей, представления о справедливости власти, безграничной вере правительству и бескрайней любви к Нему, единственному и всевидящему, всезнающему и все понимающему. Куда идти? Кому верить? И как обычно: что делать и кто виноват? Племя осталось без Бога, а Бог, то ли покинул их, то ли присел покурить в сторонке.

«Победители всегда на какое-то время становятся великодушными: ау, побежденные, как вы там? Не надо ли чего? Счастья немного, которое нас переполняет — вы скажите, если что, отольем от нашей чаши! Расслабленность — вот причина следующего за победой поражения. Любая победа, самая маленькая, над самым мелким врагом, требует особенной концентрации сил. Надо быть еще сильнее, чем ты был ранее, чтобы побежденный не смог, подлечивши раны, ударить в спину! Ведь только мертвый может быть достоин твоих добрых слов и воспоминаний, потому что загнанный в угол, раненый и оскорбленный поражением, никогда тебе не простит своей обиды! Никогда нельзя говорить о том, кого ты победил в этот раз, добрые слова о его чести и мужестве — в десятки раз быстрее от этих слов затягиваются раны, а великодушные слова принимаются только как насмешка и оскорбление! Нельзя подавать руки лежащему, потому что он встанет, отойдет в сторону и пропустит вперед его поднявшего. И вдруг окажется, что тот к нему спиной. Ах, как приятно видеть спину уверенного в себе, гарцующего на воображаемом коне славы! Победитель становится слаб в своей, возникшей ниоткуда, минутной уверенности в окончательной победе. И вот тут-то долго ждать не надо! Побежденный уже знает вкус горечи поражения и стыда — ему больше нечего опасаться. Он знает, как до дрожи противно оказываться на земле и видеть переступающие через тебя ноги. Но, как прекрасно это положение лежащего! Ведь, если задуматься, то стыд и горечь — чувства несущественные — их легко отбросить, увидев всю выгоду твоего положения. Пока они маршируют и радостные, тратят свои силы, ты отдыхаешь и набираешься сил. Ты видишь их снизу и понимаешь цену их победы: им еще предстоит дорога вниз, а ты ее уже прошел. Им есть что терять — свою победу, а у тебя дорога только вверх, если ты еще не умер! Полежи, отдохни, посмотри, какими глупыми кажутся эти победители снизу. Стоит только протянуть руку и они споткнутся, потому что не смотрят вниз — они думают, что ты там навсегда. Глупые! Лежачих надо добивать! Обязательно надо добивать, иначе они встанут и

тогда не будет пощады: победитель сам подписал себе приговор, который будет приведен в исполнение, но только чуть позже! Поэтому умные победители на параде выглядят грустными — они видят тупик и знают, что у них теперь только одна дорога — назад.

Так случилось в конце войны. Победители, к сожалению, перестали думать о поверженных, как о равных себе по силе. Равных, но просто проигравших на этот раз. Война — это сложная игра для взрослых мальчиков. Но в войне не бывает окончательной победы, пока жив хоть один из проигравших! «Разделяй и властвуй» — вот совет для идиотов! Поэтому, когда основные союзники: СССР, США и Великобритания стали делить пирог победы, в виде опозоренной и поверженной Германии, они не сразу поняли, что это и есть та самая «шкура неубитого медведя».

Это была самая идиотская затея: часть немцев сделать американцами, а другую — русскими! Если бы те, кто столько времени потратил на борьбу, внимательно слушал, что пели немцы: «Германия превыше всего»! Можно ли заставить нацию быть такой, какой она быть не хочет? Могла ли Россия стать такой, какой стала, если бы не была к этому готова? Ведь, Сталин и Гитлер очень хорошо понимали, что они — братья-близнецы. А русские и немцы всю историю были неразделимы. Так тесно жили, что не понять было порой, кто у кого чему учиться: немцы у русских воровству, пьянству, мордобоею по выходным, предательству и слепой вере в свое великое предназначение, или наоборот. Равновеликие культуры, единокровные властители и одни исторические корни: так перемешались они, что всегда будут чувствовать непонятную близость друг к другу! И прав тот, кто сказал: «Что русскому хорошо, то немцу — смерть!», потому что это про зависть — чувство родственное у этих народов.

..ГДР должна была стать частью СССР. Это была давняя мечта русских властителей с незапамятных времен: «Мы едины — значит: ваше — это наше!» Пусть не вся Германия — пусть лишь часть, но по нашему образу и подобию! А вся глупость состояла в том, что такими русских сделали именно немцы еще со времен Петра. Строили по-немецки, говорили по-немецки, пили по-немецки, одевались по-немецки и воевали тоже по-немецки с немецкими генералами во главе.

Ах, эта любовь, замешанная на жестокости, по принципу: «Бьет — значит любит!». Сколько уже раз в истории они пытались залезть друг другу в постель, и каждый раз вокруг появлялись советчики, которые рассказывали, как и что лучше им сделать друг с другом!

Так случилось и в этот раз. Как было бы прекрасно, что бы американцы и англичане с лягушатниками не вылезали со своей идиотской помощью и вторым фронтом как раз тогда, когда этого не требовалось. Но они хорошо учат историю и быстро поняли, что «милые бранятся — только тешатся!». Что, кто бы кого ни побил в этой драке — обязательно договорятся, а потом непременно посмотрят на них: а что это вы, братцы, такие умытые и причесанные? Что это вы такие сытые и веселые? За удовольствие наблюдать — надо платить!». И все! И — хана! Не справится же никто с этими варварами с их неизменной и непонятной тоской! С их Достоевщиной и Шиллеровщиной! Что

скрывается за этой тоской? Да, ничего! Это тоска от скуки, а скуку разгоняют веселой дракой, замешанной на фантастических сказках о Богах и чудесах, которые помогают ничего не делать и побеждать. От этого у целых народов съезжает крыша и они начинают верить в свою избранность! И потому придется парижам и лондонам долго и много платить за право чихать в присутствии хозяина. И кушать придется свиные сосиски и любимое блюдо русских и немцев: капусту. Именно в этом дело, а не в пресловутом коммунизме! Теоретизировать можно до бесконечности, но этот самый коммунизм родился не в России, а в той же Германии. Вся история будущего человечества была написана в Германии! И немецкий марксизм бездельника, фантазера и недоучки — это образ жизни русских: нет ничего чужого, которое не мое!

... Драка за Германию предстояла жестокой. Советы готовы были простить немцам десятки миллионов своих смертей за право распоряжаться и их жизнями...», — так думал подполковник Трошин. Думал, но никогда и никому ничего подобного бы не сказал. Именно поэтому и дожил до весны 55-го, пройдя через все чистки, лихие повороты судьбы и политики своей страны, имя которой — непредсказуемость! Второй месяц просиживая в архиве, окруженный толстенными томами, наверное, самого непонятного и запутанного дела № 713, часть из которого уже очень давно здесь пылилась, Сергей Трошин пытался понять: кто это человек, чья деятельность на царской службе, ВЧК, НКВД, МВД и МГБ длится уже 55 лет! Почему не отозван в периоды чисток и не уничтожен? Когда, кем и как внедрен и глубоко законспирирован? Да так, что никто из могущественного ведомства не знает: один это человек или группа? В томах дела Трошин нашел операции под одинаковыми кодовыми названиями: «Донор 1» и «Донор 2», и во всех делах присутствовал только один человек — Конрад. В деле были документы, в которых черным по белому сообщалось о гибели агента Конрада, причем таких сообщений подполковник насчитал четыре! Еще три сообщения констатировали ликвидацию этого же агента! После чего следовали аккуратно подшитые расшифровки сообщений от...Конрада!! Правда, Трошин отметил странные паузы в 10-15 лет. Это можно было бы объяснить периодом внедрения нового агента под тем же именем и в рамках одного и того же дела. Но...! За отчетный период, так, на минуточку, произошла смена власти в стране — революция, а потом сменилось такое количество руководителей секретных служб СССР, практически весь высший, средний да и младший состав, что представить себе операцию длиной в полвека...? Идиотизм! Это невозможно. Тем более, что ни один из кураторов этого дела не выжил после всех чисток в аппарате ВЧК-НКВД-МВД-МГБ. У Трошина складывалось впечатление, что причастных к делу оперативных сотрудников просто убирали с завидной периодичностью. Но ведь кто-то же знал все? Трошин понял одно — каждый «верховный жрец» СССР и его правая рука — очередной руководитель МГБ знали о Конраде. Но знали только то, что Конрад — есть! Он действует, что подтверждалось короткими справками о передачи денежных средств в валюте, но без указания сумм. И уже никто не знал — кто это?! В связи с невероятными событиями и переменами, происшедшими в стране, отдел Трошин, входивший в Иностранное управление МГБ, получил команду в режиме

абсолютной секретности выяснить обстоятельства дела № 713. ЦК распорядилось подготовить оперативную записку о положении в ГДР, в связи с начавшимися сверхсекретными переговорами о возможном объединении Германии между СССР, США и Великобританией в мае — июне 1955 года.

Ситуация была крайне сложной вследствие того, что за два года до своего бесславного конца Берия приказал провести крупномасштабную реорганизацию агентуры в Восточной Германии. Свыше восьмисот сотрудников было отозвано из ГДР, большая часть из которых бесследно исчезла, а уже 17 июня 1953 года массовые волнения рабочих в Восточном Берлине, которые в Москве ошибочно квалифицировали, как спонтанные, бросили первый серьезный вызов коммунистическому правлению в советском блоке. На подавление мятежа в спешном порядке были брошены две советские танковые дивизии и не обошлось без жертв. Более двадцати участников демонстраций были убиты. Москва решила, что волнения возникли из-за хаоса, который был порожден этой самой бериевской реорганизацией советской резидентуры, но никто не высказал даже предположения, что и сам отзыв сотрудников разведки в Москву, и начавшиеся за этим волны неподчинения со стороны местных жителей ГДР, каким-то образом могли быть связаны с вновь возникшим на горизонте Конрадом!

Трошин увидел в деле короткую докладную записку дежурного по отделу приема донесений и шифрограмм о первом за 15 лет выходе на контакт агента Конрада. Это было за месяц до команды Берии о вызове всех основных сотрудников резидентуры из Восточного Берлина.

7.

Мистер Макдауэл? — офицер пограничной стражи внимательно рассматривал паспорт. Да, офицер, к Вашим услугам. — Дастин навился сам себе.

«Никакой суеты! Короткие, точные ответы, прямой и искренний взгляд — первое впечатление от Вас должно быть самым положительным» — инспектор германского отдела Министерства иностранных дел Его Величества Короля Великобритании Георга Пятого уделил Дастину всего полчаса для короткого инструктажа. «Вы, мистер Макдауэл, представляете британскую корону! Не забывайте об этом!» — инспектор передал Дастину брошюру, в которой были изложены основные правила поведения британского дипломата и некоторые скупые сведения о современной Германии. «Мы, к сожалению, не можем дать Вам более подробные рекомендации, ибо новая германская власть в лице канцлера Гитлера представляет собой нечто совершенно нам неизвестное. Мы надеемся, мистер Макдауэл, что ваша деятельность в Посольстве Его Величества как раз и принесет те недостающие сведения для подготовки наших дипломатов в будущем! На Вас возлагается почетная миссия — это серьезная перспектива, мистер Макдауэл!» Дастин был направлен в Посольство Великобритании в Берлин в качестве атташе отдела культуры и более удачного определения по службе представить себе было невозможно! Это было везением!

Никаких скучных дипломатов, никаких секретных донесений и шпионов: выставки, концерты, спектакли и банкеты, артистки и, конечно, артисты — вот его работа. И, согласитесь, это неплохая работа!

Конечно, согласиться было бы можно, только все обстояло совершенно не так, как он себе представлял. Его определение в состав британского посольства в Германии было плодом серьезных усилий некоторых весьма влиятельных господ из палаты лордов, кабинета министров и разведки МИ-5, с которыми аргентинский дядюшка имел определенного рода взаимоотношения.

Цель Вашего прибытия в Германию? — пограничник наконец-то закончил переписывать данные паспорта в особый блокнот.

Работа в посольстве Великобритании в качестве атташе по культуре.

Очень хорошо. Добро пожаловать в Великую Германию! — офицер слегка улыбнулся и потерял к Дастину всякий интерес — его взгляд уже был направлен на плотного лысеющего мужчину в светлом костюме.

Дастин прошел за стойку и увидел молодого человека с табличкой в руках, на которой было написано: «Макдауэл». Приветственно приподняв шляпу, расстроенный тем, что его статус не произвел никакого впечатления на пограничника, он подошел к встречающему его сотруднику посольства и представился. Перебрасываясь ничего не значащими фразами в стиле английского чаепития, они прошли к стоянке, где был припаркован автомобиль посольства. Молодой человек уложил в багажник вещи Дастина и они поехали в посольство по дороге, которую новоявленный атташе по культуре должен был проехать только один раз.

Встреча в посольстве прошла в деловом режиме: десять минут на представление послу, пятнадцать минут на одну чашку чая с первым секретарем посольства, который и был его непосредственным начальником, три минуты через двор к другому зданию посольства, где находилась квартира Дастина и его рабочий кабинет, час на то, чтобы привести себя в порядок, два часа тупого ожидания у окна, которое выходило, как и полагается квартире молодого сотрудника, на помойку и, наконец, телефон ожил.

Здравствуйте, меня зовут Лаура Дейч! — приятный женский голос скорее всего принадлежал существу лет двадцати пяти-тридцати. — Вас предупредили, что я буду звонить?

Нет, фрейлин, скорее всего, просто не успели! Но это не имеет никакого значения — чем могу быть полезен?

Насколько я знаю, я уже лет пять как — фрау, но это тоже не имеет никакого значения! — весьма фривольное заявление слегка возмутило спокойствие молодого джентльмена.

Так чем я могу быть Вам полезен? — Дастин от неловкости слегка «пересушил» свой вопрос.

Ну, не будьте букой, мистер Макдауэл! Я Ваш добровольный помощник, я практически Ваша германская Муза или что-то вроде бесплатного путеводителя по культурным местам и не очень культурным подворотням Германии. Вы же хотите знать об этой стране как

можно больше? Советую не терять времени и начать знакомиться с предметом Вашей будущей деятельности в непосредственной близости. Естественно, я не имею в виду себя!

До Дастина только что дошло, что они говорят на английском языке.

Фрау Дейч!

Лаура!

Хорошо... Послушайте, фрау Лаура! Я первый день в Берлине и не совсем уверен, что полностью понимаю ситуацию. Вы — не англичанка? У Вас какой-то странный акцент. Но, Вы работаете в посольстве? Откуда у Вас мой телефон? — Дастин вспомнил слова одного из сотрудников секретной службы МИДа: «Бойтесь, юноша, не только данайцев, дары приносящих, но, особенно, их данаек! Поверьте мне, это только на ощупь они одинаковые, но последствия этого процесса в каждом конкретном случае разные! Так что, если не хотите попасть в неприятную ситуацию, прежде чем, как следует джентльмену, ощупывать, сначала прощупайте как следует».

Давайте еще раз, мистер Макдауэл! Я готова ответить на все Ваши вопросы оптом и в розницу, и даже проиллюстрировать ответы, но, ради Бога, перестаньте воображать меня шпионкой — шпионы так не делают! Стала бы я звонить в посольство, телефоны которого прослушиваются! Не давайте мне повод думать о Вас хуже, чем я могла бы. — Кажется, девушка начинала терять терпение. — Мистер осторожный дипломат, мой муж давно и близко знаком с Вашим послом и это идея Его Превосходительства: показать Вам Берлин и ввести Вас побыстрее в определенные круги! Считайте, что это первое тайное задание — войти в контакт с молодой незнакомкой! Извините за выражение: войти в контакт! Мой шофер заедет за Вами через пятнадцать минут и надеюсь, что на Вас не будет фрака и цилиндра.

Разговор прервался. «Ничего себе, — подумал Дастин, — жена друга посла...! Кажется, я вел себя чересчур осторожно, но тем не менее, должен предупредить об этом первого секретаря». Он набрал номер местного телефона:

Сэр! Могу я к Вам обратиться за советом? Это атташе Макдауэл.

Да, конечно, мистер Макдауэл, — секретарь была сама любезность.

Дастин изложил суть произошедшего, но без пикантных подробностей разговора.

Лаура Дейч! Как же! Милая особа. Ее муж весьма влиятельный банкир и наш хороший друг, и будет весьма неплохо, если Вы найдете с ней общий язык. Поезжайте, мой юный друг! Эта дама вращается в весьма высоких кругах и, по нашим данным, ее принимает и новая власть. Так что, это может оказаться очень полезным, очень.

Дастин положил трубку телефона. Через десять минут он уже пересекал посольский двор по направлению к воротам. Выйдя на улицу, он увидел автомобиль и шофера, ожидающего у пассажирской двери:

Простите..., — начал было Дастин.

Мистер Макдауэл? Прошу Вас. — Шофер открыл дверь.

...Приблизительно в это же время, на третьем этаже здания, недавно созданной министром нового правительства Германом Герингом Тайной государственной полиции (гестапо), произошел еще один телефонный разговор:

Жена еврея-банкира Дейча только что звонила в английское посольство, — прошелестел в трубке женский голос.

Благодарю вас. — Дежурный отдела «по связям общественностью» аккуратно занес информацию в книгу телефонограмм, но не обычными чернилами, а карандашом красного цвета.

В соответствии с секретным циркуляром нового ведомства, источник не имел абсолютно никакого значения. Во внимание принималась лишь сама информация. В данном случае, как и в сотнях ежедневных звонков, предмет соответствовал новой «национальной идее» — официальному преследованию евреев в Германии, выражавшемуся в общенациональном бойкоте магазинов и предприятий, принадлежащих евреям, а также в отказе принимать на работу специалистов-евреев. Конечно, могли быть и исключения в виде крупных банкиров и финансистов. Временные исключения.

Запись красным цветом обозначала исключительный характер сообщения. Информация подобного рода в конце дня тщательно переписывалась в отдельный рапорт и подавалась на самый верх — лично министру Герингу. Там и только там решали: какую запись стереть из книги, а какую обвести чернилами.

8.

В стороне от центра Амстердама в районе Йордан в одном из закрытых от посторонних, нескромных взглядов двориках — хофье находилось заведение Николь — девушки лет сорока — носительницы старых китайских традиций высокого искусства любви и наслаждений. Почему ее звали Николь? Об этом я ее никогда не спрашивал. Думаю, потому что все французское кажется слишком доступным. Но у Николь было еще одно имя, которое знали те, кто был постоянным клиентом — ее звали Как-Вы-Желаете. Николь была настоящим философом любви и к своим сорока годам действительно оставалась девушкой. «Потеря единственного, что мне по-настоящему принадлежит, была бы самой великой глупостью, — говорила Николь. — Самым прекрасным в любви является Созидание Великого Ощущения, но мужчины столь глупы, что в надежде самоутверждения все время пытаются разрушить Хрупкое. Сохранить Цветок и насладиться его ароматом, не сорвав его, не сломав возвышенной красоты, созданной Великим Разумом — вот высшая ступень Мастера! Потеряв невинность, ты больше не принадлежишь Богу — ты принадлежишь человеку, а это слишком просто, чтобы быть прекрасным. Мужчина должен получить то, что он хочет без остатка, но ему абсолютно

без надобности знать что у женщины происходит внутри! Нужно дарить мужчине Образ, быть такой, какой он хочет тебя видеть — только тогда ты желанна, но то что ты даришь мужчинам — многолико, а собственное Я храни только для себя. Будь с ним добра, ласкай Ему и балуй предощущением Проникновения. Это твоя тайна, закрытая от чужой воли. Будь Цельной и каждый раз будешь желанной. Потому что мужчина только с виду Воин, а в деле — сущий ребенок, который бывает удовлетворен только тогда, когда сломает игрушку и узнает, что у нее внутри. Но каждому новому мужчине давай шанс попытаться счастья добратся до Вершины — пусть почувствует Блаженство и Победу, и не отрицай Его, в противном случае ты его сломаешь»!

Я вошел в полутемную комнату, в которой горели только керосиновые лампы. Плотный воздух наотмашь ударил в ноздри и окутал теплой пеленой. В комнате стоял густой запах плоти с оттенком сладкого. Дым от опиумных трубок проникал в легкие, заставляя их трепетать. Дрожь передавалась всем частям тела. Казалось, кожа как губка через все поры втягивает внутрь чужое возбуждение. Тело становилось податливым и уже через несколько секунд входило в такт общим вибрациям, а глаза привыкали к сумраку и различали розовые пятна, рассыпанные по полу, и извивающиеся в медленном танце. Ни одного стога, ни одного звука — только легкое дыхание сливалось в Божественном tutti, порождая мелодию единого восторга.

Как-Вы-Желаете ждала меня в своей комнате.

Ложись, Дон, и укройся одеялом. Тебе подадут хорошего опиума. Ты давно не приходил. Ты больше не любишь Николь? Ты совсем устал со своими белыми девушками.

А твой фламандский — отвратителен, Николь. У тебя есть что-нибудь для меня?

В углу комнаты сидели три девушки, одна из которых вполголоса пела на китайском языке. Хотя, может быть, и не пела, а читала стихи. А может и не читала, а что-то рассказывала подругам: мой разум начал отдыхать и я переставал думать. Мысли стали делать паузы между собой и я почувствовал, что тепло входит в меня волнами.

Дон, ты торопишься. — Николь подозвала девушку, которая пела-читала-говорила и та, поднявшись, подошла. — Это — Ароматный Цвет. Она не говорит на нашем языке, но свой собственный язык знает в совершенстве — ты можешь в этом убедиться.

Николь сняла с девушки тонкую шелковую ткань, в то время, как другая снимала одежду с меня.

Дон, тут есть для тебя письмо. — Спина девушки, от длинной шеи до розовых пяток, была покрыта таинственными рисунками и иероглифами.

Кажется, мне придется провести здесь полгода, чтобы прочитать это послание, — я посмотрел на Николь. — С каждым разом они становятся все более болтливыми.

Хочешь, она будет лежать здесь полгода, Дон?

Нет, Николь, за полгода от меня в твоём заведении ничего не останется. Прочти мне сейчас, что здесь написано, а лучшее твоё приобретение пусть сыграет для меня на флейте.

«Великий Тигр уже слишком сыт, чтобы хотеть меня» — это из Тан Иня. Прекрасные стихи, Дон.

Конечно. Я знаю эти стихи. Разожги огонь, Николь. — Опиум был действительно хорош.

Николь сделала знак и очаровательная китаянка, которая меня раздевала, достала из шелкового кармана на рукаве своего одеяния три маленьких пирамидки «фимиама страсти». Затем она расставила пирамидки на обнаженной спине Ароматного Цвета: одну чуть ниже шеи, другую посередине спины и третью — в конце ложбинки, где расходятся пути Единого, открывая нежно-розовую раковину «шелкового веера», который напоминал открытый рот тропической птицы. Затем она подожгла все кусочки кончиком горящей ароматической палочки. Вида трех крохотных спиралей дыма и снадобья, которое окутывало сладкой истомой мои внутренности, оказалось достаточно, чтобы мое Я напряглось. Радость от того что оно не настолько измождено, чтобы на день-другой отказаться от удовольствия, заставило меня изменить прежние планы и немедленно погрузиться во Внутренние Покои девушки. Через несколько минут пирамидки фимиама на теле девушки наполовину выгорели и она начала чувствовать жар. Девушка стала вскрикивать от удовольствия и жгучей боли. Другая девушка налила масла на ее спину и пирамидки потухли, смешавшись с маслом. Удовольствие и боль Ароматного Цвета достигли пика одновременно с моим: что-то лопнуло внутри и я упал на нее сверху. Я не видел, как исчезают рисунки с ее спины — я соскользнул на теплое одеяло, а моя помощница, скинув с себя одежду, легла на спину Ароматного Цвета. Ее упругие груди, живот и раскрытое влагалище поглотили остатки письма и два упругих тела, слились в одно.

...Опиумный дурман уходил, оставляя ощущение легкости. Ароматный Цвет тонкой тканью, пропитанной маслами, омывала мое отдохнувшее тело, а другая девушка «играла на флейте». Николь сидела рядом, закрыв глаза. А в моей голове возникли стихи: «Великий Тигр уже слишком сыт, чтобы хотеть меня». Я хорошо понял смысл письма.

Хорошие стихи. Николь. Очень хорошие. — Я почувствовал, как последняя волна прошла сквозь меня и, открыв глаза, увидел увлажнившиеся губы девушки.

Я благодарен тебе за подарки, Николь. А теперь мне пора. Дай мне чаю и напиши ответ.

Что ты хочешь, чтобы я написала, Дон?

Напиши строчки из Юй Сюаньцзи:

«Что привело их сюда,

Что увело их отсюда,

О чем вспоминают теперь?

Улыбка моя неизменна»

Это хорошие стихи, Дон. Я их напишу. Ароматный Цвет скоро уедет. Прощай.

Я допил свой чай и вышел на улицу. Наступило утро. «Великий Тигр уже слишком сыт...». Наелся, значит, Тигр. Значит, Вашингтон решил оставить все как есть? Южная Корея достается Западу, а Китай и Северная Корея отойдет СССР? Значит, американцы всерьез признали свое поражение в Корее и собираются отдать Советам в знак примирения какой-нибудь жирный кусок. Вопрос, что они затеяли и что я на этом мог бы поиметь? Первый раз я пожалел, что «Святой Иосиф» помер. Если бы не смерть Сталина в пятьдесят

третьем, корейская война длилась бы еще неизвестно сколько. Но понадобилось целых полтора года, чтобы американцы поняли, что с Советами надо не воевать, а торговать — играть на одном поле и по одну сторону баррикад. Вот это была бы организация! Правда, эта задержка дала мне возможность держать свой бизнес вплоть до сегодняшнего дня. Но, судя по письму, всему приходит конец! Я поздравляю Вас, Дон! Вы — банкрот! Правда, только наполовину. Потому что, как бы не разворачивались события, поставки опиума из Юго-Восточной Азии в любом случае будут продолжаться в ту или иную сторону.

...СССР делал все возможное, чтобы скрыть явное участие русских в трехлетней войне за Северную Корею, хотя в Вашингтоне прекрасно об этом знали. Знали, но больше всего боялись, как бы эта информация не просочилась в печать. Если бы в США общественность узнала о том, как русские под видом корейцев и китайцев на своих МИГ-15 колотят «Фантомы», возмущенные янки потребовали бы ответных действий, а это уже была бы третья мировая. А вот как раз это-то и не входило в расчеты СССР и США. Обладая атомными бомбами, психи с одной и с другой стороны точно бы не выдержали и все могло превратиться в пыль. Какой мог бы быть в этом случае бизнес: количество потребителей резко бы уменьшилось, да и покупательская способность оставшихся тоже снизилась! Торговать ведь надо не только с государствами, поставляя им оружие, но основной доход дают простые люди: когда они сыты и пьяны, им хочется драться. И круг замыкается.

А ведь игра была по крупному! В 1945-м разгром японских войск привел к тому, что американцы и русские освободили Корею и, как и Германию, разделили между собой! Разделили на две оккупационные зоны по 38-ой параллели и по уже отработанной схеме. Все в один голос говорили, что мера вынужденная и временная, и в Москве на совещании министров иностранных дел СССР, США и Великобритании в декабре 1945 года провозгласили возродить единую Корею. Но, как это обычно бывает, американцы захотели своего контроля, русские — своего и в итоге получилось два государства, которые в конце концов столкнулись лоб в лоб. Конечно, на сами столкнулись!

США, Англия, Турция, Франция, Таиланд, Канада, Австралия, Греция, Новая Зеландия и Филиппины против корейцев, китайцев и русских! Сколько в этом участвовало людей и никто ни о чем достоверно не знает. Но мне пришлось во все это влезть, потому что именно в то время в некоторых кругах возникла идея воспользоваться весьма выгодной ситуацией и создать некий аналог Международной неправительственной благотворительной корпорации по поставкам медикаментов. Через пограничную реку Ялуцзян, по железнодорожным и автомобильным мостам между китайским Аньдуном и корейским Синьчжу вместе с китайскими добровольцами и оружием, я перекидывал опиум на территорию Северной Кореи. Далее русские тяжелой авиацией сбрасывали его на территорию Южной Кореи. Потом он транспортной авиацией и англичан, и американцев, и французов перебрасывался через Гавайи в Мексику. А уже потом через Атлантический океан попадал в Англию и благополучно прибывал через Ла-Манш во Францию, Голландию, Бельгию и Германию на английских, французских и советских рыболовецких судах.

В этом бизнесе удачно сочетались интересы и Советов и американцев, и всех остальных, ибо каждый получал свои комиссионные серьезными деньгами и информацией друг о друге. Конечно, все эти операции происходили вовсе даже не на правительственном уровне. Это был так называемый «частный» бизнес, в котором участвовали различные теневые структуры, которые люди привыкли называть — мафией. Операции подобного рода всегда прикрывались секретными службами — да, иначе и быть не могло! Просто ничего бы не получилось. Спецслужбы прикрывались незаконными операциями, а незаконные операции совершались при тайном содействии этих служб. Ведь невозможно провести ни одну секретную операцию тихо: необходим так называемый «информационный повод»! Предположим, возникает некий международный конфликт, который, как известно, просто так, из ничего, возникнуть не может! Этот конфликт обязательно кто-то где-то и в каких-то целях спровоцировал. Государства, втянутые в этот конфликт, заняты его скорейшим урегулированием, а внутри этого конфликта возникает весьма интенсивная коммерческая деятельность. Чаще всего, и этому существуют многочисленные исторические примеры, конфликт гасится с той же скоростью, как и начинается, как только решаются некие коммерческие интересы каких-либо групп граждан, которые на этот момент определяют политику конфликтующих государств! Секретные службы, прикрывая «частный» бизнес, получают информацию такого рода, какую никогда в мирных условиях не смогли бы добыть: слишком уж высока бы была ее стоимость. Да и разведки стран выстроены таким образом, что просочиться сквозь паутину защитных сетей чаще всего просто невозможно. А в условиях международного конфликта деятельность всех структур государств начинают работать в совершенно ином режиме — вот тут-то и появляются супершпионы и возникают агентурные сети. Этому способствуют и военнопленные, и пребывание армий противников на чужих территориях и резкое изменение границ и многое другое. А так как в любом государстве всегда муссируются вопросы по финансированию секретных служб и, чаще всего, всегда речь идет о снижении расходов на их одержание, секретные организации начинают работать на «самофинансировании»! Они сами создают или способствуют созданию преступных организаций, которые в свою очередь дают возможность «частным предпринимателям» работать на новом рынке. И те, и другие, и третьи получают от этого и средства на проведение своей работы и разветвленную информационную сеть, которую начинают эксплуатировать в мирное время до тех пор, пока не возникают другие задачи или пока кто-нибудь не перестает играть по принятым правилам.

Естественно, что я приторговывал всем тем, что попадало под руку (а чаще всего, кто-то подкидывал) и могло принести деньги, определенное положение и связи. Например, американцам, в счет оплаты за транспортные услуги по доставке и хранению моего товара на Гавайях, я добыл, предоставленные мне в качестве оплаты за часть моего товара (следующего под маркировкой «медикаменты» через Казахстан и центральную часть СССР — в Западную Европу), схемы принципиально новой системы радиоэлектронной разведки «Пирамида», которую использовали русские для слежения за новыми американскими самолетами типа «сейбр». А русским, на тех же условиях оплаты в счет поставки и

хранения моих «медикаментов», я продал так давно желанную ими информацию по новым противоперегрузочным костюмам пилотов Ф-86 и радиолокационным прицелам с дальномером, который позволял американцам право превентивной атаки в воздухе! «Медикаменты» поступали к получателю, которым чаще всего были «итальянские предприниматели» и появлялись на рынке разных стран. Я назвал эту путь «Дорогой дружбы». В финале этой работы необходимо было «исчезнуть», потому что самая умная и талантливая секретная служба в итоге любой работы планирует самый предсказуемый финал: устранение основного ядра участников этой деятельности. Здесь есть очень хорошее правило: никогда не бери всех денег! Никогда не бери последнюю сумму себе. Тот, кто взял последние деньги, должен будет убежать от других, которым брать уже будет неоткуда. Я же предпочитаю охотиться, чем убежать! И в конце концов, я понял, что воюют и убивают друг друга простые люди, а организывают войны и конфликты деловые люди, которые неплохо зарабатывают на этих проектах. Быть в числе первых мне не хотелось, быть в числе вторых — единственное, что мне оставалось! Выбор — не очень, но, главное, что он есть! И еще — секретные службы только думают, что они такие секретные! Любой секретной фирмой руководят живые люди со своими пороками, слабостями и пристрастиями. Мой принцип работы: хорошо знать эти черты этих людей и всячески их поощрять и удовлетворять. А что до моральных принципов, то либо тебя поймеют, либо ты поимеешь — весь вопрос, как к этому процессу относиться! Так что, я что-то вроде производной от благородного Робин Гуда и честной шлюхи с Риппербана, которая никого не затрачивает до смерти — получила свое, умылась и забыла!

Теперь то же самое, что и в начале с Кореей, назревает в Германии. Опять пошли разговоры о возможном объединении. И если американцы отдадут какой-нибудь лакомый кусок Советам за мирный договор, который в июле этого пятьдесят пятого года, собираются заключить в Женеве, новое руководство СССР в лице оригинального лидера Никиты Хрущева, может сделать ответный подарок. Но одно дело, это намерения Хрущева, а другое — планы деятелей с Лубянской площади, которым личность Никиты крайне не нравится, и у которых совершенно иные виды на будущее!

...Я направлялся к Вейланду купить хорошего контрабандного табака. Купюра, которую для меня оставил Морячок, наверняка содержит интереснейшую информацию. У русских все еще не перевились дурные шпионские манеры: я должен засунуть в глаз увеличительный прибор, который используют ювелиры, найти кодовые слова, расшифровать и после этого купюру сжечь! Жечь деньги — это мерзко. Это также отвратительно, как не подать нищему. Поэтому я никогда их и не сжигал, а отдавал нищенке у городских ворот Схрейерсторен. Через неделю на моем счету в Швейцарии возникала сумма в пятьдесят тысяч долларов — ровно столько стоила Вашингтону бумажка в десять гульденов. Это очень хороший бизнес!

Кстати, Николь права — от белых женщин быстро устаешь. Поэтому сегодня я буду дома, но сделаю вид, что меня нет и не пушу Линду.

Автомобиль плавно тронулся с места. Дастин неплохо разбирался в последних моделях: в последнее время в Англии популярностью стали пользоваться автомобильные гонки. В Кембридже с однокурсниками он часто по выходным участвовал в университетских соревнованиях. Конечно, те автомобили не идут ни в какое сравнение с этой машиной! «Хорьх», этого — тридцать третьего года выпуска, был абсолютным произведением искусства! Метров семь в длину, с сидениями из белой кожи, отделкой салона из шести пород дерева и золотом высокой пробы на приборах — автомобиль был похож на таинственный ларец, в котором индийские раджи хранили самые дорогие алмазы. Судя по стоимости машины, друг Его Превосходительства Посла Великобритании — банкир Дейч был из породы людей, которым очень важно, чтобы все видели, что это именно его автомобиль только что остановился у перекрестка, пропуская через дорогу несчастную старушку с бидоном молока!

Что за алмаз хранит банкир в такой шкатулке? Наверное, возит по городу в шикарном наряде и показывает своим поделщикам и ростовщикам, как еще одну свою драгоценность? Дастин с уважением относился к людям, достигшим такого уровня благосостояния и обладающим таким количеством денег, но все же... Как это пошло, должно быть, каждый день ни в чем себе не отказывать, когда страдают миллионы! Кушать икру с золотых тарелок и наблюдать, как юная красавица умащивает себя дорогими духами. Как грациозно ложится на нежное тело тончайшее французское белье, как томно изгибаясь она подходит к этому старому и потному еврею, от которого дурно пахнет, и подает ему подтяжки! Дастин уже тихо ненавидел того, в чьей машине и к чьей жене он ехал. Может быть, правы нацисты, что не любят евреев? Сколько юных душ и тел вот так запрятано этими ростовщиками в золотые клетки! Мысли о том, что этим юным телам это может очень даже нравиться не приходило Дастину в голову. А уж то, что новой германской власти глубоко наплевать на юные души, развращенные старыми банкирами — их интересуют только банковские счета этих злодеев, юного денди вообще не интересовало. Где-то внутри, под кожными покровами, в самых потаенных уголках молодого, никем еще не использованного тела, резко увеличилась доля частиц, отвечающих за животные инстинкты. Дастин ехал к Лауре! К ЕГО Лауре. Зря, конечно, ехал.

Но машину вдруг резко тряхнуло на повороте и шофер, обернувшись, извинился. А у Дастина сразу все эти мысли куда-то исчезли и появились легкий страх и сомнения в правильности осуществляемых действий. Вообще-то, как джентльмен, он сейчас делал то, что нельзя было назвать неприличным — он ехал по делам. Что же касается мыслей, то с них налогов не берут! Только вот... «Вдруг Лаура окажется не такой прекрасной, как эта машина... Господи, что я говорю. Кажется, приехали». Шофер плавно остановил «Хорьх» и,

обойдя машину с передней ее части, открыл Дастина дверь. Дастин даже не заметил, как оказался километрах в десяти от Берлина.

Дом, перед которым остановилась машина, был окружен деревьями и, казалось, утопал в цветах, которые росли повсюду. В саду пели птицы, на усыпанных гравием дорожках, ведущих в глубину сада, камешки лежали один к одному. Вдоль этих дорожек тянулись розовые кусты, а источавшие масляный запах цветы создавали атмосферу французской парфюмерной лавки. В непривычной к таким запахам английской голове, слегка зашумело, стало немного дурно: «Как здесь можно жить? Воняет, как в публичном доме» — подумал он, подходя к парадному крыльцу.

Справа от себя Дастин увидел двух ротвейлеров, которые сидели недвижимо, как каменные изваяния, и не сводили с него черных и пустых глаз. Мороз пробежал по телу: «Мерзкие собаки!». Но Дастин тут же про себя извинился перед ними. Если правда то, что собаки понимают мысли людей, то не лишним будет мысленно же и извиниться. «Глаза-то, глаза! Дьяволы!» Собак Дастин не любил и воспринимал только в виде борзых на охоте и бегах, а у этих слюни до колен и взгляд, как у... Да ну их к черту!

На ступенях дома гостя поджидала смуглая служанка. «Испанка? Нет, скорее, итальянка! Какая вызывающая грудь!» Она проводила Дастина в гостиную, предложила выпить (он отказался, потом пожалел) и сказала, что хозяйка спустится через минуту. Дастин сел в кресло, стоящее посередине огромного холла, и решил не проявлять излишнего любопытства, чтобы не показаться невежливым. Очень хотелось закурить, но он не увидел рядом пепельницы. Дом, как и следовало ожидать, напоминал склад какого-нибудь музея. Огромное количество всяких ценных вещей, картины, ну и тому подобное. Дастину такие дома не нравились — они его раздражали. В предместьях Лондона, конечно, таких домов было достаточно, но никогда ему не приходилось бывать внутри. Только — рядом. Родители его сотоварищей и однокурсников были людьми зажиточными, но все праздники, на которые его приглашали, почему-то проводились в пабах, а не в родительских гнездах. Может быть потому, что пиво слишком простой и грубый напиток для соседства с картинами старых голландцев типа Схалкена и ван Дейка! «Эти чертовы розы! Лучше бы пахло пылью. Как же хочется курить». Служанка стояла в углу и смотрела на него. «Что она смотрит?». Она уже ему не нравилась. «Эфиопка, чертова!» Не более чем через минуту откуда-то сверху послышался голос. Еще через несколько мгновений на лестнице появилась и сама хозяйка. Дастин ожидал увидеть нечто соответствующее этому дому с его просторными залами, картинами на стенах, бронзовыми светильниками и хрустальными люстрами, персидскими коврами на полу и мраморными лестницами — словом, безумной, на его сухой английский вкус, безвкусицы. Но, то что он увидел, было абсолютно противоположным его ожиданиям. По лестнице спускалась миловидная женщина с зачесанными назад и собранными в пучок волосами и строгим черном костюме. В руке, в длинном мундштуке дымилась тонкая сигарета.

Здравствуйте, милый господин Макдауэл! Добро пожаловать в Германию! Эльза, мы выпьем кофе в саду. Хотите кофе, Дастин? Можно я Вас буду называть просто Дастин? —

Лаура подошла совсем близко. Так близко, что Дастину было крайне неудобно вставать. Идиотская ситуация: он оставался сидеть, тогда как дама стояла прямо перед ним. «Что делать? Как ее отодвинуть? Господи, чушь какая-то». Колени Лауры почти касались ног Дастина. Она смотрела на него сверху вниз и ему пришлось, подняв голову слишком высоко, изобразить на лице улыбку. Никогда еще он не попадал в такую ситуацию!

Вы очень милы, — Лаура сделала шаг назад, словно хотела рассмотреть его получше. И тут Дастин вскочил. Может быть, слишком поспешно для джентльмена.

Здравствуйте, фрау Дейч! — это все, что у него получилось.

Неправда ли, Вам у меня не очень нравится? — на лице Лауры появилась легкая усмешка. — Не переживайте, Дастин, мне самой здесь не очень нравится. Тем более, что я тут практически не бываю. Единственное, что меня примиряет с этим домом — это абсолютная тишина. В Берлине слишком шумно. Пойдемте в сад, милый Дастин, Эльза сварит нам кофе, а обедать будем в городе.

Не дожидаясь ответа, Лаура пошла вперед и опять Дастин оказался в неприятной ситуации: от ступеней дома в глубину сада вела узкая дорожка по которой мог пройти только один человек. Таким образом, Дастин оказался позади и вынужден был медленно идти за Лаурой, которая не переставала разговаривать с ним.

Как там Лондон? Я так давно прошу мужа съездить в Англию, но у него постоянно одни отговорки: дела, дела, дела и позже, позже, как-нибудь! Дастин, возьмите меня в Англию, когда поедете домой! Я Вам показываю Берлин, а Вы мне Лондон! Договорились? — она бросала полу фразы через плечо.

Что было делать? Как разговаривать со спиной? Во-первых, надо было смотреть под ноги, потому что Лаура шла слишком медленно, то и дело проводя рукой по раскрывшимся бутонам роз, и могла его не услышать — не орать же, в самом-то деле! А во-вторых, перед глазами Дастина покачивалась, обтянутая тонкой материей потрясающая задница, что тоже не прибавляла внимания.

Дастин, Вы меня слышите? — Лаура резко остановилась и повернулась к нему лицом. Он чуть было не влетел в нее. — Господи! — ее большие глаза смеялись. — Что с Вами? Вы первый раз видите женщину сзади?

Нет, что Вы! То есть, конечно, да, но...Я хотел сказать, что...

Не первый раз? — Лаура его перебила. — Милый мальчик, тогда успокойтесь. Я не ем иностранных подданных... Я ими только закусываю! — она засмеялась и провела рукой по его волосам.

Дастин просто перестал понимать, что происходит! Эта женщина, эти розы, чертова служанка скорее всего пялится на него сзади! Что за игра? Но, Лаура опять пошла вперед и через несколько шагов, Дастин увидел белую беседку. Они вошли в нее — перед ними стояли кресла и небольшой столик с фруктами.

Садитесь, мой дорогой англичанин. Сейчас мы будем пить кофе, а Вы мне расскажите, что Вам показать сегодня. У Вас есть прекрасный выбор: музей, ресторан, небольшая прогулка по городу, опять ресторан... Или Вы предпочитаете еще раз музей? — она явно

сбивала его с толку. Зачем? Что ей надо? Или это просто женское кокетство? Ей, видимо, просто скучно.

Знаете, фрау Дейч...

Лаура!

Да, конечно. Мне трудно определиться сразу и поэтому я отдаюсь Вашей фантазии целиком. — Дастин взял себя в руки. Пусть она сама решает, что делать! В конце концов, теперь это его работа — общаться с разными странными людьми. За это ему платят и этого от него хотят, что недвусмысленно дал понять первый секретарь посольства. И что плохого может случиться, если он будет приятно проводить время в компании этой сумасбродной немки?

Смотрите, Дастин! Моя фантазия не ограничивается посещением музеев и ресторанов! Но раз Вы сами предложили мне выбрать план на сегодняшний день, то я так и сделаю. Начнем с кофе, потом поедem в город, а ужинать будем при свечах, когда Вы меня проводите обратно! Вы же не бросите меня одну в Берлине, добропорядочный Дастин? Прошу Вас вернуть меня мужу в целости и сохранности. По крайней мере, сегодня! — Лаура заговорщицки нахмурила брови.

Служанка Эльза подавала на стол и ее глубокое декольте оказалось прямо перед лицом Дастина. От нее шел пряный запах, который смешивался с запахом хорошего кофе.

Господин желает сигару? — Эльза улыбаясь смотрела на Дастина. Ее акцент был явно не немецким.

В этой семье слуги говорят по-английски? Какого черта они делают? Кажется теперь они решили взяться за него вдвоем!

Да, пожалуйста.

Какие предпочитает господин: «Коиба», «Дон Хуан», «Ла Аурора»?

«Коибу», пожалуйста. Скажите, Лаура, а чем Вы занимаетесь, если это не секрет?

Это не секрет — это страшная тайна! Я прожигаю деньги своего милого супруга, наслаждаюсь жизнью и ищу приключения, которых, увы, почти нет в этой стране! Здесь скучно, Дастин. Немцы куда скучнее англичан, поверьте мне. Они ко всему страшно серьезно относятся, даже ко мне.

А новая власть? В английских газетах пишут, что канцлер Гитлер — жесткий человек и что его Германия может стать проблемой для остального мира? — Дастин решил перевести разговор на деловой лад.

Ну, что Вы, Дастин! Адольф — милейший человек. Все, чем он озабочен — это дать немцам побольше пива и сосисок с капустой! И между тем, он очень неплохо разбирается в искусстве, говорят, он раньше сам баловался живописью. И потом — сейчас 33-й, а не 14-й год! Немцам не до войн, здесь и без этого хватает проблем. Ну а что касается новых порядков — немцы всегда любили порядок! И чем он жестче, тем они счастливее, потому что бюргеры не любят думать: они хотят быть уверены в том, что есть кто-то кто за них все решит! Вы знаете, Дастин, а я Вас обязательно познакомлю с Гитлером! У меня есть преданный поклонник в его окружении (конечно, это между нами!), так вот я попрошу его

Вас представить канцлеру. Это может очень пригодиться в Вашей карьере. Представляете, Вы приходите к Вашему послу и говорите: «Вчера мне канцлер сказал... А я ему ответил... Мы с Адольфом обсуждали новые течения в немецкой литературе...» Каково? Ваши дипломаты там с ума сойдут! Нет, правда-правда! Это будет здорово!

Дастин вдруг почувствовал, что зря беспокоился. От сердца отлегло и на душе стало спокойней. Насколько он знал подобный тип скучающих и ветреных молодых самок при стареющих мужьях — чаще всего они думают совсем даже не головой! «Боже! Она совершеннейшая дура! И скорее всего — это твоя удача! Ее манеры невозможны, но это легко стерпеть ради прямой выгоды: если так пойдут дела, то ты получаешь невероятную возможность для роста по служебной лестнице. Через два-три месяца, с помощью этой красивой идиотки, ты сможешь возвращаться в самых высоких слоях общества. А это уже повод для двора дать тебе должность минимум третьего или сразу второго секретаря посольства: ведь в качестве атташе как-то неловко будет тебя представлять, если придется послу постоянно брать тебя на приемы! А что касается ее, то неплохо было бы и поразвлечься на досуге. Только осторожнее, парень, она может чего доброго и приклеиться!» Лаура внимательно следила за тем, что творилось в голове, сидящего напротив нее, молодого англичанина. Его мысли просто как на доске появлялись на его лбу и исчезали под уложенной прической. «Наверняка, он по часу вертится перед зеркалом! Интересно, в какой конюшне, какая скаковая лошадь выкинула на свет этого ублюдка! Хуан Мария Эскабадо был прав, когда писал, что он — настоящий кусок мяса без мозгов. Смотри, у него не только слюни потекли от предчувствия выгоды, но и сопли. Легкий ветерок из-под юбки — и готово дело — простыл мальчик! Он уже чувствует себя кобелем! Смотри, как потек! Надо будет вечером устроить ему такой спектакль, что он кончит сразу как начнет! Долго я все равно не могу это переносить. Как он дергался: «Извините! Что Вы, что Вы! Ах, позвольте! Ах, конечно!» Ладно, главное, что он здоров и глуп — дальше все будет делать сеньор Эскабадо!» Послушайте, милый Дастин! Я, кажется, придумала, что надо делать. Сейчас мы едем в Берлин и я прямо сегодня знакомлю Вас с моим воздыхателем. Мы сделаем хитрый шпионский ход! Мы пригласим его с нами пообедать. А так как он ходит только в один единственный ресторан (у него специальный пропуск в закрытый клуб для высшего офицерского состава), то он сам нас пригласит, а там такая оленина! Там божественное французское вино! Вы же знаете, Дастин, сейчас здесь с продуктами плохо. Ну, ведь нет же ничего плохого в том, что Вы начнете работать с первого же дня, правда? Это Вам только пойдет на пользу и начальству Вашему понравится. Кажется он отвечает за какие-то там культурные вопросы или еще за что-то. Только не подумайте, ничего такого! — Лаура нахмурилась. — У меня с ним ничего не было! Этот тип просто водит меня обедать и дарит всякие прелестные штучки, конфеты и цветы. Честное слово, Дастин, Вы не подумайте. Кажется, он какой-то важный государственный чиновник, но он — сын владельца свинарни! Здесь вообще трудно найти человека, с которым не стыдно выйти в общество. Мужу постоянно некогда, да и не любит он этого, а мне все время твердит: «Развлекись, милочка!» Слава Богу, что появились Вы!

Обожаю делать что-нибудь приятное мужчинам! Вам нравится, когда женщина Вам делает приятно, Дастин? Ну, не смущайтесь! Я же просто так. — Лаура вдруг коснулась рукой его волос. — Какие у Вас шелковые волосы! Вам позавидует любая девушка. Скажите, Дастин, а Вам нравится мой новый костюм? — Лаура встала, расстегнула единственную пуговицу на своем пиджаке и легким движением скинула его с плеч. — Чистый шелк! — Белая блузка от этого движения плеч обтянула высокую грудь Лауры. Она осталась стоять, отведя плечи назад. — Ну что, едем? Я уже страшно проголодалась. — Ее руки, как бы в подтверждение ее слов скользнули по всему телу от шеи через грудь, прошлись по плоскому животу и остановились внизу, как будто закрыли что-то на замок.

Дастин встал, служанка чуть отодвинула кресло и он вышел из-за стола.

Эльза, — сказала Лаура, — мы с господином Макдауэлом уезжаем в Берлин. Вернемся вечером. Будь готова к нашему возвращению. — Эльза со странной улыбкой посмотрела на хозяйку, на гостя и молча кивнула.

Вдруг он заметил, как Лаура нежно погладила служанку по щеке. Этот фривольный жест заставил внутри что-то екнуть. «Эй! А она, часом, не лесбиянка? Если это так, то дело плохо!» — Дастин уже решил, что для пользы дела придется, конечно, пересилить себя и улечься с этой сучкой в постель. «Только для пользы дела! Теперь же, если она... того, то...как же тогда? Ладно, посмотрим!» — подумал он и направился за Лаурой в сторону гаража.

Милый Дастин, подождите меня две минутки — я только поднимусь к себе и вернусь. — Лаура скрылась за дверью дома.

Она вошла в свою комнату и подошла к телефонному аппарату. Набрала номер:

Господина Йоганна Бойзена, пожалуйста. Лаура Дейч. Конечно, я подожду. Спасибо, фрейлейн. — На том конце провода через мгновение подошли к телефону:

Слушаю. Бойзен.

Йоганн, это Лаура. Мы едем к Вам.

Жду Вас, милая. Встретимся у кафе «Старый Ганс-мельник». Как себя чувствует приятель?

Хорошо, Йоганн. Он практически готов: голоден и совершенно сбит с толку.

Поздравляю Вас! — Разговор прервался.

Было начало десятого вечера, когда машина Лауры Дейч выехала из ворот особняка. Двое молодых людей сидели рядом друг с другом на заднем сидении. От женщины пахло чем-то необыкновенным и Дастин совершенно забыл все на свете. Еще двое молодых людей сидели в другой машине в ста метрах от ворот дома. Как только «Хорьх» банкира выехал, их автомобиль тихо двинулся вслед.

...Доктор Йоганн Бойзен работал в английском отделе Министерства иностранных дел Германии и занимался вопросами культурного обмена. Но никто, кроме его непосредственных руководителей не знал, что он является еще и важным чиновником Канцелярии расовой политики. Лаура стала его осведомителем уже шесть месяцев назад, когда вопрос ее мужа — банкира Давида Дейча — надо было как-то решать. И тогда

Доктор Бойзен пригласил Лауру на обед, встретив на одном из банкетов в Министерстве иностранных дел. Он четко и без эмоций объяснил ей, что судьба ее богатого мужа, но, к сожалению, еврея по происхождению, в ее девичьих руках. Что по закону, после неожиданной трагической гибели супруга, она не сможет унаследовать ничего из его огромного состояния, потому что все нечестно нажитые состояния обязательным образом конфискуют в пользу Рейха. Но все может обстоять и по-другому, если, конечно, девушка задумается о своем будущем. Тем более, что первых заключенных, тайных врагов Рейха, уже принимает Дахау, открытый 20 марта этого 1933 года в двадцати километрах от Мюнхена. Долго обсуждать этот вопрос не пришлось и вот уже почти шесть месяцев Лаура делала для него копии со всех счетов и финансовых документов мужа, а также сообщила приятное известие о приезде аккуратного молодого человека из Лондона. Доктор Бойзен ждал Дастина Макдауэла. У него на счет молодого дипломата были далеко идущие планы, которые юному амбициозному английскому денди вряд ли понравятся.

10.

В подвале было душно. Сергей заметил, что с каждым днем, спускаясь в архив Центрального управления КГБ, становилось все более душно. Вчера он казал об этом наверху, но начальник общего отдела ответил, что это самая правильная атмосфера: немного душно, зато сухо. Иначе крысы сожрут весь агентурный материал и придется всех крыс перестрелять, чтобы ненароком не продали наши секреты. «Шутник», — подумал Трошин, — «Легче всех крыс переловить, чем понять то, что я пытаюсь понять!» Кстати, что ты там ищешь? — поинтересовался начальник общака. — Может, помочь чем?

Крыс отлавливаю, чтобы чего не съели.

Э-э, брат, это ты зря время теряешь. Там крыс давно никто не видел. От этих папок на сто верст вперед разит смертью, а крысы от такого запаха первые бегут.

Трошин был уверен только в одном: чтобы понять, кто такой Конрад, начинать надо с самого начала. Он с тоской посмотрел на огромные стеллажи, которые рядами заполняли пространство: если бы здесь решили строить автомобильный конвейер, то главная проблема стала бы: куда девать свободное место после его постройки!

Вчера он запросил все по Конраду к себе наверх. Сотрудник отдела, который вернулся с ответом из архива неуверенно спросил:

Сергей Николаевич, это все надо поднимать? У нас же места не хватит.

Что ты мелешь? Сколько там?

Ответ лейтенанта его поразил: более двадцати восьми тысяч томов. Сто сорок одна «легальная» операция плюс еще черт знает сколько дополнительных дел. И это все только то, что непосредственно связано с Конрадом. Сергей проверил по картотеке: первое упоминание датируется декабрем 1915 года!

Ради удовлетворения собственного идиотизма, Трошин решил посмотреть это самое первое дело.

...Первая мировая война. В Копенгагене шпионы просто росли как грибы. В то время это был центр немецкого шпионажа, направленного на борьбу против России и, естественно, что русские здесь создали обширные агентурные сети. Наиболее важной частью этих сетей руководит генерал Потоцкий. В его задачу входило не только наблюдение за немецкими объектами, но и выяснение обстоятельств организации перевода денежных средств для большевиков. Его сеть состояла из трех ячеек и одной из этих ячеек руководил агент по кличке Конрад. Он был на связи с голландской агентурной сетью русских, которые проводили разведывательные операции в Германии и особенно в Руре. Из докладов генерала Потоцкого, прочитанных при дворе царя Николая Второго, становилось ясно, что генерал особенно ценил этого агента, который позже оказался в Швейцарии, где занимался взаимодействием с французской и чешской агентурой и «разведывательной деятельностью общего характера». Что сие означает, Трошин не понял, но далее в деле была приписка, что осенью 1917 года следы Конрада теряются. Последним местом контакта с Конрадом был Париж. Куда потом делся Конрад? Кто видел, что он убит или арестован? Если арестован, то должны были последовать какие-то действия тех, кто его арестовал — слишком ценный агент, чтобы вот так просто замочить и все! Но кому он в конце семнадцатого был нужен? Проблема в том, что сменилась власть в России. Тогда, может быть Конрад просто ушел? Ушел со всеми своими сведениями. Но он обязательно всплыл бы где-нибудь в Белом движении. Обязательно появился бы! Слишком много знал этот парень. Что-то здесь не так.

Трошин открыл следующее дело.

...Тысяча девятьсот двадцать первый год. Опять — Париж. На контакт с ОГПУ выходит человек, который просит называть его — Конрад! Его непосредственная близость к руководителю парижского Русского общевойскового союза генералу Кутепову позволила сотрудникам ЧК-ОГПУ войти более глубоко в белоэмигрантские организации. «Значит, все-таки — белое движение», — подумал Трошин. — «А потом замучила совесть — сколько раз такое было». И тут же Сергей наткнулся на секретную докладную агента ОГПУ Якушева из Хельсинки. Якушев сообщает, что перехватил донесение из Москвы от тайного агента берлинского Высшего монархического совета Конрада! Очередной Конрад предупреждает верхушку белого движения, что британскому суперагенту Сидни Рейли в России готовят западню и он не должен поддаваться на провокации и возвращаться в Россию для контактов с предполагаемыми сотрудниками несуществующей монархической организации «Трест».

«Можно свернуть себе голову», — подумал Трошин. «Невозможно себе представить ситуацию, когда на два лагеря работают агенты с одинаковыми именами. Или кто-то дурит, или этого Конрада попросту нет. Но как тогда быть с докладной Яна Берзиня Дзержинскому, в которой он, будучи заместителем начальника военной разведки, в декабре 21-го пишет о завершении операции по внедрению агента Конрада? И почему вдруг после

этого Берзинь становится начальником военной разведки, судя по документам, аж до тридцать пятого года? Кто-то круто заварил кашу наверху. А если этот Конрад не агент, а условный пароль, который понимали только посвященные? Что за игра шла в руководстве страны? Почему после возникновения очередной раз имени Конрада, происходят резкие перемены в руководстве советской разведки? Почему Конрад все время так тесно связан с Германией? Какая неизвестная секретная связь между Германией и советской разведкой могла быть в то время? А что если царские разведывательные сети продолжали действовать уже со знаком «наоборот»? То есть, те кто получал от немцев деньги на революцию продолжали их получать, но уже за другую работу. Если действительно немцы финансировали большевиков во время подготовки революции, то почему они должны были вдруг перестать это делать после достижения победы большевиков? И что характерно, кроме упоминания имени Конрада, больше ничего о нем нет. Ни слова. Опять пауза на 10 лет. Почему, почему, почему?» — В голове у Трошина появилась крамольная мысль, которая была логическим выводом из только что поставленных перед собой вопросов: кто привел к власти Гитлера. — «Не мы ли расплатились за свой приход к власти в 17-ом? Если это так, то становится понятно многое из того, что происходило до войны. Мы с немцами дружно делили Польшу и предполагали разделить все остальное между собой. Понятно, что немцам надо было восстановить былое могущество и лучшего партнера по величию трудно было подыскать! Потом что-то случилось! Что? Не поделили Испанию? Поссорились Иван Иванович с Иван Никифоровичем?» — Трошин подумал о том, что чем дальше он влезает в этот поиск, тем отчетливее становится опасность выйти на что-то совершенно невероятное. — «Ладно. Ты погоди, а то так можно окончательно свихнуться! Тебе, орел, уже чертики начали мерещиться. Посмотрим, что там дальше есть».

В следующем деле, где упоминается агент Конрад, речь уже идет совсем о другом.

...1928 год. Операция «Донор». Первое упоминание об этой операции Трошин нашел в тоненькой папке, которая явно не предназначалась к длительному хранению. В папке хранился один листок, на котором стояла чья-то виза» «Одобрить». Что означал этот текст: «Вопрос решен. Прошу перевод оговоренной ранее суммы золотом на юг не позднее начала следующего года. Конрад».

«Значит, ему платили золотом. На юг: в Южную Америку, что ли? Золотом не платили ни одному агенту. Долларами, да. Еще английскими фунтами. Все суммы в немецких марках проходили через бухгалтерию НКВД... Стоп. Немецкие марки в то время мерили на чемоданы — в Германии инфляция была такая, что буханка хлеба стоила два чемодана денег. Видимо, мы кормили кого-то в Германии. Но тогда, почему на юг? Хотя, нигде не сказано, что это золото должно было идти... Подожди, подожди, парень! А кто сказал, что золото должно идти на юг? Да мало ли что может быть написано в этих бумагах? Секретили-то все не только от чужих, но и от своих. А если это настолько глубокая операция, что и другим поколениям (то есть, мне) читать это нельзя? То есть, читать-то можно, но понимать не надо. Ну, ладно, а если наоборот: золото шло с юга на север. Если,

из Южной Америки в Германию? Хорошо, предположим. Тогда, за что? А вот это уже другой вопрос.

Надо смотреть, что происходило в Южной Америке. Были у нас дела, скажем, в Аргентине? Куда делись нацисты, которым удалось уйти из Германии в 45-ом? Почему они ушли в Аргентину? База там была готова для них, вот почему. Кто ж ее готовил-то? И почему об этом вроде как не знала советская разведка? А кто тебе сказал, что она об этом не знала? Скорее всего, очень даже знала. Смогли же найти Троцкого в Мексике и прервать его длинный жизненный путь в сороковом, за год до начала Великой Отечественной! А первые немцы появились в Южной Америке задолго до начала войны. Разрабатывали там месторождения алмазов и золота. А потом выбрали себе страну, где осели разбойники и бандиты со всех стран — Аргентину. Там ведь ни одного латиноса не встретить! А золото могло оттуда попадать в Германию. Могло, только зачем, собственно говоря, ему было попадать в Германию, если оно могло спокойно оседать в Швейцарии! Нейтральная же была страна, никого не трогала, в войне не участвовала. И немцы ее не бомбили, и наши, и американцы стороной обходили. Странно. А все переговоры проводили там. Трудно поверить, чтобы на фашистов, нарушивших все возможные человеческие законы, вдруг так подействовал закон о нейтралитете Швейцарии! Вокруг бушевала самая страшная война, гибли миллионы, а в Швейцарии в уютных кафе встречались представители воюющих сторон и мирно беседовали. Что это за неприкасаемая страна? Так может быть это и был так называемый — общак? Касса, в которую складывали добытое на фронтах».

Трошин закрыл тоненькую папку и убрал ее на стеллаж. Выводы, к которым он начал приходить были далеки от тех, которые от него ждало руководство. И кому только понадобилось опять поднимать из могилы Конрада? Если, конечно, он сам оттуда не встал. У Сергея засосало под ложечкой: все, кто был так или иначе связан с Конрадом бесследно исчезали. Перспектива так себе.

11.

Если бы меня спросили, какое самое знаменательное событие произошло в этом, 1955 году, и чего бы я хотел для себя, кроме денег? Я бы, положив руку на сердце, честно сказал: «Господа, в Америке открыли Диснейленд и я хотел бы его посетить!» И это было бы абсолютной правдой. А все потому что чудеса, которые происходят в повседневной жизни чаще всего не из добрых сказок. Глупые какие-то чудеса, кривые. А хочется-то чего-нибудь нежного и светлого, например, шампанского. Лично мне с утра, почему-то всегда хочется именно шампанского! Изредка хочется женщину, но не всегда, чаще к вечеру. А шампанского — всегда с утра. Причем, именно шампанского: не немецкого игристого, которое делают из рислинга (кислит!), не итальянского из белого муската (от пузырьков

пучит!), не жуликоватой американской подделки «Мадам Поммери» (дорого, но — дешево!), ну и уж не русского «Советского» (они скоро Ставрополь в Шампань переименуют!). Хочется встать одному, чтобы музыка играла негромко, чтобы на столике рядом с теплой постелью стоял бокал прохладного вина «Мадам Клико» из виноградников Реймса, где короновались все французские короли! Правда для того, чтобы это произошло надо встать раньше самого себя, включить музыку и откупорить бутылочку. Потом лечь, а потом встать. Но это утомительно.

Кстати сказать, женщина с утра почти всегда раздражает. Скандинавки выталкивают тебя за ночь с постели: здоровенные, широкоплечие и отвратительно пахнущие рыбой. Француженки храпят, как скаковые лошади и после них в комнате воняет духами, как в солдатском бардаке. Немки не бреют подмышки и похожи на лохматых самок-орангутангов. От них тоже воняет, но — дешевыми сигаретами. Русских не пробовал, но говорят, что они, как только все закончится, начинают плакать и требовать от тебя признания в любви. Черные вообще носятся по постели как обезьяны и после них сразу хочется сдать в стирку белье, хотя и проверяешь, как они моются. Лучше всего с утра идут китайки — они то ли не ложатся вовсе, то ли успевают встать до тебя, и в постели делают только то, что хочешь ты. Они такие тихие и маленькие, что их и не видно утром — похожи на подушки. А еще лучше, чтобы все они исчезали сразу, как я устану и появлялись, как только мне приспичит!

Табак «Чарльз Фэймон», который я вчера купил у Вейланда, оказался весьма неплохим: курится легко и горечи не оставляет. Набил трубку, раскурил, выпустил дым, понюхал: английский табак сразу вернул меня к мыслям о русских. Ну почему им не живется, как всем. Победили в войне, радуйтесь! Оставьте в покое тех, кто хочет жить по-своему. Нет, они ко всем со своей любовью лезут, как дешевые проститутки. Их не хотят — они лезут. Их отталкивают, а они вместо того, чтобы отвалить от седьмого причала — снижают на себя цену! Им говорят, что вызовут полицию — они сами приходят с полицией и утверждают, что их хотели изнасиловать. Уговорят — поцелуешь — все, тебе конец! Затрахают до смерти. И ведь никак не могут понять, что один раз переспать — это еще не повод для знакомства.

Стоило мне начать игру с Конрадом, они как с цепи сорвались! А я ведь даже не был уверен, что они помнят, кто он такой — следов не должно было остаться. Я надеялся только на то, что спустя 15 лет какой-нибудь архивариус в подвалах Лубянки найдет имя Конрада и пустится по следу. Не подбросишь же им, в конце концов, записку с кратким изложением их тайных операций за период с 1914 по 1945 гг.! Но ведь, помнят, засранцы, рукописи-то не горят! И слава Богу, что все пока идет так, как я и предполагал: русские уверены, что вновь возникший Конрад — провокатор. Что под этим именем с ними начали игру люди из другой разведки. Но мне важно, чтобы в Москве думали, что это не Вашингтон. Не время сейчас ссорить ЦРУ и КГБ! Пусть решат, что Конрад — фигура из партии Берии. Что очнулись ленивые парни из английской МИ-5, потеряв своего Великого Лаврентия Палыча. Главное, попасть в черный список Иностранного отдела КГБ. Главное,

чтобы поверили, что Конрад реальная живая фигура, тогда будут искать. Искать-то будут, но я не очень уверен, что поверят в эту игру! Ладно. Главное, чтобы заинтересовались. КГБ — это на сегодняшний день, пожалуй, самая сильная организация такого профиля в мире. И недооценивать ее — весьма глупо с моей стороны. Мне-то как раз совсем не хочется ссориться с ними. Может быть лучше пусть считают, что Конрад — это «собираТЕЛЬНЫЙ» образ? Ну, как в кино. Черт его знает! Будем ждать, когда попытаются выйти на прямой контакт, а не через пройдоху и спекулянта Морячка! Интересно, все же, куда он деваает свои драгоценности, которыми я с ним расплачиваюсь? Знает ли, что они так сказать, слегка экспроприированные? Знает, конечно. Как говаривал император Наполеон Бонапарт: «Надо ввязаться в драку, а там посмотрим». Еще вчера для меня самым важным было знать, что иностранный отдел получил заказ на поиск и возможную ликвидацию Конрада. В послании Морячка говорится, что русские начали охоту. Но на Конрада ли? Есть очередная жертва — вопрос в том, кто на этот раз? Не думаю, что с приходом Хрущева, что-либо измениться в КГБ — по-другому работать они еще долго не научатся, даже если и захотят.

Это один из самых любимых принципов КГБ и Гиммлера (чтоб ему пусто было!): «Есть человек — есть проблема. Нет человека — нет проблемы». Но, если Гиммлер был тупоголовым маньяком, то с русскими работать верно приятнее — они все-таки не лишены мозгов. Хотя и они в последние годы не отличались особой находчивостью, здравомыслием и фантазией. Как же все-таки русские и немцы сроднились в своей привычке думать, что они появляются на свет не из того места, откуда все остальные! Что они ближе к Богу, чем к заднице. Что в сортире после них пахнет розами и остается не дерьмо, а сладкие пироги, которые жаждут сожрать все остальные. Ну, по крайней мере, они пытаются всех этим накормить, а когда кто-то отказывается есть по причине плохого запаха — вот тут-то и начинаются обиды, которые чаще всего заканчиваются пальбой.

Если я правильно помню, то с середины двадцатых русские только и делали, что убирали со своей дороги тех, кого считали недостаточно лояльными своей власти. Если бы такими методами действовала царская охранка, то революцию делать было бы некому. Но ведь не трогали: отправляли в Европу, поближе к цивилизации. Думали, что поживут, образуются, образумятся — ага! Эти ничему не хотели учиться и историю потому под себя переписывают, что читать лень. Боятся, что случайно не то что хочется, прочитают!

От этого все проблемы: нормальный человек долго в такой обстановке нормальным быть не может. Конечно, агенты КГБ считают, что выполняют свой долг перед Родиной. Но человек — не машина! А долг — не пища насущная. Со временем каждый хочет понимать, что и зачем он делает. И вот тогда-то и начинается период разложения хорошо отлаженной машины. Гниет организм, если различные органы отказываются кушать то, что им дают, не интересуясь, нравится ли им пища. Да и кроме жратвы есть желания. Например, плотно покушав, и отдохнув, хочется любви — не чтобы ты, а чтобы тебя кто-нибудь полюбил. Не двуногое животное, которое ты норовишь все время поставить на четвереньки, схватить за волосы и трахнуть как следует. А так, чтобы без оплаты — за здорово живешь, за твои

красивые глаза, за собственное и неповторимое Я. Любви хочется чистой, светлой и непорочной. Кому же нравится думать, что те, кого мы любим, да и мы сами, когда-то были придуманы в потной и скомканной постели! Хочется же Божественного участия в этом чертовски приятном и весьма неприличном занятии. Не бывает так, чтобы человек не вспомнил о Боге — не нарисованном на бумажке, не впечатанном в газету, но существующем внутри себя. Бог ведь приходит только в минуту страха, когда кажется, что конец уже близко. И никак не раньше! Он дает понять, что наступило время выбора: идти этой дорогой дальше или все-таки свернуть в сторону и оглядеться — есть вокруг тебя хоть кто-нибудь, кому ты нужен. Бог ведь приходит не тогда, когда ты не прав — Он предлагает просто оценить самого себя. Если ты считаешь, что все в порядке — двигай свою задницу дальше — в конце дороги все равно опять встретитесь! Правда, выбора уже тогда не будет.

Я тут на досуге занимался статистикой побед ВЧК-ОГПУ-НКВД-МГБ-КГБ (и так далее) и получилась весьма интересная картина:

Париж. 1923 год. Выманивают Бориса Савинкова, лидера Народного союза за родину и свободу. Привозят в Москву, а потом он чего-то вдруг выпадает из окна.

Париж. 1926 год. Убит генерал Петлюра, лидер украинских националистов.

Париж. 1930 год. НКВД похищает генерала Кутепова, руководителя организации белых офицеров. В Москву не захотел ехать — шлепнули там.

Париж. 1937 год. То же самое НКВД делает с генералом Миллером, преемником Кутепова. (Ну не дают ребятам работать и все тут.) В Мексике в 1940 году очень в грубой форме (ледорубом по голове) убивают Льва Троцкого.

И вот уже только год назад, в феврале 1954, пытаются убрать лидера Народно-трудового союза Георгия Околовича, но вот тут — незадача! Исполнитель не вовремя задумался над вопросами бытия, пришел к объекту и все рассказал: как, когда и чем собирался его кокнуть.

Из этого я делаю только два вывода: русские страшно любят Париж и не любят чужого мнения, а переубеждать — нет времени. Скоро светлое будущее и абсолютное счастье! Но, если серьезно, то список офицеров и агентов разведки Кремля, которые вдруг начали думать, а не просто выполнять; которые порвали с отчим домом и ушли за границу — весьма обширен. Кого-то достали их бывшие коллеги, а кого-то нет. Но от них проку никакого, потому что их, как вареные яйца, уже до скорлупы выели все возможные разведки мира, перебрасывая за неплохие деньги друг другу.

Мне они не интересны прежде всего потому, что они ничего не знают о том, что сегодня, а еще лучше — завтра, будет происходить на Лубянке. Они могут устраиваться учителями истории, если их возьмут. А я предпочитаю знать все наперед. Когда ты знаешь карты друга, легче предсказать, когда он станет твоим врагом. Тем более, что ни один из беглых толком ничего все равно не знает: уровень не тот, да и грубые они — от профессии дурно пахнут. А я и на охоту-то не хожу — зайцев жалко. Вот Линду не жалко — и ту второй

месяц не могу задушить. Пристала, как в русской бане лист от веника. Ей Богу прикончил бы, да грудь слишком хороша — два бокала с шампанским стоят — не дрогнут!

Мне теперь, когда одни коллеги в КГБ постреляли других и воюют в основном не с вражескими разведками, а внутри своего коллектива, важно знать — что в Москве задумали по поводу объединения Германии. В Лондоне два года назад, в июле пятьдесят третьего, требовали от Москвы провести конференцию по этому вопросу. Прошло два года. Москве пора что-то отвечать — пауза затянулась. Вроде как Вашингтон поддерживает инициативу Лондона, но как известно, инициатива наказуема. Поэтому было бы интересно поработать над ссорой Москвы и Лондона, пока я буду устраивать фиктивный брак Москвы и Вашингтона. Дело в том, что новая власть в Москве, кажется готова отдать Западу Восточную Германию. Но, судя по моим данным, КГБ этого не хочет. Не хочет этого и ЦРУ. Поэтому беспрецедентный может получиться альянс: дружба американских и русских шпионов против их же правительств! Этак я получаю четыре зарплаты: от Вашингтона, от Москвы, из ЦРУ и КГБ. Да, и премию из Лондона за то что вовремя им про все это расскажу! Буду сыт, но главное, не подавиться. С другой стороны, во всех этих конторах думают, что есть четыре разных человека, которые на них работают. Не хватит четырех — добавим пятого. И все они потом умрут еще до прихода светлого будущего в лице Геенны огненной или Царства коммунизма: мне как-то наплевать. Главное, чтобы не появилась Линда — достала!

Вот за это я и собираюсь выпить два (или три?) бокала прохладного шампанского. Час назад она звонила и утверждала, что ее научили, как правильно заниматься французской любовью. Сомневаюсь. По мне лучшие француженки — китайки. Они никогда не говорят, что у них болят колени. А Линда норовит все время встать на мою подушку из расписанного вручную шанхайского шелка, на которой я сплю. Меня это раздражает!

12.

В офицерском кафе «Старый Ганс-мельник» играла легкая музыка. Здесь редко пили пиво. На столах икрились бокалы с легким вином. Кажется, кальвадос? Были устрицы, сыр «Пармезан», испанские оливы и шоколад. До маршей дело еще не дошло — немцы пока вели себя прилично. Они еще помнили, что в их стране родились Бах, Шиллер, Гейне и Гете. Но, уже все чаще в опере шел Вагнер. «Искусство должно быть громким!» Искусство должно быть грозным и непонятым, как религия, а Богам положено быть страшными. Немцы приоделись, в магазинах появилось масло, а шлюхи стали брать дорожку. Они, видимо, включали в цену налог на любовь к Родине.

Герр доктор Йоганн Бойзен действительно был доктором философии. Учился в Кембридже и слыл страшным англоманом: любил все английское больше, чем сами англичане. Любил, но вовремя забыл об этом. Когда стало ясно, что нацистская партия в

скором времени придет к власти, герр Бойзен, уже тогда работавший в германском МИДе, стал искать контакты с потенциальными работодателями. Как весьма прилежный в прошлом ученик философии и талантливый ученый, он быстро понял, какая сила скоро появится в Рейхстаге. Но как было заявить о себе и умудриться не испачкаться — вот был в чем вопрос!

Доктор Бойзен понимал, что еще ни один режим в истории человечества, который приходит к власти на штыках, не приходит надолго. Значит, задача была не из легких — пересидеть, но пересидеть с выгодой для себя. Слава Богу, что он изучал не немецкую философию, потому что тогда не миновать бы ему службы в министерстве пропаганды у доктора Геббельса. Этот уродец был ему категорически неприятен. Но в случае крайней необходимости, даже у самых неприятных вещей в жизни возможно найти привлекательные стороны. И чем сложнее ситуация, тем больше привлекательного находят люди в абсолютно отвратительном.

Как специалиста по английской и мировой философии его оставили в английском отделе МИДа в качестве аналитика и параллельно направили на тайную службу в канцелярию расовой политики. Чем она занималась? Готовила историческую и теоретическую почву для подтверждения арийской расы, доказывала вредность еврейства и славянства для человечества, готовила основополагающие документы и философские труды для умственного и трудового воспитания и перевоспитания отстающих народов. Доктор прекрасно осознавал весь научный идиотизм, которым ему приходилось заниматься. И тем не менее, он признавал всю гениальность всей этой затеи. Буквально в один исторический миг вся Германия, от бюргера до историка, резко взметнула руку в фашистском приветствии! Что это: массовая истерия или выродившаяся до скотского состояния, от голода и нищеты, забывшая о былом историческом величии нация? Нет, они все помнят, но не могут простить позорного Версальского мира девятнадцатого года, когда немцы были растоптаны. Когда весь мир вдруг забыл, что на земле лежат те самые потомки Гете и Шиллера, Бетховена и Баха! Когда даже в пивной насквозь Англии вдруг стали отдавать предпочтение несвойственному для них вину. Когда даже проклятые лягушатники и макаронники посмели учить их повиновению! Все это так, но доктор понимал и то, что Гитлер — это не Бисмарк. На одном величии далеко не уедешь — обязательно найдется прохвост, который положит на дороге бревно. И вот тогда доктор хотел бы вовремя вылезти из общей телеги, которая повезет всех на эшафот и пересесть в более подходящий транспорт, следующий по другому маршруту.

Контакты с английским правительством через посольства в Берлине и Лондоне были для доктора весьма плодотворными. Как чиновник высокого ранга, он имел доступ к различного рода секретам Рейха. А англичане, несмотря на свою врожденную скупость, всегда платили золотом за ценную информацию. Доктор был для них идеальным источником: не жаден и не суетлив — знал, что хорошо продается и не подсовывал лишнего. Зарекомендовавший себя как истинный ариец, герр Йоганн Бойзен находился в тесном служебном и дружеском контакте со многими высшими офицерами Абвера и

гестапо. Он присутствовал на многих сверхсекретных совещаниях, где обсуждались планы нового руководства страны.

Но герр Бойзен никогда не играл в одни ворота. «Кто знает, кто подкупил судью в этом матче?» — думал он всякий раз, когда приходилось пополнять свои финансовые счета из двух источников. «Гитлер, Геринг, Гиммлер и Геббельс, конечно, параноики и мясники, но в Германии достаточно умных голов, которые с удовольствием отрежут мне яйца. Поэтому, чуть-чуть сюда, чуть-чуть туда, а в итоге, в случае чего, я потеряю только половину вместо целого». И он был прав, потому что Германия верит только пиву и колбасе, а такому чистюле, который имеет контакты с английскими свиньями может верить только дурак или провокатор. Конечно, за каждым его шагом следило гестапо.

Шел только тридцать третий год, а весь мир уже вздрагивал от одного только упоминания о Гитлере. От абвера капитана Вильгельма Франца Канариса, разведки Люфтваффе и нацистской службы безопасности требовали немедленных успехов. Бойзену тоже категорически нужен был успех. В своем департаменте он неплохо зарабатывал, потому что немалая часть средств, отправленных в пока единственный концентрационный лагерь Дахау зажиточных евреев, перепадала и ему. Комбинации были просты: он никогда не подписывал окончательное «заключение о несоответствии человеческих качеств» до полного выяснения финансового состояния «клиента». Он не вел себя, как эти подонки из гестапо! Он не вламывался ночью с арестами, не избивал женщин и не угрожал несчастным. Он действовал по-другому: вербовал одного из приближенных к финансисту или банкиру людей, влезал с его помощью во все финансовые дела, контролировал все денежные потоки и узнавал всех партнеров по бизнесу в различных странах. Потом он заводил специальную картотеку на каждое дело, которую хранил в одном из своих загородных домов, где жил его любовник. Так он узнавал всю подноготную «клиента» и только потом он начинал «работать» с ним. Он звонил по телефону и приезжал в гости к очередному банкиру. Болтал на разные темы и доверительно сообщал о надвигающихся тучах над головой несчастного. Он предлагал свои услуги так аккуратно и грамотно, что «клиент» сам просил его о помощи. Он всегда как бы нехотя брал деньги и брал только наличными, чтобы никто не мог их проследить! И несчастный успокаивался, чувствуя себя под защитой... Успокаивался недели на три, наверное. Потом, конечно, в дело вступали костоломы и мерзавцы из гестапо, но Бойзен знал, что он дарил несчастному лишние две-три недели жизни — не бесплатно, разумеется! Если человек не понимал сам, что его ждет — что мог сделать доктор Бойзен! Словом, его совесть была чиста, счета в Швейцарии пополнены, а картотека увеличивалась потенциальными «кредиторами» и будущими личными агентами. Именно так! Доктор Бойзен давно лелеял мечту поступить на службу в абвер к капитану Канарису.

Туда нельзя было прийти с улицы, даже если ты высокопоставленный чиновник — туда могли только пригласить. Человек, который сам просится работать в секретную службу или идиот и законченный мерзавец, или провокатор и шпион. Бойзен готовился к своему звездному часу.

Вот сейчас, когда на часах было уже почти десять вечера и доктор намазывал на маленький кусочек белой булочки немного обезжиренного сливочного масла, а сверху специальным ножиком положил ровный слой почти прозрачной черной икры (Это удивительное сочетание: немного черной икры и один глоток прохладного сухого вина! Удивительное!), Лаура должна привезти к нему на встречу потенциального агента. Это было началом восхождения по служебной лестнице в высшие эшелоны немецкой разведки!

В зале было мало посетителей. Это было закрытое кафе, в которое допускались только чиновники высокого ранга и сотрудники гестапо, которые допускались везде. Бойзен нарочно назначил встречу именно в этом кафе. Он хотел, чтобы уже сегодня вечером на стол Канарису легла оперативная докладная от секретного сотрудника отдела наружного наблюдения о санкционированном контакте чиновника МИДа с только что прибывшим в страну атташе английского посольства Дастином Макдауэлом. Бойзен хотел, чтобы в разведке крайне заинтересовались такой удивительной скоростью контакта. Конечно, он немедленно откроет все карты и потеряет такую дойную корову, как банкир Дейч. Но, в конце концов, все что можно было взять в этом направлении, он взял. Что же касается Лауры, то за нее можно было не беспокоиться: во-первых, он никогда ни за кого не беспокоился, а тем более, что она его ни как человек, ни как женщина не волновала, а во-вторых, ее итальянские корни и, как ему удалось узнать, близость семьи к дуче Муссолини, делали ее неприкасаемой.

Проблема была лишь в том, что как сообщил Бойзену его источник и «партнер» в английском посольстве, Лаура могла быть секретным осведомителем гестапо. Англичане дали доктору добро на вербовку Дастина Макдауэла, но боялись, что Бойзена на начальном этапе опередит гестапо и они потеряют контроль над действиями Дастина. Цель этой многоходовой и сложной операции была в следующем: английской разведке МИ-5 нужен был канал дезинформации для абвера. Лучшей кандидатуры, чем Дастин Макдауэл, подобрать было невозможно! Знаменитая английская чистоплотность не давала возможности жертвовать своими гражданами... при наличии у них родственников. У Дастина не было никого! Здесь у МИ-5 руки были развязаны, а потом — где гарантия, что он не окажется умным парнем и честным подданным Его Величества и не придет сам в разведку, чтобы рассказать о том, что происходит. Тем более, что он должен передать требуемые данные немцам только один раз.

Английская разведка имела информацию из своих источников на территории Германии, что в ближайшие месяцы Гитлер предполагает предпринять некоторые рискованные шаги. В ближайшие месяцы в новом кабинете министров Германии готовился манифест о «Провозглашении немецкого военного суверенитета», на основании которого размер немецкой армии должен был быть утроен с двенадцати до тридцати шести дивизий. Затем Гитлер предполагал произвести операцию «Зимние маневры» и вторгнуться в Рейнланд. Немецкому руководству необходимо было знать: последуют ли неминуемые ответные военные действия со стороны Британии, Франции и Италии, перед которыми Германия не смогла бы выстоять!

В данной сложной ситуации от подданных Его Величества требовались мужество и самоотверженность. В Лондоне решили, что все эти качества должен будет проявить молодой Дастин Макдауэл. Он пойдет на вербовку (о чем он даже и не догадается!) и то ли по глупости, то ли по недосмотру в одной из частных бесед передаст немцам информацию о секретном распоряжении английского командования о переброске значительной части объединенных войск к границам Германии. Эта информация должна по идее английской разведки выполнить две задачи: произвести упреждающий удар по планам Гитлера и нарушить их на какой-то период, а также помочь доктору Йоганну Бойзену на волне своего успеха добиться приглашения капитана Канариса о переходе на службу в абвер.

В зависимости от успеха этой операции, Макдауэл будет отозван в Лондон, где его либо наградят (если он догадается, что он сделал и проявит личное рвение во взаимоотношениях с английской разведкой), либо осудят, как немецкого шпиона, если он ничего не предпримет. Совершенно ясно, что второй вариант будет предпочтительней и МИ-5 станет его добиваться на самом верху, так как на кону стоит внедрение Бойзена в абвер. А что касается молодого человека, то все поймут, что Макдауэл слишком был молод, чтобы не ошибиться таким роковым для него образом!

...Часы пробили ровно десять и в полутемный зал, по стенам которого зеркала отражали колыхание свечей в золотых подсвечниках, вошли Лаура и Дастин. «Какой приятный молодой человек. Он еще ничего в этой жизни не видел, поэтому ему практически нечего терять», — подумал доктор Бойзен и встал навстречу вошедшим с самой открытой улыбкой, какая только может появиться на лице у человека, который готов предложить гостям лучшее. Сегодня в меню было французское шампанское, устрицы и другие деликатесы, которые Дастин в скором будущем может быть будет вспоминать с ужасом.

13.

Сегодня с утра Наташа опять пролила на его брюки чай. В который раз Сергей сдержал ярость: или это нарочно, или она все время думает о чем-то своем. «Ну, ладно, мы уже не живем друг с другом, как муж с женой, наверное, месяца три. То есть, конечно, спим вместе, едим вместе, ходим в гости вместе, даже своих подруг она со мной обсуждает, но в последний раз я касался ее тела — ну да, месяца три назад — не меньше!» Сергей уже тихо ненавидел яичницу — он вздрагивал, когда Наташа звала к столу — ему не хватало только, чтобы на форменные брюки улеглось еще и жареное яйцо!

Наташа! Аккуратнее, пожалуйста! — Сергей отскочил от стола, как будто увидел змею. Жена застыла со сковородкой в руке:

Ты — псих. Ты чего подпрыгиваешь? — Масло разбрызгивалось в разные стороны с раскаленной сковородки.

Наташа, ну что это такое? Черт, уйди ты со своей сковородкой! Поставь на стол — я сам возьму.

Это — яйца, милый. Яй-ца — правда идиотское слово? — Наташа поставила сковородку на стол, отошла к плите и, скрестив руки на груди, застыла, глядя в окно.

Что происходит? Почему каждое утро ты устраиваешь какие-то представления? И я уже не могу есть каждое утро эти чертовы жареные яйца!

А ты же их так любил! Ты вообще любишь яйца. Скажи, Сережа, а почему мужики так любят яйца? Это, наверное, что-то святое для вас, да? Еще бы, всегда с собой носите: свое самое святое — своих секретных зародышей. А почему, Сережа, вы так любите жрать себе подобных? Почему вы своими яйцами не питаетесь? Носите их, как погонны — по одному на каждое плечо. У кого яйца меньше, тот — лейтенант, у кого больше — генерал! Да?

Что ты несешь? Что с тобой происходит? Каждое утро одно и то же! — Сергей встал и вышел из кухни. «Я не знаю, что с ней делать. Я не знаю даже, как с ней разговаривать. Резко как-то она изменилась. Детей что ли нету — от этого? Да нет, едва ли. У Егоркиных два парня — так она мне все уши прожужжала, что от них крику на весь дом! Купить ей сегодня что-нибудь? Кольцо или платье — вчера в конторе распределяли японские платья — отказался, а зря. Надо было взять. Сегодня возьму. Может, думает, что я ее больше не люблю? Доводит со своими яйцами — вот нашла тему! Блин, о чем я думаю? Да пошла она! Какой ей еще любви надо: в театр ходили в прошлом году, на выставку тоже недавно. В гости к ее маме — подарков на две зарплаты! Хорошо еще что на складе до черта осталось конфискованных вещей. Кстати, не забыть ковер персидский. Любовь! Вон, в секретариате две новых девки появились — аж текут все! А я все-таки позавчера в баню с ребятами не поехал! А зря, говорят эти бляди так чудили, что мужики ходить потом не могли».

Сергей уже спускался по лестнице с пятого этажа. Фирменное отличие всех сотрудников органов — в лифт не садиться. Наверное, это уже в крови — бояться ловушки. «Все-таки, она идиотка! Если бы я ее — профессорскую дочку — не спас тогда, десять лет назад, торговала бы своей маткой по кусочкам где-нибудь на Колыме! Пожалел — красивая. Хотя, может быть из-за своей доброты до сих пор в подполковниках хожу. Сучка образованная. Чего ей не хватает? Ладно. Надоело».

Машина ждала у подъезда, в архиве ждал чертов Конрад, а руководство ждало результатов и гнало: давай, давай! Чего давать? Если дело пойдет таким образом, как сейчас, то скоро он найдет свой приговор. Все время Сергей то и дело натыкался на факты странных контактов КГБ и иностранных разведок, против которых оно как раз вроде бы и боролось! Вчера начал читать архивные материалы по делу Льва Троцкого: охренеть можно, что там творилось! «Зачем руководству понадобилось сваливать на меня все это? Зачем мне знать всю подноготную этих дел? Я же не роман писать собираюсь? Кстати, если бы написать об этом обо всем — хана стольким людям! Черт! Наверху ведь теперь знают, что я слишком стал «начитанный» — раньше только за подозрение в такой грамотности был бы гарантирован несчастный случай. Что-то готовят? Меня убрать?

Тогда зачем так сложно?» Ситуация действительно была не из простых. Теперь на столе Сергея Трошин лежали тома довоенных архивных материалов, связанных с операциями по внедрению в ряды троцкистов агентов НКВД и все что касалось самой борьбы чекистов под личным контролем Сталина с Львом Троцким. В этих материалах мерзкой черной тенью то и дело проявлялся злосчастный Конрад. Он появлялся то во Франции, то в Испании, где шла борьба интербригад с генералом Франко, то в Германии, то опять в Испании. Трошин уже понимал, что сам Троцкий к тридцать третьему году уже не представлял почти никакой угрозы для СССР: число его сторонников усилиями НКВД резко сокращалось, да и мистическая власть Сталина над психикой людей, поначалу сочувствовавших троцкистам, во всем мире стало такой, что они даже без какого-либо давления со стороны шли на любые подлости во имя его. Разведки всего мира знали, что Троцкий не только не имеет какой-либо серьезной поддержки со стороны коммунистических организаций, но и действия его бывших сторонников уже направлены против него.

Совершенно дикое количество агентов ОГПУ и НКВД наводнили всю Европу с единственной целью: разрушить ряды троцкистов. Черта с два! Во-первых, кто бы позволил советским агентам в таком количестве внедряться во все возможные политические организации, которые были под усиленным контролем разведок всех стран Европы? Во-вторых, и у Трошина на этот счет уже было четкое представление, не сам Троцкий и не опасность троцкизма для СССР — первопричина таких масштабных действий! Только не надо думать, что Сталин был идиотом и ничего не понимал! Он что — не знал объективной информации о скорбных делах когда-то всемогущего Льва Троцкого? Не понимал, что это уже пугало огородное? Шут и не более того!

Вдруг до Сергея дошло, что долгая гонка за Троцким по европам и азиям не что иное, как серия четко организованных операций НКВД по внедрению огромного количества агентов-нелегалов. Все разведки мира с интересом и смехом следили, как параноик Сталин охотится за политическим инвалидом Троцким, а Иосиф тем временем подсаживал на иглу коммунистической пропаганды все больше и больше народа по всем странам.

Как можно объяснить то, что ни одна страна мира, в которой появлялся Лев Троцкий, не давала ему возможности остаться и просто выталкивала его за свои пределы? Если, как утверждают историки, мир так боялся Сталина, то что же было не помогать его самому активному врагу — Троцкому? Сергей выстроил целую схему передвижений Троцкого по миру в течение одиннадцати лет:

С начала двадцать девятого года до лета тридцать третьего Троцкий находится в Турции; с лета тридцать третьего до лета тридцать пятого — он уже во Франции, откуда почему-то перебирается в Норвегию на целый год, а с января тридцать седьмого и до самой своей смерти в сороковом — он уже в Мексике. Все правительства давали ему только транзитные визы и не позволяли селиться на своей территории. Они что — были заодно со Сталиным? Правительства и разведки всех стран выполняли команды из Москвы? НКВД руководило их действиями? Бред, конечно, но очень аргументированный бред.

Доказательный и логичный. А ответ, видимо, прост и элементарен, как сосулька — ни одна из этих стран не хотела, чтобы Троцкого догнали, а в Москве и не собирались его догонять! Ни одна из этих стран не хотела запачкаться в этой игре, но всем было интересно, чем эти скачки окончатся. Такого блицкрига советской разведки еще не было в истории мировых секретных игр — это был высший пилотаж! Трошин открыл для себя еще одну интересную страницу: ведь всеми делами Троцкого занимался его сын — Лев Седов, который в тридцать третьем, после прихода Гитлера, перебрался из Германии в Париж. Один он перебрался или кем-то? Кто переехал с ним во Францию? И вот тут-то Сергей увидел донесения агентов НКВД из окружения Седова — Москва знала о каждом шаге Троцкого не после, а до его совершения! Что теперь ломать голову, Сережа? Москва и рисовала ему маршрут его следования, в соответствии со своими планами. Троцкого гнали туда, где были интересы Москвы. И убрали его тогда, когда были расставлены все самые важные опорные пункты НКВД для проведения дальнейших политических, а значит и финансовых операций. Ведь одно без другого никак не может существовать. Трошин прекрасно понимал, что сын Троцкого — Седов не мог доверять неизвестным людям. Значит или он их очень хорошо знал, или это были доверенные люди отца. Сергей нашел в архивах донесения от того самого Блюмкина, который в восемнадцатом году устроил покушение на германского посла Мирбаха, а потом стал нелегальным резидентом ОГПУ в Стамбуле. Этот парень очень тесно общался с Троцким, как и братья Соболевичюсы, которые были агентами ОГПУ и НКВД и особо доверенными лицами Троцкого. Они имели доступы ко всем шифрам Троцкого, тайнописным чернилам и подставным адресам. Они встречались со всеми сподвижниками Троцкого и во Франции и в Германии! И еще далеко не факт, что после всего этого не само НКВД писало за Троцкого его послания.

Вдруг, как известно, бывает только Пук! И вот это «вдруг» происходит на глазах Трошин, как фокус с зайцем, которого достают из старой шляпы: в тридцать четвертом году (именно этим годом отмечены первые донесения еще одного агента НКВД в деле Троцкого) в окружении Льва Седова возникает некий человек под кодовым именем — Конрад (почему-то в архивах нет его реальной фамилии). Он помогает сыну Троцкого издавать «Бюллетень оппозиции» и имеет такое доверие, что хранит ключ от почтового ящика Седова, всю корреспонденцию, секретные материалы и архивы отца Седова — Льва Троцкого. А в тридцать восьмом году, за два года до смерти самого Льва Троцкого, Лев Седов при странных обстоятельствах неожиданно погибает. Этот самый Конрад остается один на один с Троцким, как лучший и доверенный друг его сына.

«Откуда он взялся? Ответ, Сереженька, только один — он взялся Седовым из Германии во время бегства того от нацистов! Я не понимаю только одного: или семья Троцких страдала общим заболеванием — врожденным идиотизмом, или это шедевр деятельности советской разведки. Тем не менее возникает еще более сложный и щепетильный вопрос — кто этот Конрад? Почему, как положено в НКВД, его настоящая фамилия отсутствует в архиве? Не хочется мне-тебе-себе отвечать, мой дорогой Сережа, но фамилии его там нет, потому что он не советский человек в прямом смысле этого слова! Смотри: этот парень

включается в игру практически на ее последнем этапе, который начинается с новой нацистской Германии; потом исчезает с бела света сын Троцкого; параллельно развиваются события в Испании (а Мексика очень даже испано-язычная страна — странное совпадение, не так ли?), куда в августе тридцать шестого года внезапно приезжает, ставший главой советской военной миссии в Испании, любимый начальник Конрада Ян Берзинь. Помнишь, Сережа, как ты нашел его докладную Дзержинскому в двадцать первом году, в которой говорилось о завершении операции внедрения агента Конрада? Кажется, ты додумался о том, что это связано с какими-то делами в Германии! А ведь в Испании генерала Франко поддерживает Гитлер! Потом гибнет в Мексике сам Лев Троцкий (кстати — еврей, а их не любят ни Гитлер, ни Сталин!) И в конце концов, в это время там же, в Южной Америке, в Аргентине, начинают появляться нацисты, которые потом, после сорок пятого, туда исчезнут. Вот тебе задачка для идиотов: если Конрад не имеет фамилии, как все советские шпионы (простите, агенты!), если он появился из Германии, если он оседает в Южной Америке (откуда потом идут все его донесения), если одновременно с этим Гитлер с генералом Франко замутил свои дела в Испании — кто он? Правильно, подполковник Трошин Сергей Николаевич, он — немец! Мало того, что он немец, он — сотрудник СС, потому что иначе вся логика развития событий летит к чертям и только эти самые черти мистическим образом и могли бы это все устроить! Остается понять: Конрад — двойной агент НКВД и немецкой СС, или эта чертовщина — совместная игра двух стран? Лучше бы конечно — первое. Для меня лучше. Для моего здоровья — лучше!» — Трошин посмотрел на часы: уже поздно — без двадцати пяти одиннадцать. Слишком поздно, чтобы надеяться, что профессорская дочка, его собственная жена Наташа, с нетерпением ждет его у окна. А вот очередная яичница утром ждет его точно. «Хрен ей, не дождется! Разговорилась. Ей не нравятся яйца — посмотрим, как они понравятся двум новым сучкам из секретариата!»

14.

Ненавижу смерть! Пугаюсь ее, как школьник. Испытываю священный трепет перед ее явлением и поэтому — чту ее. Все мое нутро трепещет от мистического непонимания — что это? Я никогда не хожу на похороны даже самых близких людей, потому что знаю — когда кто-то умирает — значит он просто мне больше не позвонит, не зайдет и не напишет. Его просто больше нет — уехал надолго — не знаю куда! Я никогда не говорю — навсегда. Мне это слово не то чтобы не нравится — оно для меня просто ничего не означает. Как я могу делать выводы о том, что мне не подвластно! То, что заколачивают в деревянный ящик — это не то, с чем я вчера мог выпивать, трахаться или спорить. Это, как старый костюм, который выбрасывают на помойку. Единственное, что остается делать — идти и покупать себе новый костюм или ходить голым. И ходят по миру огромные толпы

костюмов и платьев, время которых весьма ограничено — мода на них пройдет и их выбросят за ненадобностью. Поэтому суэта, с которой эти манекены пытаются соответствовать требованиям «моды на жизнь» просто смешна. Если ты родился сегодня, то у тебя есть только этот день и он растянется до самой смерти — ты всегда будешь таким и никогда не станешь другим, какие наряды не примеряй. Самое важное — полностью реализовать свое время и не заглядывать в день завтрашний — его для тебя нет. Нет для тебя и дня прошедшего. Ну скажите мне на милость — что вы испытываете, когда открываете старую книгу, в которой описываются иные времена, судьбы и жизни людей? Ну — жили, ну — любили, ну — что-то там создавали или ничего не создавали и потом, под печальную музыку проскочили в мир иной. Кто они для вас? Для вас они — никто. Для вас их не было, а просто они были — до вас. Вам на них наплевать. Вы же не учитесь на их ошибках — вы же думаете, что вы непременно умнее, талантливее, изворотливее, счастливее... Вы думаете, что оттяните этот неприятный момент, когда вас отнесут на ближайшее кладбище. А на ближайшее потому, что это очень скучно и неудобно ездить далеко — времени у оставшихся просто нет, дел много, работа, забота, да и не охота! А я и не осуждаю! Это — нормально. Какой смысл делать вид, что этот холмик — это вы? Вчера вы спали в этой постели, сидели за этим столом, на этом стуле, одевали эту рубашку и ходили в этот туалет — почему я не поклоняюсь этому сортиру? Почему я должен думать, что этот чужой кусок земли, который вы и не видели ни разу, это — ваше любимое место? Ни черта подобного! Люди любят сказки про черное и белое, про радость и горе, про добрых и злых, про бедных и богатых, про жизнь и смерть, про Бога и Сатану? Придумали это умные и дураки. Вместе придумывали, потому что кто-то всегда должен отвечать за твои поступки — ты же не хочешь этого делать сам. Ты играешь всю жизнь, но только в ту игру, правила которой не поленился изучить. Ты мог бы играть и в другую, но только, начав играть — остановиться ты уже не можешь — пытаешься отыграться, потому что частенько проигрываешь. А время — уходит, а партнеры — меняются и нельзя выигрывать кряду семь раз — крупье следит за тем, чтобы и другие чуть-чуть себе отхватили. И ты проигрываешь, и виноват крупье, и партнеры — дураки, потому что выигрывают у тебя. Сам ты — дурак. Они не у тебя выигрывают. Они вообще ничего не выигрывают. Они просто пытаются играть. И вот — все играют, не зная правил этой игры, не зная, что победителей не бывает, что всегда в итоге — ничья. И я — играю, потому что вовремя понял, что я — очередной игрок. Я не ищу дружбу и любовь — я их покупаю. И это справедливее и честнее, чем пытаться получить все это бесплатно, как суп для нищих у ворот Церкви Моисея и Аарона в восточной части Ватерлоплейн. Этот суп ужасно невкусный, потому что — бесплатный. Потому что его готовят не для вас, а для всех, но для всех — это ни для кого! Я хочу, чтобы только для меня готовили этот суп, это белье, эту постель и эту любовь. Но, запомните, я даю взамен то, что от меня хотят — и мы все довольны, как только может быть доволен человек, который получил то, что хотел и такого качества, за которое заплатил. За любовь платят деньгами — за деньги платят любовью: разве это не справедливо? Но, деньги ничего не значат — за эти тонкие и

грязные бумажки, на которых написаны ничего не значащие цифры, я получаю хороший кусок мяса в жареном или живом виде. Люди, которые хотят много этих салтных кусочков бумаги, мне не интересны. Они готовы ради этого мусора отказаться от всего — я называю их мусорщиками — они собирают мусор. А когда мне надо немного этих бумажек — я знаю, где их взять. Я беру у них, но потом им же их и отдаю, а они обижаются, чудак!

Когда же они готовы убивать ради этих бумажек — я их не отговариваю. Я только говорю, что не люблю смотреть на смерть и поэтому подожду пока они закончат. Я никого не убивал и я не видел смерть своими глазами. То, что я видел — это не смерть. Это — грязь. Отвратительный запах и грязь. Я видел один раз — пьяный попал под грузовик на моих глазах. Это было омерзительно. Но он был пьяный и это было случайностью, а когда люди сами идут на смерть — это их выбор. Если кому-то нравится в последний раз закрывать свои глаза не под атласным одеялом в присутствии симпатичной молодой медсестры — ради Бога! Могу ли я вас отговаривать. Вперед! Идите своей дорогой, но обязательно — мимо меня.

Вообще-то сами правила игры меня абсолютно устраивают. Вот сейчас стоит передо мной проблема — мне надо немного этих самых денег, чтобы кое-что приобрести. У каждого человека есть увлечение — все что-нибудь собирают — я собираю истории. Не так давно я начал покупать человеческие истории. Люди думают, что после них остается только грязное белье и горсть земли — это не совсем так. После людей остается добрая память (это очень по-христиански!) и обязательно остаются грязные поступки, а добрые дела забирают себе другие (дерьмо же никому не нужно). Я покупаю грязные истории. Я — ассенизатор и из дерьма делаю конфеты.

Года два назад, совершенно случайно, мне в руки попал один архив. Их много продавалось после войны — люди любят записывать гадости про себя и про других, называя это фактами. Я покупаю справки, свидетельства о смерти, о рождении, о браке, церковные книги с записями о жизни и смерти, давно ушедших, я покупаю родословные. Я могу создать целые династии и я их создаю. Так вот об архиве: это был архив одного из отделов баварского управления гестапо по надзору за учеными, которые работали в тиши и покое на благо рейха в уютных тихих домиках в горах. Они там не только создавали бомбы и всякие виды «оружия возмездия», но и простые астрологические карты звездного неба. Верховные жрецы рейха страшно любили думать, что звездам есть до них дело. Я не влезал в дела с оружием — от этого дурно пахнет. А вот эти самые карты меня давно привлекали, потому что я понял, что на них будет спрос на рынке. Развивается авиация, да и космос начал людей интересовать: «через тернии к звездам» (говорили древние) «и обратно» (добавляю я), имея ввиду ракеты «земля-воздух-земля». Но даже больше этих навигационных карт, меня интересуют люди с их пороками, чьи котировки на рынке значительно выше, чем любые акции.

Люди говорят, что удобно иметь двух горничных, дворецкого, повара, шофера и секретаря. Конечно! Обязательно! Но еще удобнее иметь своих статс-секретарей, госсекретарей, вице-президентов, управляющих банками и владельцев автозаводов.

Прошло не так много времени после войны и никто из этих высоких чиновников не может поручиться за то, что он не сволочь! То есть, они может быть и могут, но я им этого не даю, именно, что не разрешаю. Я им рассказываю страшные истории на ночь и они плохо спят. Кстати, если кто думает, что чем выше человек, тем большей информацией он обладает — это не правда. Если вы прикупили по случаю себе пару чиновников — купите и пару башмачников, шьющих им обувь. Эти знают больше. Эти знают больше о людях, их пороках, привычках им пристрастиях.

Цыганки гадают по рукам, но это — глупость. У самых отвратительных представителей двуногих руки обычно ухожены и чисты, ибо своими руками они предпочитают ничего не делать, поэтому цыганки все врут. А вот ноги могут рассказать очень много: куда их хозяин заходил, в какие двери, какие сапоги носил (в советской армии один фасон, а в СС — другой!), много бегал или берег и ездил на авто и так далее. Ноги не оставляют отпечатков — они оставляют следы в жизни других людей, а это несоизмеримо ценнее. Руки могут быть пианиста, а ноги — подонка. Я люблю этот тип — подонков-пианистов — с ними просто договорится. Они боятся.

Не так давно я узнал, что я — бог. Как-то, после одних переговоров очень уважаемый жителями города и страны человек, прочитав некоторые страницы своей жизни из моей коллекции спросил: «Вы бог или сатана?» У меня был небольшой выбор и я выбрал того, чья роль мне больше нравится. Таким образом, я стал богом для этого человека и подарил ему новую жизнь. Жизнь чистую и непорочную, как у ангела. Конечно, он мне заплатил. Но ведь я не отбирал его жизнь — я ему ее продал! Бог ведь тоже бизнесмен: хорошо живешь — получишь подарок, плохо живешь — ничего не получишь. Приходится соответствовать!

Через час я позвоню одному из своих башмачников. Он очень любит свой обувной магазин и своих Гретхен. Ну и что, что он не так давно был оберштурмфюрером СС — кто не ошибается? Зато теперь он — уважаемый человек, который с радостью забыл про свое прошлое в обмен на свое будущее. Здесь ведь все просто — если какой-нибудь архив у меня, значит его нет больше ни у кого. Но я добрый человек и готов поделиться с теми, кому это интересно, но никогда не поступаю против совести — если клиент не хочет, чтобы о нем узнали — клиент платит и становится прав. Так вот, именно сегодня я получу то, что хочу — мне нужен еще один «забывчивый» человек в Западном Берлине, который работает в американском посольстве на советскую разведку. Мне нужен канал связи с русскими. Да такой канал, чтобы информация сразу попала к тем, кому я скажу, минуя многочисленные «посреднические» фирмы, которые накручивают свой процент. В данном конкретном случае мне посредники не нужны, хотя в таком бизнесе, как шпионаж, проценты могут достигать невероятных величин и роль посредников весьма велика — чаще всего именно они расплачиваются по твоим счетам своим здоровьем. По крайней мере, я люблю такую схему, но не в этом случае.

Этот хитрый человек в Западном Берлине уверен, что его нельзя просчитать, но это самая большая глупость — просчитать можно все — вам скажет любой математик. А здесь

была задача не из сложных — архивы, конечно, как и люди, горят в печах, но из-за бюрократических проволочек и плохой организации дела не все успевают сжечь.

Когда после Первой мировой войны прибалтийские республики обрели независимость, многие наивные американцы литовского происхождения, поверив в незыблемость побед, возвратились в родные края вместе со своими семьями. Прошло всего два десятилетия, детишки подросли, но глупость родителей не исправили, потому что плохо изучали историю, а все время пытались найти общий язык с Богом. И случилось для них невероятное: Советы перешли государственные границы прибалтийских государств. Многие жители были арестованы, сосланы или уничтожены. Но никто никого просто так без пользы дела не убирает — всегда есть смысл и выгода. Документы этих людей, включая свидетельства о рождении в США перешли в архивы НКВД. А так как любое лицо, по документам родившееся на территории США, имеет право на американское гражданство и соответственно — паспорт гражданина — КГБ по мере необходимости снабжало своих агентов настоящими американскими документами.

Вот и товарищ из американского посольства в Западном Берлине был из этой гвардии. Он, наверное, хорошо спит и у него пока хороший аппетит, но диета ему не повредит (стихи)! Все дело в том, что в этом промежуточный период в Литве хозяйничали немцы. Хозяйничали хорошо и время зря не теряли и с начала тридцатых по начало сороковых, когда пришли русские, они успели наберечь достаточное количество своих агентов среди литовцев, которые потом частью пострадали, а частью, к счастью (опять стихи!) — нет. И русские вербуя уже своих агентов, получали немецких, тем самым создавая не только свою, но и нацистскую агентурную сеть, которая работала и внутри СССР, и в США, и в Германии. А уж кто на кого работал — бывало сам черт не разберет. Чаще всего, работали все на всех, кроме особо упертых патриотов. Но любой человек, видя, что происходит вокруг, в конце концов, из трех или четырех зол старался выбирать то, за что подороже платят. А я сидел на балконе и решал кроссворды: кто из этих удальцов самых предприимчивый и самый успешный, кто из них самый хитрожопый и самый жадный? А еще: кто из них находится в данный момент в том самом месте и в то самое время, где и когда он мне понадобится. Человек, которого я нашел в американском посольстве в Западном Берлине, был трижды предатель — еще один раз не повредит его имиджу. Его проблема была в том, что бывший старший офицер СС продал мне его печальную историю про постоянные превращения за возможность умереть под атласным одеялом в присутствии грудастой медсестры.

Здравствуйте, господин Эйхельбаум. Как Ваше драгоценное здоровье? Это — я, Ваш призрак. Вы готовы продать мне пару деревянных башмаков для нашего друга?

Вы злой человек, Дон. Вы не верите в Бога.

Что Вы, мой господин, просто мы с Вами верим в разных Богов: я в своего, а Вы не в моего. Из-за этого все Ваши неприятности.

Я бы хотел передать Ваш заказ лично.

Нет, господин Эйхельбаум, во-первых, это может плохо сказаться на Вашем зрении, а во-вторых, я слишком ленив и малоподвижен. Тем более, что Вы старый и не симпатичный и мне не нравиться. А с мужчинами, которые мне не симпатичны, я не встречаюсь! Сделаем проще: сегодня Вы пошлете мне поздравительную открытку в Женеву с обратным адресом в Западном Берлине.

С чем Вас поздравить, господин Дон?

С удачной охотой на дикого зверя. Какого Вы любите больше всего? Ну, скажем, на зайца — он достаточно для Вас дикий?

Вы исполните свое обещание исчезнуть из моей жизни, Дон?

Не торгуйтесь, мой господин, у Вас поднимется давление, а это вредно для Вашего здоровья: вы можете умереть прямо на юной, прекрасной и к тому же несовершеннолетней Луизе из милого веселого домика на Рембрандтплейн.

Вы и про это знаете?

Вы, чудак, Эйхельбаум. Как можно шантажировать такого уважаемого и умного человека только по линии его прошлого? Настоящее же не менее интересно, хотя бы для полиции!

Я все сделаю, только оставьте меня в покое.

Премного благодарен. Живите с миром. Вечного вам счастья и добра, успехов Вашей семье и удачи в бизнесе...

Вы — дьявол, Дон!

За Вашими фантазиями не угнаться, мой милейший Эйхельбаум. То я — бог, то — дьявол. Вы уж определитесь как-нибудь, а то я сам запутаюсь: кто я такой, и буду долгими сырыми вечерами сходить в одиночестве с ума и звонить Вам с надоедливыми расспросами!

Прошу Вас! Я все сделаю!

Вы умница, оберштурмфюрер!

На том конце провода глухо охнули и повесили трубку. Все-таки люди не любят свое прошлое! А зря — в прошлом залог нашего будущего, которое прекрасно особенно тогда, когда ты его не боишься.

15.

Попробуйте, попробуйте, мой дорогой мистер Макдауэл, этот сыр. Конечно, французы правы, когда подают сыр последним блюдом. Но в этом и есть их хитрость! Сыр очень калорийный продукт, а все французы жуткие жадины и вот они и едят сыр, чтобы подешевле насытиться! — Лаура звонко рассмеялась шутке доктора.

Вы поэтому мне предлагаете на закуску сыр, чтобы я не смог больше ничего съесть, уважаемый господин Бойзен? — Дастин весьма тонко парировал доктору. — Кажется, фрау Лаура рекламировала мне какое-то необыкновенное фирменное блюдо?

Вам палец в рот не клади, мой юный английский друг, — расхохотался Бойзен. — Как Вы меня ловко поймали! Конечно, здесь потрясающая оленина под ягодным соусом, сваренная в пиве и вине. Что? Неожиданная смесь? А вот Вы попробуете и за кусочек этого пикантного блюда захотите отдать все секреты Вашей страны! Но я не возьму. Нет, господин дипломат! Ни за что! Все секреты мира не стоят и подливки этого произведения искусств! Да-да. Именно произведения. Но это должен был быть сюрприз гостеприимных хозяев! Ай-яй-яй! Фрау Лаура! Ну как же Вам не стыдно! Вы не должны были раскрывать английскому дипломату все тайные секреты Рейха! Ну, конечно, теперь уже поздно — тайное всегда становится явным. Ведь немцы, мой юный друг, потому такие ненасытные животные, что привыкли к высококалорийной пище. Великая нация — это прежде всего — великая кухня, а не какие-то там сосиски с пивом. Это только для шпионов мы питаемся всякой гадостью, чтобы все в мире решили, что германская нация ленива и неповоротлива! Какой же Вы однако внимательный, мистер Макдауэл, прямо как английский шпион! С Вами надо быть настороже — этак чего доброго, проболтаюсь ненароком, а Вы потом будете меня шантажировать!

Готов искупить свое нетерпение, господин доктор. У меня тоже есть кое-что секретное лично для Вас: я знаю тайный рецепт приготовления настоящего эля! Поколения хранили его под огромным висячим замком, но мне удалось ценой невероятного шантажа и подкупа добыть его из мрачных глубин веков. Это очень мрачная и кровавая история. — Дастин подхватил шуточную манеру доктора.

Ой! Хочу мрачную историю! Я обожаю мрачные и кровавые истории, но с красивым любовным концом! — захлопала в ладоши Лаура. — Сражения, огромные мужчины — тысячи мужчин, пот, кровь рекой, грохот оружия и в награду за мужество и победу — любовь! Прекрасную юную леди грозный воин освобождает из плена мерзких и диких шотландцев. Она выходит из замка и отдается на милость победителя в чистом поле среди цветов и поющих птиц.

Женская непосредственность, помноженная на сотни рыцарских романов, прочитанных в детстве — вот то, чем должно гордиться человечество, мой английский друг! — Бойзен с восторгом смотрел на Лауру. — Это настоящая живая природа и, если хотите, естество! — В восторге доктора была искренность, потому что Лаура очень точно играла свою роль. Она весьма к месту ввернула про «мерзких шотландцев», давая тем самым понять, что она — окончательная идиотка и пустоголовая девица. Дастин должен быстро поверить, что она — животное, думающее влагищем. Тогда его мозги приобретут ту самую кашеобразную форму, когда мысли не скачут в поисках объяснений того или иного факта, а плавно перетекают из одной в другую, путаясь и превращаясь в кисель. Только законченная идиотка могла не заметить в фамилии Макдауэл шотландского корня!

Милая Лаура, Вы не совсем правы относительно шотландцев, — рассмеялся Дастин. (Ага!) — Вот я, например, настоящий дикий шотландец! Но история не всегда справедлива к людям. А шотландцы не такие уж страшные, какими их описывают в романах. По крайней мере, не страшнее англичан! Тем более, что эти романы чаще всего написаны

английскими писателями. Хотя сегодня, конечно, уже все совсем не так: британская корона объединила наши народы на основе равноправия и самоопределения. А хотите я Вам пришло почитать шотландские рыцарские романы? Там все как раз наоборот — насчет этих самых мерзких и благородных!

А? Каков? — Доктор хлопнул себя по коленке. — Вот она — истинно английская выдержка. Не зря говорят, что британцы рождаются с короной на голове и благородством в душе! Правда от них с детства пахнет элем! — Доктор хитро прищурился в сторону молодого человека. Разговор приобретал тот самый оттенок легкого и ничего не значащего трепа, с доверительными дружескими подковырками, который дает право уже ко второй встрече считать друг друга приятелями.

Ой, милый Дастин! Простите меня за глупость! Я что-то не то сказала. Вот так всегда — ляпну, не подумав! Но ведь женщине можно простить все, не так ли, милые мужчины? — Лаура смутилась настолько правдоподобно, что Дастин почувствовал себя неудобно и она моментально перехватила инициативу. — А Вы? Какой же Вы несносный, Дастин! Что значит — пришло? Нет, Вы уж мне привезите сами — будете просвещать меня в хитросплетениях английской истории, а то я как скажу еще что-нибудь подобное в присутствии Вашего посла — Вам же будет за меня стыдно! — Коленка Лауры прижалась к ноге Дастина.

Дастин, дама права! Скорее соглашайтесь! Если бы я получил такое предложение — схватил бы все книги по истории германцев на свете, все дела отбросил и читал бы прекрасной юной деве на ночь роман за романом! Кстати, я бы еще прихватил ноты с произведениями Великого Вагнера! Я бы пел ей, Дастин! Милая Лаура, может быть, я тоже удостоюсь Вашей милости? Я обещаю Вам романы с пением!

Ну уж нет, милый доктор. Ваш Вагнер груб и непонятен. Никаких чувств — сплошные вопли! Я под такую музыку чего доброго начну маршировать по спальне, а не думать о приятном.

А Вы приглашаете нашего друга прямо в...? Ну-ну, Дастин, не смущайтесь! Наша лукавая насмешница ужасно любит ставить мужчин в неловкое положение — в этом естество красивых женщин. Но, Лаура — настоящая современная немецкая женщина со здоровыми природными инстинктами. Да и тем более, что я Вам не конкурент — я старый человек, на которого уже обращают внимание не юные красотки, а агенты страховых компаний и владельцы похоронных бюро. Кстати, о музыке! Я слышал, что в Англии состоялся первый концерт американского оркестра Дюка Эллингтона? Мой друг, не могли ли бы Вы поспособствовать и достать мне запись этого концерта. Я знаю, что у Вас на радио есть такая запись. Не считайте меня тупоголовым варваром, помешавшимся на Бахе — я же провел все свои лучшие молодые годы в Кембридже!

Я не представляю, господин доктор, каким образом это возможно! Конечно, достать запись — не проблема, но вот как Вам сделать копию? Записывающих устройств у нас в посольстве нет. Да, если бы и были, не думаю, что кто-нибудь позволил мне пользоваться ими! А грамофонных пластинок, по-моему, еще не выпускали?

Я знаю, что надо сделать! — Лаура восторженно захлопала в ладоши. — Милый Дастин, мы вот что сделаем: я уговорю мужа попросить Вашего посла заказать из Лондона копию для служебных целей! Ведь, кажется, Вы атташе по культуре и наведение культурных мостов между народами — Ваша прямая служебная обязанность! Еще кто-то очень умный сказал, что музыка помогает людям находить общий язык, правда, доктор?

Кажется, этого никто раньше не говорил, но в любом случае в следующий раз, когда на службе пойдет разговор о музыке — я процитирую Вас, очаровательная фрау Дейч!

Нет, нет! Серьезно! Я внедрю (кажется, так говорят настоящие шпионы?) американскую музыку с помощью английских джентльменов в застоявшееся болото немецкий бургеров, пропахших пивом и капустой! — Лаура с пафосом публичного оратора взмахнула рукой и подцепила на вилку кусочек лоснящейся форели с миниатюрной долькой очищенного лимона.

А, кстати, мистер английский атташе, разве у Вас нет магнитофона? Как же Вы собираетесь присутствовать на пресс-конференциях — с блокнотом в руках, как простой корреспондент «Дейли-телеграф»? Так не пойдет! Вы должны отличаться от всех этих борзописцев — Вы же представляете не только великую, но и современную английскую культуру. Предлагаю равнозначный обмен, который позволит Вам внести новое слово в дело развития наших отношений. Только что в Германии выпущена первая партия миниатюрных записывающих устройств, которые в скором времени перевернут все представления о звукозаписи! У меня есть два таких магнитофона и я хочу презентовать Вам один из этих опытных образцов — это очень удобно не только для работы, но и для домашнего развлечения.

Что Вы, доктор, это же стоит баснословных денег! Я не могу принять такого подарка.

А это и не подарок. Во-первых, мне это ничего не будет стоить, а во-вторых, это даже меньше, чем первая в Германии запись оркестра Эллингтона, которой буду обладать я! Это — здоровое честолюбие, Дастин! И уверяю Вас, что ко мне на поклон примчатся сотни надутых чиновников и генералов, чтобы только послушать такую музыку! Так что, это в моих интересах.

Эй-эй! Это, кажется, я буду прилагать все усилия, чтобы добыть эту вашу новую музыку — что же, я остаюсь без подарка? — Лаура надула губки.

Милая фрау Лаура! Я преподнесу Вам такой подарок, что Вам позавидуют десятки тысяч женщин в Германии — это я Вам обещаю! Это будет грандиозный подарок, достойный чуда воскрешения из мертвых! — Глаза Бойзена на секунду помертвели. Они перестали смеяться и Лаура почувствовала легкий озноб. Эти двое прекрасно поняли друг друга.

Хорошо, доктор, я согласен. Только оформим эту нашу дружескую сделку как полагается.

Ни за что! Вы же не хотите, чтобы у меня были неприятности? Мое начальство еще решит, что я Вам его продал! Я попросту подарю Вам этот магнитофон, а уж Вы там у себя в посольстве разбирайтесь как хотите. Я бы на месте вашего посла, выдал Вам премию, потому что вы сможете передавать на свое радио живой голос наших деятелей культуры,

искусства и политиков, а не перевранный всякими писаками текст. Заодно, конечно, можете кое-что ненужное подрезать (доктор хитро посмотрел на Дастина) или переставить местами. Думаю, что Ваши компетентные службы будут Вам только обязаны!

Разговор в таком духе продолжался еще часа полтора, но цель встречи была достигнута: коленка Лауры вот уже минут тридцать как была плотно прижата к ноге Дастина и он перестал дергаться от этого, как невротик. А доктор Бойзен смог убедить юношу принять его подарок, в обмен на джазовую запись. Этот подарок был крайне важен для Бойзена — это был диктофон, который использует гестапо для записи во время прослушивания и других нелегальных операций. И если кто-нибудь найдет у английского дипломата такую игрушку — приговор подписан. Сотрудники МИ-5 английского посольства сами передали доктору для Дастина этот диктофон. И уж конечно на нем было клеймо «Сделано в Германии» вместе с орлом, сидящем на свастике. Этот диктофон обязательно найдут у Дастина, но не здесь в Германии, а в Англии, обязательно найдут. И приговор английского королевского суда будет суровым. Если же юноша поведет себя как-нибудь неожиданно, например, сдаст игрушку в посольство, то вступит в действие другой план. МИ-5 получило вчера добро на внедрение доктора Йоганна Бойзена в абвер через Дастина Макдауэла. Операция получила кодовое название «Шотландец». Единственное, о чем правительство Великобритании предупредило МИ-5, так это по возможности обезопасить жизнь молодого английского дипломата. Все заверения в этом английской секретной службы чиновниками двора были получены и операция началась. Только не все, что делают спецслужбы надо знать правительствам — судьба Дастина была предрешена в том или ином случае. Юноша не знал, что вокруг него разыгрываются такие опасные для его жизни страсти. Не знал и доктор Бойзен того, что параллельно с его операцией началась операция «Донор», которую по указанию Москвы проводил агент Конрад (он же «аргентинский дядюшка») и в которой Дастин играл важную, но на этот раз весьма приятную для него роль. Исполнение этой роли в своей собственной спальне Лаура назначила на завтра (а чего долго мучиться?). «Недолгое время это будет самым восторженным его воспоминанием». — Ей было немного жаль юношу, но возможность почувствовать себя той самой египетской царицей, любовники которой после бурной ночи теряли свою голову в прямом и переносном смысле, заставляло забыть о некоторых несущественных условностях.

16.

Сегодня с утра ужасно болела голова. Можно, конечно, думать, что это давление: над Москвой очень низко висели серые дождевые тучи. Порывы ветра выворачивали зонтики и женщины в ситцевых платьях разной расцветки, но больно схожих фасонов, с лицами измученных проводниц поездов дальнего следования, ждали троллейбус на бульварном кольце. Их руки с тяжелыми сумками, наполненными картошкой и овощами, в такт

порывам ветра, то резко взлетали вверх, пытаюсь удержать шляпки, то также резко опускались вниз, гася раздувавшиеся подолы своих платьев. Со стороны это напоминало исполнение акробатической композиции на Красной площади группой женщин-атлетов во время демонстрации трудящихся под названием: «Махание тяжелыми предметами трудящимися дамами в честь постоянного седьмого ноября». Можно даже думать, что голова болела от переутомления — каждый день Трошин проводил по семь — восемь часов в подвале дома на Лубянке, где располагался архив КГБ. Можно было думать, что угодно, но голова от этого болеть не переставала. И причины были не столь важны: погода ли это, либо усталость, а, скорее всего, вчерашняя гулянка в бане с телками, которые с радостью вылизали его с ног до головы после третьего литра. Ох, и пьют они! Казалось бы: куда влезает в этих чертовых девок столько водки? Разве только что вместе с месячными все потом исчезает в сортире! У мужиков все это впитывается в кости, в кожу, в жилы, в мясо и в мозги, а эти обновляются, как будто грязное белье сменили. Наутро встретишь вчерашнюю блядь, а она — чистенькая, накрашенная, вежливая и невинная. Смотрит на тебя, как курица на петуха: нужен ты ей только, чтобы она яйца снесла. И желательно, чтобы яйца были не простые, а золотые, тогда подольше на бульон не пустят. Вот они и подставляют свои мокрые места не лейтенантам, а майорам да полковникам. Чувствуешь себя оплеванным — непонятно, кто кого вчера трахал! Высосали у тебя все мозги и гуляют в ожидании подарков. Ты у них вроде донора: тебя использовали по полной программе, опустошили до дна кошелек и карманы, а ты же за это еще и должен остался...! А дождя все нет. Хорошо еще, что машину не отпустил — не надо мучиться в транспорте. Ночью выгнал девок вон из бани, отвез их Василий по домам, приехал довольный — тоже поди расслабили они его на командирском сидении. А Трошин улегся прямо на полке, только дверь открыл в раздевалку, чтобы не угореть. И приснился ему ночью голый Конрад! Вскочил, налил в стакан остатки из бутылки, да пить не стал. Так, наверное, механизатору во время уборочной по ночам, вместо жены комбайн мерещится. Дожил — раньше бабы снились, а теперь голые шпионы. С водкой надо завязывать.

«Ты, Конрад — чертов «Донор» и я тоже донор. Бегаю я за тобой, как сыщик за вором, а может тебя вовсе и нет? Может это только игра такая — мистификация? Бегаю за собственным эхом, а оно меня все глубже в болото...А?» Постовой на входе слегка поднял бровь — операций вроде никаких не объявляли, но чтобы подполковник явился в шесть утра на работу — такого он еще не видел. Трошин пошел напрямик в архив, сел, включил лампу, налил себе из графина полный стакан воды, выпил («Тухлая — тинной пахнет! Ни фиги воду не меняют!»), взял недочитанное вчера дело и первое что увидел — чью-то приписку карандашом в конце страницы: «Смотреть — Испания».

Сотрудников архива в это время на работе еще не было и Сергею пришлось самому идти в дальний угол огромной комнаты, где на стеллажах, на букву «И» хранились материалы по Испании. Эта одна из комнат архива была предназначена для материалов с последней степенью секретности. Допуск сюда был строго ограничен и даже подполковник Трошин, как начальник отдела Иностранного управления МГБ, не имел права входить в эту комнату

без специального разрешения самого высшего руководства МГБ и ЦК. То, чем он занимался сейчас, видимо, было столь важно для руководства, что не только ближайшее окружение Сергея в отделе, но и офицеры, старше его по званию и по положению, не представляли, какое задание он выполняет. Работа его была столь секретной, что как только он входил в архив, работающие там сотрудники, моментально прекращали свои дела и покидали помещение!

Что искать? Сергей взял первый попавшийся ему на глаза металлический кофр, снял печать и открыл. Он решил просмотреть некоторые архивы Исполкома Коминтерна от сентября 1936-го года. В это время в Испании появился шеф Конрада — Ян Берзинь — дело явно приобретало сверхсекретный характер, потому что руководителем военной миссии в Испании был назначен начальник военной разведки!

В разведках всех стран есть одна черта, которая их объединяет: каждый новый начальник приходит со своей командой и каждый старый начальник, уходя со своего поста, забирает с собой людей и все секреты, нарытые им за время правления, создавая тем самым большую проблему новому руководству. Никто не работает во благо чего-то единого: цели, мечты, фантазии, утопии или страны. Как сказал один политический деятель: «Государство — это я». Вот именно по этому закону живут не разведки — нет! По этому принципу и, свято в это веруя, живут руководители секретных служб. Любая разведка — это прежде всего тот человек, который ей руководит. И можно строить иллюзии по поводу их нравственных черт и законов морали, но люди, которые лезут к вам в постель, копаются в вашем белье, шарят в ваших бумажниках, читают ваши письма, подслушивают ваши разговоры и при этом считают, что защищают свою родину и выполняют святую для них миссию — охраняют вас от врагов — преступники. Но каждый из этих людей считает, что борется с абсолютным злом, поэтому живет согласно собственным представлениям о морали, специально для него созданным, правилам и законам. Эти люди считают себя воинами, солдатами «невидимого фронта» и чуть ли не избранными. Правда, избирает их не Бог, а другие — еще более хитрые, которые путем еще более мрачного предательства пробрались наверх! И что самое смешное в этом, так это то, что себя они называют разведчиками, а своих коллег из других разведок — шпионам. Здорово, правда? Если кто-то залез в твой стол и все там перерыл, а потом тебя подставил — он сволочь и подлец, а если это делаешь ты, то ты разоблачаешь опять же сволочь и подлеца. То есть, на все надо смотреть только со своей колокольни и только своими глазами: мнение и взгляды других не просто не интересны, но должны быть уничтожены, как глупые, вредные и ошибочные. Вот тогда и будет построено самое справедливое общество в отдельно взятой стране лет этак на пятьдесят. Потом, правда, кто-нибудь возьмется все перестраивать, но, во-первых, это будет потом, а во-вторых, третьих и в-четвертых, до этого надо попробовать дожить. Что же удивительного в том, что большая часть этих самых «воинов» исчезает бесследно? Но, почему-то, если вы начнете вынимать на свет секреты деятельности разведок хотя бы сорокалетней давности, анализировать поступки людей, которых уже давно нет — сегодняшние их коллеги, которым, казалось бы, должно быть все равно, что делали эти

пакостники, яростно начнут вас давить — потому что, копаясь в прошлом, вы копаете могилу и им. А все потому, что законы и методы этой работы не меняются никогда! Но это — лирика. И эти мысли к Трошину приходили уже неоднократно, но принимал он их спокойно: был честен с самим собой и не строил из себя ангела. «Каждому — свое» — так было написано на воротах крупнейшего концентрационного лагеря нацистов, а это для Сергея было догмой. Нацистское: «Каждому — свое» ничем не отличается от социалистического: «От каждого по возможностям — каждому по труду».

«Итак, Сталин и Гитлер действительно разошлись во взглядах на мировое господство именно в Испании! Из всего получается, что Гитлер поддерживал марксизм в его ортодоксальной форме: немец Маркс был понят Гитлером по-своему, а Сталин, преследуя Троцкого, исповедующего этот самый утопический марксизм, уже создал новое учение — сталинизм. И вот поэтому-то в июле тридцать шестого Исполком Коминтерна и передал директиву коммунистической партии Испании, чтобы она случайно не перепутала истинную религию с ошибочной: «При любых условиях необходимо добиться полного и окончательного разгрома троцкистов путем изображения их в глазах масс как фашистской секретной службы, осуществляющей провокации в пользу Гитлера и Франко». Гитлеру и дела не было до Франко: он считал его не фашистом, а обыкновенным националистом, но в качестве эксперимента по отработке тактики своей военной доктрины молниеносного захвата власти, ситуация в Испании была ему интересна! Гитлер не сражался со Сталиным в Испании: каждый из них играл в свою игру, которые в итоге привели мир к катастрофе. Потом, в конце тридцатых, будет одна попытка договориться о совместных правилах ведения игры: Сталин и Гитлер захотят играть на одном поле. Но — не договорятся».

Перелистывая архивные тома и читая страницу за страницей, Трошин поймал себя на мысли, что в рядах троцкистов были не только агенты НКВД, которые выполняли свою работу, но и агенты нацистов. Тут у Сергея что-то заклинило: а зачем, собственно говоря, при таком обилии сотрудников НКВД в Испании, их безумной борьбе с троцкистами, еще и Конраду заниматься тем же самым? Значит, его задачей было либо физическое устранение руководящих лиц движения или, вероятно, какое-то еще более серьезное дело. Ведь, вот же, написано, что среди ярых догматиков-сталинистов были такие одиозные фигуры, как Вальтер Ульбрихт (будущий лидер ГДР), в ту пору руководивший подразделением НКВД, которое охотилось за немецкими, австрийскими и швейцарскими «троцкистами» уже непосредственно внутри республиканских интербригад. Получается, что НКВД делало одно дело с Гитлером: делало все возможное, чтобы республиканцы не смогли победить и к власти пришел генерал Франко! Сталин ведь тоже знал, что Франко не фашист, а националист, что абсолютно соответствовало политике сталинского руководства и чуть было не скопировано с методов «наведения порядка» в СССР. Трошин ни минуты не мог подумать, что все это происходило из-за какой-то фантастической глупости советского руководства! Они ждали развития событий. Этим-то и объясняется столь долгое отсутствие реакции советского правительства на события, происходившие в Испании. И только в октябре тридцать шестого, когда Сталин понял, что в Испании в игру вступил

Гитлер, что события уже не напоминают революционную ситуацию в России в начале века и Франко пошел не по тому пути, как ожидалось, он выступил с открытым письмом к руководству испанских коммунистов: «Освобождение Испании от ига фашистских реакционеров является не только внутренней заботой самих испанцев, но и общим делом всего прогрессивного человечества».

До Сергея начало доходить, что Конрад, находясь в ближнем кругу Льва Троцкого, не только подрывал троцкистское движение изнутри для НКВД, но и создавал себе алиби для нацистов, как ярый противник сталинизма. Это уже не просто глубокое внедрение в фашистские круги — это серьезное положение в самых высоких слоях новой германской власти. Скорее всего, ему было доверены какие-то операции СС в Южной Америке. Хотя, может быть, уничтожение Троцкого было санкционировано и в Берлине после начала долгожданного и активного движения Сталина навстречу Германии (австрийский художник мог слегка помочь грузинскому священнику!), которое и состоялось чуть ранее непосредственного устранения Троцкого. Больно уж странное совпадение — в августе тридцать девятого подписывается пакт «Молотов-Риббентроп», а ровно через год, в августе сорокового, Рамон Меркадер убивает Льва Троцкого. Желания Сталина и Гитлера совпали и уже, казалось, ничто не мешает двум львам договориться. Проблема лишь в том, что по законам природы — два льва договориться не могут. А ведь, выступая перед высшим командованием вермахта 22 августа 1939 года — всего за сутки до подписания пакта о ненападении между Германией и СССР, Гитлер заявил: «Сталин и я — единственные, кто видит будущее. Через несколько недель я протяну Сталину руку на общей германо-русской границе и вместе с ним предприму раздел мира».

Но на поле играли не правительства Германии и СССР, а лидеры, которые делали в этой игре ставку на секретные операции и свои тайные службы: СС и НКВД. Гитлеру был нужен СССР, как союзник; Сталину в этой же степени был нужен Гитлер. Цель у них была одна, методы одинаковые, да только пути достижения этой цели разные: Германия предполагала, договорившись с СССР, положить к своим ногам Европу — Сталин думал о том же. Когда в июле сорок пятого на Потсдамской конференции глав держав-победительниц кто-то спросил у Сталина, какие чувства он испытывает, когда советская армия стоит у ворот Берлина, он многозначительно ответил: «Царь Александр Первый дошел до Парижа...» Трошин сделал неутешительный для себя вывод: впервые он столкнулся не с тайным агентом НКВД, а с непосредственным участником серьезной политической игры, которая решала судьбы мира. Он понял, где надо искать теперь Конрада — в Аргентине. Понял он еще и то, что Конрад — это не один человек — это многоходовая сложная и опасная игра советской разведки во многом направленная против своего же правительства. Понял он и то, что игра началась снова: Конрад вновь потребовался КГБ для сумасшедшей чехарды, в которой завязнут многие правительства мира. Спустя десять лет после окончания страшной войны, вокруг новой Германии опять витают духи современных провокаторов и интриганов. Трошин понял, что от него хотят: Конрад был так глубоко «зарыт под землей», что он должен, как медиум, вытащить на свет

дух прошлого — мир остался недоволен результатами дележа имущества поверженной Германии.

17.

В центре Амстердама много стоянок такси особенно перед отелями и Центральным вокзалом. Но я не люблю такси. Я вообще не люблю автомобили: они грохочут, визжат, гадят и мешают гулять. В городе такие узкие улочки, что бывает одной фруктовой повозке с повозкой торговца рыбой не разминуться. Стоят, ругаются и не уступают друг другу ни полметра булыжной мостовой! В такие моменты мне нравится наблюдать не за торговцами: поругаются и разойдутся, а вот жители, которые высовываются из окон, и прохожие, которые останавливаются и начинают рассуждать между собой — кто из них прав — гораздо интереснее. В городе слишком скучно, потому что слишком тихо, слишком чисто, слишком сытно, слишком уютно, все — слишком!

Я люблю вечером выйти из дома и взять со стоянки свой велосипед. Он прикован железной цепью к дорожному столбику у самой обочины (мой столбик номер тринадцать). До ближайшего брюн-кафе совсем недалеко и можно было бы встретиться с Моник там, но город-то маленький, а хозяин ближайшей пивной знает меня давно. Ему, конечно, все равно — с кем я встречаюсь, но если я буду не с девушкой, а, предположим, с мужчиной, или с девушкой, но ему совершенно незнакомой, то он, чего доброго, решит, что я или стал педиком (ему-то что — пожалуйста! Только интересно!), либо подцепил что-то новое, что он еще не пробовал. Замучает расспросами! У людей, которые много пьют пива происходит отупение мозгов, да и живот на остатки этих мозгов начинает давить.

Я доеду на велосипеде до Лейдсеплейн, оставлю его там на платной стоянке (всего-то 5 гульденов в час), пересеяду на прогулочный катер, который довезет меня до Центрального вокзала, возьму билет до Утрехта, войду в купе и увижу Моник. Она — потрясающая женщина, она не только курит «Корону», которая своим размером напоминает прилично выращенный фаллос, но и не носит нижнего белья. Вообще и никогда не носит. Говорит, что в Китае женщины засовывают такие сигары себе в промежность и дымят ими, как плохо отрегулированные двигатели внутреннего сгорания. Я был в Китае, но никогда не видел там хороших гаванских сигар! Моник всегда врет.

«Моник прекрасна, Моник чудесна, Моник, тебя я та-а-ак хочу!» — французская песенка времен второй мировой войны крутилась у меня в голове, пока я брал билет и выходил на платформу. Как только вышел — понял, что действительно неплохо было бы! Ладно, там будет видно. Девушка эта из породы злобных тварей, которых не уговаривать надо, а уворачиваться — откусят что-нибудь к чертовой матери!..

Я так и знала, что ты, паршивый полукровка, даже один тюльпан даме не принесешь! — Она сидела на кресле, сбросив туфли и подобрав ноги под себя. Если бы на ярко-желтой шелковой блузке были швы — они треснули бы очень давно под напором такого бюста!

Что ты, милая Моник! Ты когда-нибудь видела меня с цветами? Скажи, а что ты ешь такое, что твоя грудь растёт с каждым разом минимум на один размер? — Я сел в кресло напротив Моник. Поезд тронулся, в купе горел неяркий свет — стало очень уютно. Она сидела, укрывшись клетчатым пледом. В купе стоял весьма легкомысленный аромат — через плотную завесу французских духов пробивался неясный сладковатый запах. На столике перед девицей лежал изящный серебряный портсигар, украшенный разными полудрагоценными камешками.

Моник, радость моя, где же твои сигары? И что это такое ты куришь? Смотри, на этот аромат сбегутся все полицейские Нидерландов.

Дон, кажется я на свободной территории! Что ты хочешь испугать — ЭТО?! — Моник сбросила плед и встала, причем сразу в такую позу, что попытаться ее описать очень трудно! Ну, вот, приблизительно, так. Правая рука чуть согнута и открытой ладонью — лежит на правой части задницы; левая рука локтем чуть повернута в мою сторону, согнута и лежит на верхней части левого бедра — чуть-чуть вперед; корпус тоже слегка наклонен вперед и влево так, что левый сосок почти уткнулся мне в правый глаз и я им уже ничего не видел; подбородок чуть вздернут, а голова легка повернута вправо и вверх; полные губы приоткрыты, хищно поблескивали белые зубки и виден был розовый язычок. Да! Чуть не забыл! Юбку Моник, видимо, забыла на предыдущей остановке, а про белье я уже говорил. Вот в такой позе она замерла, а я правым глазом заметил, что в том месте, где тело расходится надвое, виднеется кончик еще одного такого же розового язычка — вот только зубов видно не было.

Дорогая, не надо так нервничать! Если полицейские и появятся, то им придется занимать очередь в конце состава, зато у меня будет хороший финансовый год.

Нахал, хам, сволочь, фашист, полукровка, идиот и предатель! — Моник плюхнулась в кресло, но перед этим я успел таки укусить ее за сосок. — Ты — педик! Точно! Ты — педик.

Моник! Приличная девушка не должна вот так вот сразу набрасываться на мужчину, который не только еще не выпил чай, но даже не предложил девушке сделать ему минет. Сколько раз я говорил тебе, что это отпугивает мужчин! Им может показаться, что девушка слишком доступна, а это может привести к непоправимым последствиям. Например, тебя могут изнасиловать и, вообще, ты можешь простудиться! Кстати, избавься от привычки постоянно высовывать свои языки — это неприлично. Людям может показаться, что ты дразнишься!

Дон, хочешь хорошей травки? — Моник уже полулежала на кресле: одна нога уперлась мне между ног, а другую она положила на стол. Обзор был более чем хорош, но аппетит, который преследовал меня уже часа три, почему-то пропал! Я не могу хотеть есть, когда на меня смотрит промежность!

Она взяла из портсигара две сигареты, аккуратно положила их в рот и вместе прикурила, отчего была похожа на змею с раздвоенным язычком, у которой вдруг задымилась голова — одну отдала мне. Трава была исключительного качества. Именно такую поставлял из Колумбии шеф Моник, сеньор Алонсо де Охеда, один из крупнейших поставщиков этого зелья в центральную Европу и, в частности, в Австрию. Он, как все приличные бизнесмены жил в Аргентине, а работал подальше от родного дома — в Колумбии. Так было безопаснее и для него и для его семьи.

Это из новой партии?

Да. Есть какие-то осложнения? Зачем ты меня позвал в такую даль, если даже не обращаешь на меня никакого внимания и не хочешь сначала со мной переспать?

Во-первых, не обратить на тебя внимания никак нельзя — такого больше нигде не увидишь, даже в амстердамском борделе на улице Зедейк, во-вторых, спать с тобой невозможно, потому что ты так пихаешься и орешь, когда кончаешь, как будто у тебя внутри каждый раз взрывается атомная бомба. Кстати, тебя не было в Хиросиме в тот вечер? Ну, а в-третьих, действительно есть проблемы и они вряд ли понравятся ребятам в Буэнос-Айресе.

Скажи, Дон, а сколько бы я стоила, если бы решила попробовать развлечься в этом твоём борделе?

Ну, я не знаю. Я бы предложил тебя за пару трубок табака и пинту «Гиннеса».

Что? Ах, ты, сволочь!

Моник, ты повторяешься! В тебе же нет загадки. Ты вывернута наизнанку, как учебное пособие для анатомических кабинетов. Прежде, чем приличную девушку трахнуть, ее надо хотя бы поцеловать. А ты что? Ты же сразу набрасываешься на человека раскрытым до ушей влагилицем, как будто собираешься его съесть. Очень приятно умирать в сыром месте! Все должно быть красиво: немного того, немного другого. Дай мужчине повод подумать, что он так неотразим, что ты не устояла, а потом трахай его сколько хочешь! В общем, ты слишком агрессивна. А теперь слушай меня внимательно и не слишком дергайся, а то протрешь мне дырку на брюках!

Хорошо. Слушаю тебя внимательно, но сначала ответь: откуда на нашей территории появился новый товар? Кто поставщик? Ты знаешь, что цены сброшены почти вдвое? Хозяева так рассердились, что, кажется, готовы открыть стрельбу, вот только не знают в какую сторону стрелять!

Не торопись. Все в свою очередь. — Теперь Моник сидела как школьница: ноги вместе, спинка прямая, ручки сложила перед собой, вот только грудь заняла полстола и задница голая.

Слушай меня. Штаты отдали Советам Северную Корею. Так? В качестве залога будущей дружбы с СССР они отдадут Австрии ее пресловутую независимость. Это объявят месяца через два. Русские их настолько хорошо потрепали в Корею, что теперь временно могут диктовать им свои требования. В конце концов, они показали янки свои самолеты в действии. Зачем русским Австрия — объяснять тебе я думаю не надо — или надо?

Дон, я конечно злобная сука и ненасытная блядь, но я не идиотка. Давай дальше!

Русским нужна Корея — желательно вся, но они удовлетворяться и ее северной частью. Это хороший перевалочный пункт для товара в Юго-Восточной Азии. Но дальше стоит вопрос сбыта...

Дон. У тебя уже тоже по-моему стоит вопрос сбыта достаточно остро!

Молчи, а то придушу — это позже. У меня этот вопрос стоит достаточно долго. — Я потушил окурок и почувствовал приятную пустоту в коленях.

В Европе, кроме Восточной Германии у русских ничего нет. Если они добьются независимости Австрии, а видимо так оно уже и случилось, то этого австрийцы им никогда не забудут и по гроб будут благодарны. Китайцы с рынка уходить не хотят, как вы не старались. У них с русскими сейчас великая дружба и если те откроют им коридор в Европу под хорошие комиссионные... Ты же знаешь их технологию — наваливаются как саранча парой миллионов человек и себестоимость тонны равна тонне риса!

Рассказывать все, что знаю, конечно, я Моник не собираюсь. Иначе, какой смысл в этой игре? Я не работаю на картель — моя задача совершенно в другом. Мне надо занять КГБ и ЦРУ совместной работой на рынке наркотиков. И желательно такой работой, чтобы они подружились на время. Хорошие деньги объединяют, а очень хорошие деньги даже позволяют забыть о разногласиях во взглядах на некоторые вопросы. Мне надо, чтобы ЦРУ позаботилось не трогать ГДР (чего хочет и КГБ), чтобы в случае чего всегда иметь причину для умывания своих рук. Да и КГБ нужен постоянный очаг напряженности, чтобы делать ставки в будущих играх.

Как еще решить серьезную политическую проблему, если не с помощью денег? Дай людям возможность хорошо заработать и они вмиг забудут о своих претензиях. Но об этих деталях и моих планах Моник совершенно не надо знать. Она достаточно резкая дама и, несмотря, на весь ее эпатаж, ее роль в колумбийском картеле достаточно значительна. И если кого и может обмануть ее поведение, то только не меня. Хотя она и прикидывается секретаршей, платит мне она. И платит хорошо! Терять ее деньги я не хочу, а жизнь тем более, поэтому в отношениях с Моник надо знать далеко не все, что знаешь.

Она понимает, что я — посредник и информацию покупаю. Пусть она так эту ситуацию и понимает. Как только она поймет, что я не среднее звено, что я сам варю кашу — у меня могут начаться проблемы. А зачем мне это надо?

Скажи, Дон... Ты хочешь подставить русских и китайцев?

Упаси боже, Моник! Я не играю в политику — она меня не интересует! Ты же меня знаешь — я хочу, чтобы твои ребята проанализировали ситуацию и дали мне то, что я хочу.

Изредка я за тебя боюсь, Дон. Это плохо для меня. А изредка боюсь тебя. И это уже плохо для тебя! Кто ты на самом деле? Хотя, вопрос чисто риторический.

Ты задаешь вопрос, на который ответить не может даже Господь Бог. Даже Он в этом пока еще до конца не разобрался. Ты же знаешь, Моник, я свободный художник, которому надо зарабатывать деньги на краски, натурщиц и хорошее вино.

Что ты хочешь узнать у моих друзей в Южной Америке?

Если коротко — кто в Аргентине больше всего разбирается в искусстве?

Вот оно что! — Моник расхохоталась. — Теперь я буду знать, что когда у очередного коллекционера случится инфаркт, значит к этому приложил руку мой несостоявшийся любовник!

Несостоявшийся? Это от какого слова? Не стоял или не состоял? — Моник отодвинулась от стола и, прищурившись, посмотрела на мои бьюки.

Дон, позволь выразить тебе свое восхищение столь долгим выражением твоего интереса к моей персоне. Ты не будешь против, если мы первую часть свидания закончим сейчас и приступим ко второй, которую тоже хотелось бы закончить столь же интересно. Я надеюсь, что ты понимаешь: твой сегодняшний гонорар за информацию я частично покрою скорым ответом из Южной Америки, а другую часть переведу куда ты скажешь. Идет?

Конечно, Моник. Все, как всегда. Только, пожалуйста, не буди проводника слишком рано, а то он все испортит своими завываниями под дверью...

...Я сошел в Утрехте. Делать мне там было нечего, но и ждать мне не пришлось — обратный скорый уже стоял на соседнем перроне. И это было хорошо, потому что погода испортилась — пошел противный дождь. От меня видимо так сильно пахло Моник, что проходящий мимо полицейский завистливо покосился.

Моник осталась довольна информацией, я остался доволен собой, мы оба остались довольны друг другом, а китайцы пусть позаботятся о себе сами — девушка с красивым именем — Ароматный Цвет, скоро уже приедет домой и привезет им мое письмо: строчки из Юй Сюань-Цзи:

«Что привело их сюда,
Что увело их отсюда,
О чем вспоминают теперь?
Улыбка моя неизменна»

и еще пару рисунков. Я думаю, что в Австрии придется туго отделу по борьбе с наркотиками — не самые спокойные ребята будут мешать им спать! Осталось только все это рассказать итальянцам — и я могу забыть на долгое время об этой стране: австрийцам будет не до выполнения фантазий русских. С другой стороны, я создал столько рабочих мест за один вечер, что меня можно было бы назначить Министром труда Австрии, но я не соглашусь. Меня по-прежнему интересует живопись! Особенно те ее шедевры, которые в сороковых перевезли из Германии в Аргентину.

18.

Старший офицер английской разведки Посольства Его Величества в Германии Мередит Кьюз плохо спал этой ночью. Ему вообще не нравился немецкий климат, немецкая еда, да и

сами немцы. Конечно, кушать всегда можно и в посольстве — прекрасный повар, выписанный послом из лондонского отеля на Кинг Кросс Роуд, был весьма изобретателен и уже через две недели знал все вкусы и пристрастия старших чинов посольства. Но по долгу службы офицер Кьюз большую часть времени находился вне стен посольства и с улыбкой потреблял всякую гадость в берлинских пивных в обществе немецких коллег. Почему коллег? А кто же из высокопоставленных чинов гестапо и СС не знал, что под вывеской представителя торговой фирмы «Империял кемикл индастриз» из Лондона, который привез в Германию первое в мире синтетическое моющее средство, созданное в Англии, скрывается официальный резидент английской разведки МИ-5? Сотрудники гестапо и СС — ребята далеко как не глупые! Они с удовольствием разыгрывали между собой эти маленькие спектакли, потому что понимали: чтобы не происходило между правительствами самых различных стран, они делают самую неблагодарную работу, они нужны всегда и их судьбы очень схожи. В каждом посольстве есть легальный резидент разведки, о котором знают компетентные органы. Он достаточно открыт и его задача заключается лишь в том, чтобы являться не более, чем представителем разведки, который лишь контролирует события, происходящие в стране его пребывания и докладывает своему руководству. Он, конечно, производит некоторые операции, связанные с передачей информации местным информаторам, контактирует со структурами контрразведки в стране, где находится и осуществляет общее наблюдение за деятельностью своих дипломатов, их контактов, за сохранением государственных секретов своего правительства. В общем, штатный посольский стукач и консультант по вопросам сохранения карьеры дипломатов. Их не любят ни в одном посольстве ни одной страны мира, потому что эти люди способны разрушить вашу устоявшуюся жизнь, карьеру и благополучие. Именно поэтому, каждый из дипломатов, торговых представителей и простых служащих посольства по любому поводу бежит к ним, что бы рассказать где был, кого видел, кто из коллег может вот-вот оступиться, а кто, по их мнению, уже перешел границу дозволенного в отношениях с местным населением.

В обязанности легальных резидентов разведки также входит и обеспечение, в случае крайней необходимости, операций прикрытия работы нелегалов, их отвода из-под удара контрразведки и помощь в организации контакта с высшим руководством их страны. Вообще-то, посольские разведчики жутко не любят своих нелегалов: вот их-то они и называют шпионами и считают, что те делают грязную работу. Они стараются не помнить, что эта самая грязная работа и прибавляет на их чистенькие кители, которые они стараются не снимать даже в сортире, новые красивые звездочки, шевроны и ордена.

Старший офицер Кьюз был человеком образованным. Он говорил на шести языках, имел самое превосходное образование, был примерным мужем и отцом двух дочерей и сына, который пошел по стопам отца и уже служил во флоте Его Величества. Кьюз пережил всего несколько неприятных моментов в своей биографии, когда его карьера была под ударом, но всегда выходил чистым из мутной воды. Дома, в Лондоне, он работал в Министерстве внутренних дел, курировал вопросы и внешней разведки, и внутренней

безопасности. В связи со сложной обстановкой в Германии его командировали на этот пост в посольстве, что Кьюз расценил, как рискованную ситуацию в своей жизни. На этом участке не долго было и проколоться и тогда не видать ему поста заместителя министра внутренних дел в правительстве «тори». Кьюз был не жадным человеком — ему не надо было звезд с неба, но теперь приходилось думать о чем-то таком, что мгновенно принесло бы ему хорошие дивиденды и позволило побыстрее убраться с почетом в Лондон — в уютный домик с садом к супруге под теплое крылышко. Утренние газеты, полуденный чай, поучительные и высоконравственные разговоры в клубе со стаканчиком старого виски, гольф, вечерняя сигара и теплое молоко на ночь — это все, что он хотел. Одним из его предков был сэр Френсис Уолсингем, которого он боготворил и старался во всем ему подражать. Это был мастер шпионского искусства — сэр Френсис Уолсингем значительную часть своей жизни прослужил в качестве главного секретаря (министра) и начальника тайного отдела на службе английской королевы Елизаветы. Следы Уолсингема можно было обнаружить в сотнях самых дерзких и виртуозных шпионских махинаций периода царствования Елизаветы. Он собирал секретную информацию, провоцировал тайные заговоры, которые сами без активного участия шпионов и чиновников правительства никогда не возникают, а затем сам же их и раскрывал! Вряд ли найдется какой-нибудь из самых грязных шпионских методов, которыми бы не пользовался благородный сэр Уолсингем. О! Это был искуснейший интриган! Благодаря ему, глупый и плохо придуманный заговор, имевший своей целью посадить на английский престол шотландскую королеву Марию, принял такие ужасающие и кошмарные размеры (хотя не стоял и выеденного яйца), что в конце концов дал Елизавете основание подписать невинной шотландской королеве смертный приговор! Он засылал во Францию, завербованных им лучших выпускников Оксфорда и Кембриджа, для продолжения образования, а на самом деле с целью проникновения во двор французского короля с тем, чтобы выведать всеми различными способами: от подкупа до шантажа, намерения французского двора против Англии. Кажется, даже английский поэт Кристофер Марло был его шпионом! А неожиданная смерть поэта в скандальной драке в Дептфорде была результатом одной из его неудачных интриг против сэра Френсиса Уолсингема.

Старший офицер английской разведки МИ-5 задумал провести в жизнь выполнение, возложенной на него задачи по дезинформации германского руководства о продвижении английской армии к границам Германии, чтобы сорвать планы Гитлера относительно увеличения вермахта и операции в Рейнланде. Очень удачным стало появление в посольстве молодого и наивного амбициозного юноши Дастина Макдауэла в качестве атташе по культуре. Кьюз не хотел использовать существующие каналы вброса дезинформации, а хотел придумать собственную операцию, которая принесет ему исполнение своих мечтаний. Юноша столь неопытен и глуп, что поймается на крючок, как тупая и ленивая рыба! Он сам уже на пол дороге к виселице: лезет в постель к жене еврейского банкира и не соображает, что она не только законная супруга старого друга посла, но и его любовница. Кстати, под эту историю можно было бы и этого напыщенного

индюка — посла — отправить в отставку. Посол, чего греха таить, не любил офицера Кьюза и считал его выскочкой и интриганом.

Вот сейчас, на столе Мередита Кьюза лежала бумага, в которой во всех красках описывались похождения, только что приехавшего в Берлин Дастина Макдауэла. Его посещение особняка этой чертовой итальянки-лесбиянки (в это-то Кьюз был абсолютно уверен — все его ухаживания ничего не дали!), ужин в закрытом офицерском ресторане, полном агентов гестапо (одно это уже могло отправить его в тюрьму!), контакт с чиновником министерства расовой политики нацистов и так далее. Кстати, доктор Бойзен вчера все ему рассказал за ужином с такими подробностями, что Кьюзу стало невозможно! И как ножка этой потаскухи прижималась к Макдауэлу, и какой бред нес дипломат Его Величества — стыд один! Она его еще потащит во все эти злые заведения, в которых собираются гомосексуалисты и лесбиянки! И это королевский чиновник! Была, правда, у Кьюза еще одна причина не любить Макдауэла и легко его использовать в своей игре: он был наполовину, но — шотландцем. Одного этого уже достаточно, чтобы Кьюз не сел с ним за один карточный стол. Но, конечно, это уже настолько личное, что знать об этом никому не положено. Такое уж у Кьюза воспитание. Если шотландцы не могут в силу своей природной тупости сделать что-нибудь полезное для Англии, пусть хоть один из них, Дастин Макдауэл, послужит старшему офицеру Кьюзу и принесет ему титул сэра.

Диктофон, который Бойзен передаст в подарок этому идиоту Макдауэлу был новейшим словом техники и шпионской мысли. У диктофона были сделаны две головки: одна воспроизводила звук, а другая — записывала. Но вся хитрость этой, специально созданной модели, была в том, что в тот момент, когда вы включаете воспроизведение звука, сразу включается и запись и, таким образом, на одну дорожку записываются все звуки вокруг, а со второй ничего не стирается. Вот и получается шпионская запись с музыкальным сопровождением!

Эту технически хитроумную операцию придумал произвести сам доктор Бойзен. Как-то они разговаривали о том, каким образом донести дезинформацию до абвера. Важно было все сделать чисто и без участия английской разведки. Ведь основная цель была не только в том, чтобы удержать Гитлера от предполагаемого шага, но и попытаться внедрить Йоганна Бойзена в контору капитана Канариса. Если все пройдет как надо все получат свое: Бойзен станет сотрудником абвера, потому что во-первых, вовремя предупредит Гитлера о грозящей ему со стороны англичан опасности, во-вторых, завербует английского дипломата, а в-третьих, принесет на блюде еще одного банкира. Кьюз выполнит задание правительства и остановит Гитлера, создаст своего агента в абвере и раскроет предательство молодого английского дипломата, а вместе с ним, может быть, и насолит послу. Ну а Дастин Макдауэл станет знаменитым и больше не успеет согрешить, что тоже, согласитесь, богоугодно, ибо грех надо не только искупать, но и предупреждать.

«Этот юноша оказался не таким дураком, как я предполагал». — Кьюз еще раз раскурил трубку и задумался. Вчера (было уже достаточно поздно для визитов) он прибежал к резиденту и подал бумагу, в которой просил разрешения на такой подарок со стороны

германского чиновника, с объяснениями причин и полным рассказом, как было дело. В бумаге не было лишь тех пикантных подробностей про ножку девицы и другие пакости. Запись этого дурацкого концерта — этого кошмарного грохота, который производил так называемый джаз потного, лысого, жирного негра, уже лежал в сейфе резидента. «Как люди вообще могут слушать этот хаос звуков? Громко, очень громко и не более того. Бедная старая Англия», — вздохнул он. — «Куда ты катишься? Уже завтра на приеме девица попросит посла, чтобы тот достал эту запись и, конечно, старый осел вызовет его. Кому как не разведчику добывать такие серьезные стратегические материалы, как мерзкий негритянский джаз, от которого не только голова болит, но и воняет потом! Посол ей не откажет — она же ему не отказывает! Я и этого послу не забуду — гонять старшего офицера пусть и «по старой дружбе» за музычкой для лоботряса из Кембриджа?.. Это уже слишком!» Кьюз так разгорячился, что ему срочно захотелось выпить. И хотя еще не было шести часов после полудня, он все-таки подошел к шкафу, открыл его и налил себе стакан виски «на один палец». «Про эту музыку будут знать только то, что посол использовал дипломатические каналы в собственных личных интимных интересах, которые никак не совпадают с высоким статусом чрезвычайного и полномочного посла Его Величества. И больше ничего. Какую роль джаз сыграл (ничего себе каламбурчик — надо будет запомнить!) в секретной операции конечно не узнает никто».

Если бы Кьюз знал, что завтра Лаура не только попросит посла достать эту запись (конечно, только для себя!), а еще и передаст письмо своему «дядюшке», которое уйдет в Лондон с личной сверхсекретной корреспонденцией посла — он бы получил инфаркт. Если бы он знал, что невольно стал пешкой в игре тайного агента НКВД — он бы получил не титул сэра, а еще один инфаркт и лет двадцать пять тюрьмы, которая ему бы уже не пригодилась!..

Еще через неделю, в Аргентине, Конрад, получив послание от «племянницы», будет неожиданно обрадован такому развитию событий, потому что ему не надо будет ломать голову, как лучше убрать Дастина. Ему не надо будет пачкаться — это сделает МИ-5 — английская разведка. «Ну вот и ты докатилась, старая добрая Англия», — вздохнет облегченно Конрад.

Почему одним везет, а другим — нет? Почему одни рождаются в благополучных странах, богатых семьях, растут сытыми и здоровыми, учатся в престижных школах и женятся или выходят замуж за образованных, трезвых и психически устойчивых? Почему они обязательно проводят отпуск на море в дорогих гостиницах и едят на завтрак свежие фрукты даже зимой? Почему их коровы улыбаются, когда их ведут на бойню? Видимо, потому что знают их коровы, что из них сделают вкусную колбасу, в которой будет много свежего мяса, и это принесет радость и здоровье людям. А нашим коровам плевать, как умирать: под ножом полупьяного мясника или от голода — жизнь-то все равно прожита зря! Почему у них в автомобилях кожаные сидения, а в наших — плохие? Куда девается кожа наших коров? Они шьют из кожи ботинки, портфели и куртки потому что у них много коров, а у нас — мало. Вот и все. Нам надо не гоняться с ними на перегонки, чтобы ракет на душу населения стало больше, чем у них — нам надо догонять их в количестве коров на душу населения, тогда все будут сыты. Мы продаем танки тем, кто хочет воевать, а на вырученные деньги не покупаем телят, машины и оборудование для ферм. Мы же знаем, что все оружие, которое мы продаем, когда-нибудь обязательно повернется против нас. Или мы глупы и думаем, что чем-то отличаемся от других людей? Люди меняются, чувства проходят и политики уходят в небытие, а оружие остается. И мы будем вытаскивать из наших раненых наши пули. Если уж так хочется убивать — убивали бы лучше коров. Коровы знают, что приносят своей смертью пользу, а какая кому польза от трупов мальчиков?

Трошин сидел на бульваре, недалеко от своей конторы. Мысли как надоедливые мухи кружились и не давали ему сосредоточиться на том, что он должен делать. Время идет. Начальство подгоняет, а он все читает и читает, как дотошный архивариус — мозги уже набекрень! И все чаще в голову лезут мысли, все чаще он делает выводы из прочитанного, все чаще он задумывался о том, что успел узнать. Это очень плохо. Раньше он мог проводить по десять часов в архиве и выходил оттуда с чувством гордости за собственную работу. Теперь — не так. Раньше, если он встречал по дороге домой машину с дипломатическим номером, усмехался — дескать, знаем, что вы за птицы! Теперь стал провожать эти машины долгим взглядом и в мозгах кто-то выключал звук. Пауза... Много читать действительно вредно. А если человек начинать думать — это становится еще и опасно. В первую очередь — для самого человека. Вчера Сергей хотел подойти к заместителю начальника управления и попроситься на прием (они встретились в коридоре), но смог только поздороваться. Струсил? Кто знает? Очевидно лишь то, что поиски Конрада заменили все, чем он жил до этого. Друзья и девки, с которыми отдыхал, товарищи по работе, которые вдруг стали его сторониться, как будто он заразный, даже Наталья, с ее долбаной придурью, перестала его интересоваться — по ночам вместо эрекции появилась головная боль! Сказал тут приятелю на днях: «Знаешь, кажется мы так запутались во всем, что конца этому уже не будет». Приятель — врач — посмотрел внимательно и ответил: «Шел бы ты на завод. Управлял бы там своей безопасностью и

крыша бы не ехала от этих всяких шпионов-империалистов, лазутчиков-американцев и прочих паскуд».

Конечно, на заводе проще: не выполнил план — враг, не пришел на собрание — враг, не участвуешь в жизни коллектива — не просто враг, а еще и враг-индивидуалист. В общем, в любом случае — сволочь.

В голове какой уже день мерещится Рио-де-Жанейро, где как известно, «все в белых штанах». Раньше, в детстве, смеялся над этим, а потом перестал, потому что жизнь занесла именно в Рио. Была всего одна командировка — в Бразилию — в самом начале работы в иностранном управлении, а потом все сломалось. Рухнуло, как карточный домик. Резидентом в тамошнем посольстве тогда был Николай Соколов. Приличный дядька — старый приятель отца Натальи — он и пристроил Трошин к себе на службу. Каких-то особых проблем с этим не было, потому что послужной список у Сергея чистый: во время войны СМЕРШ в Германии, потом Москва и все. Хороший немецкий и английский (это еще до войны — в школе проявлял необыкновенную тягу) привели его в НКВД — комсомольский секретарь посоветовал и дал рекомендацию. После службы в Германии, где ничем особым себя не проявил, по всем законам конторы должен был бы попасть в какой-нибудь Урюпинск — ловить расхитителей государственной собственности, но в Германии познакомился с Наташей (она работала переводчицей в штабе), приехали в Москву, поженились и приятель тестя взял к себе в ИНО.

Здесь и узнал, что по законам жанра, если во время работы за границей, ничем себя не проявил, сидеть тебя до пенсии в какой-нибудь глуши или засунут на завод, или в какое-нибудь учебное заведение — начальником первого отдела — наблюдать, бдеть и доносить. Таким образом, КГБ имеет отработанную систему, которая позволяет избавляться от офицеров разведки, оказавшихся малоспособными. И только если офицер хорошо себя зарекомендовал за рубежом, то его оставляют в Управлении внешней разведки. У начальника его — Соколова — вдруг нашли врожденный сифилис. Действительно, вел он себя в последнее время в посольстве очень странно — тормозил, что ли слегка. Посол на совещаниях не раз его спрашивал, в чем дело. Кажется только спустя восемь лет Сергей начал понимать — в чем было дело, почему вдруг генерал Соколов — резидент внешней разведки в Рио-де-Жанейро — начал пить, кидаться на коллег и говорить на самые скользкие темы. Просто сдали нервы (была видимо причина) у боевого генерала. Может сам сделал не те выводы, может, засомневался в чем, а, может, помогли ему задуматься — работа за границей полна всяких возможностей и искушений. Словом, врожденный сифилис и через двадцать четыре часа уже в Москве — в ведомственном госпитале. А дальше, как не пытался Трошин разузнать потом его судьбу, никто ничего не знает. Да и самому Сергею потом пришлось быстро собирать чемоданы: он готовился к худшему. Но, почему-то, по приезде в Москву его оставили в иностранном отделе, а позже еще и повысили в должности, хотя от оперативной работы отстранили. Он занимался новичками в МГБ и гражданами, которые хотят поступить на службу в разведку и контрразведку.

Вообще-то, советский гражданин обычно сам не обращается в разведку с просьбой принять его на службу. Разведслужба сама подбирает себе кадры. Чаще всего по рекомендации комсомола и партийных организаций. Бывает, конечно, и по-другому, и Сергей уже с этим сталкивался и сам. Посмотрит юный искатель приключений «Подвиг разведчика» и давай ломиться во все двери: хочу ловить врагов. Что с ним делать? Сергея как-то отправили на встречу с десятиклассниками: они его все пытали про погони, стрельбу, тайные шифры с явками, да про то, как узнать настоящего врага. Ну он возьми и ляпни: что бы понять, подходите ли вы для службы тайной и опасной, должны сначала найти хоть одного стоящего врага Родины, тогда, мол, и решим. Через неделю начальник отдела корреспонденции, встретив его в столовой, спросил, что он за историю придумал: какие-то сопляки один за другим приносили «секретные донесения» на его имя. Мол, давай, Серега, забирай все это — у нас своих бумаг мало что ли!

Шок, который испытал Трошин, когда начал читать эти донесения, был не шуточным: они писали доносы друг на друга! Вот так вот, просто, чтобы далеко не ходить: кто что говорит, кто как одевается, у кого из родителей какая зарплата, кто какую музыку слушает, анекдоты, шутки друзей...

Трошин сидел на бульваре. Жить хотелось — служить не хотелось. Первый раз в жизни не хотелось идти в подвал! Если бы кто-нибудь из этих стариков, которые играют в шахматы на соседней лавочке, знал бы, как ему хочется присоединиться к ним! Просто, потому что их партия обязательно скоро закончится и начнется новая, потому что они едят друг друга понарошку, потому что каждый из них имеет шанс отыграться, потому что никто из них по-настоящему не погибнет.

К черту! Тоже мне — Чацкий: «прислуживаться тошно». Хотя именно его нам ставили в пример, как предвестника бури и разрушителя прокисшего болота дореволюционного общества в России. Значит, это тем было прислуживаться тошно, а этим не только можно, но и должно. Трошин, ты — дурак. Пока не поздно, иди на работу, а то, знаешь ведь, вопросы: чего такой кислый? какие-нибудь проблемы? может, отдохнешь недельку? И в итоге отстранят к чертовой матери и все. Нетушки! Конрад, так Конрад. Пусть мысленно, но пора ехать в Южную Америку, потому что, кажется, у него начался период странной активности после еще более странной паузы с сорокового по сорок восьмой год!

Где был это человек восемь лет? Почему не выходил на связь? Он это или не он? Куча вопросов.

Новый резидент в Аргентине не имел никаких контактов с Конрадом и все попытки отыскать его следы ни к чему не приводили, пока в сорок восьмом Конрад сам не вышел на связь. С тех пор он несколько раз передавал не очень важные сведения для НКВД пока в этом, пятьдесят пятом году вдруг, как гром с ясного неба, не начал бомбардировать МГБ информацией о предстоящем кризисе в районе Суэцкого канала между Израилем и Египтом. Причем, как-то странно: сообщения носили форма отчетов о выполнении задания. Никаких документов относительно чего-либо подобного от руководства МГБ Конраду не поступало. Разве только он выполнял чью-то личную просьбу в обход МГБ? Но, это же

бред! Обойти МГБ невозможно. Берию, конечно, убрали, но ведь ничего не изменилось — сила инерции велика и еще очень долго будет тащить этот состав. Не в Берии дело. И без него было кому решать — ведь закопали же его! какой же он тогда всемогущий? Но не это главное — для Сергея сразу стала очевидной связь между Аргентиной, где ранее находился Конрад, и Египтом: и там, и там после войны создались крупнейшие в мире немецкие диаспоры, бежавших из Германии нацистов — это было известно всем разведкам мира. То, что Конрад возник в этом неожиданном для Москвы месте было вполне объяснимо его тесными контактами с немцами, но другое настораживало Трошин. Предположим, он узнал о резкой перемене политики Москвы по отношению к Израилю из официальной хроники, но как Москва так быстро вошла в тесный контакт с непримиримыми соперниками, если не с чьей-то помощью? А подготовка такого контакта должно быть санкционировано. Кто еще ведет игру с Западом мимо МГБ? Чей агент этот Конрад? Значит, он каким-то образом участвовал в подготовке контакта Москвы и арабских стран против Израиля. Но для подтверждения этой версии нет никаких оснований — не было никаких документов, вообще ничего не было целых восемь лет! И еще Сергей заметил одну странность: до сорокового года, когда исчез Конрад, в делах то и дело проскакивали фразы об операции «Донор 1», которая началась где-то в двадцатых годах. Незадолго же до своего исчезновения, в середине тридцатых, Конрад сообщал об удачном завершении операции «Донор 2». Что это была за операция Сергей пока понять не мог. Евреи или арабы? Или вообще, что-то другое? Кто — донор? Правда, в одном сообщении говорилось следующее: «Поздравьте, ребенок родился здоровым». Что, кто-то занимался интимными делами Конрада? Ни фига себе спецоперации!

Трошин решил параллельно просмотреть официальную хронику и закрытые документы в отношении Израиля. Во время дебатов в ООН в сорок седьмом году СССР поддерживал план раздела Палестины, ведущий к созданию еврейского государства. «Это решение, — говорил Андрей Громыко на Генеральной ассамблее ООН, — отвечает законным требованиям еврейского народа, сотни тысяч представителей которого все еще не имеют ни земли, ни дома». Создание Израиля рассматривалось в Москве как удар по британскому империализму на Ближнем Востоке, нанесенный прогрессивными евреями, в основном русского происхождения. Со стороны ООН это было встречено достаточно лояльно и даже с некоторым воодушевлением: жертвы еврейского народа во второй мировой войне уже были известны и производили ужасающее впечатление. Одним из консультантов Генерального Секретаря ООН по этому вопросу был известный ученый-немец, который во время войны делал все возможное во имя спасения представителей еврейского населения Германии и Австрии — доктор Йоганн Бойзен. Его доклад на ассамблее произвел взрыв эмоций. В докладе приводились такие факты и цифры, что присутствовавшим на его выступлении становилось просто физически плохо. Активное участие доктора Бойзена в создании еврейского государства Израиль трудно было переоценить. Правда источники сообщали о его тесном сотрудничестве с английской разведкой МИ-5, но как тогда можно оценить противодействие англичан созданию Израиля и участие в этом доктора Бойзена?

Странная игра. Нет, если предположить, что англичанам было выгодно иметь своего агента среди отцов-основателей Израиля.

Арабские атаки на сионистов в Москве считали отчаянным ответом реакционных феодальных правителей на возникновение нового прогрессивного режима. Советская дипломатическая поддержка и поставки оружия через Чехословакию во время их войны с арабами, были важнейшими факторами создания в мае сорок восьмого года государства Израиль. СССР хотел реально укрепиться на Средиземноморье и Израиль, в качестве оплаты за помощь, должен был сделать это. Сталин лично дал команду Первому главному управлению МГБ обеспечить союз Израиля с СССР. В это время на свет Божий появляется Конрад. Он сообщает о негативных тенденциях внутри самого Израиля по отношению к СССР, но никто, включая главу отдела Ближнего и Дальнего Востока полковника Андрея Отращенко, не воспринял тогда эту информацию всерьез. Все были в эйфории оттого, что дали пинок под зад англичанам и заняты созданием «любовного фронта» по заказу Сталина. Сотрудники отдела готовили в СССР эмигрантов в Израиль для работы советскими нелегалами, потому что эмиграция позволяла разрабатывать идеальных шпионов для работы внутри самого Израиля, а также против стран Запада.

Так или иначе, но сведения Конрада либо подтвердились, либо его деятельность дала результаты: с пятидесятого года отношение СССР к Израилю резко изменилось. Конрад все время сообщал о действиях Израиля по пути сближения с Западом и отходе от социалистических принципов. Его сообщения носили провокационный характер и пахивали английским душком, но ситуация внутри СССР косвенно подтверждала его сообщения. Слишком был велик энтузиазм советских евреев — многие собирались уезжать, что не могло понравиться руководству СССР. Агитация израильской дипломатической миссии переходила все оговоренные ранее рамки. Чтобы воспрепятствовать этому, внутри СССР даже была проведена такая кампания: «Никогда и ни при каких обстоятельствах советские евреи не поменяют свое социалистическое отечество на другую родину!» Сталин высказался более прямо: «Хорошим рабочим надо раздать дубинки, чтобы они выбили дурь из этих евреев до конца рабочего дня!» Не прошло и пяти лет после окончания страшной войны, еще пепел газовых камер не стал землей и запах не смешался с потом, а Советы продолжили игру, начатую нацистами.

Первое время, несмотря на кампанию против сионистов внутри страны, СССР поддерживал Израиль. Но представленные в ЦК внешней разведкой данные подтверждали растущие контакты Израиля с Западом и Кремль, из-за такого предательства евреев, переключился на поддержку арабов против Израиля. Как быстро все это произошло! Поверить в то, что поведение Израиля было внезапным — глупо. Не знали об этом в Москве или не хотели знать? Или все это — очередная удачная провокация? В течение двух лет поменять «друзей»: уйти от страны, которая почти на половину состоит из бывших сограждан, и перейти в лагерь арабов, которые и близко не лежат ни по менталитету, ни по своим взглядам и целям с СССР! Мало того: арабов всегда поддерживала Англия, против которой Москва последнее время боролась! Как это понять,

что два непримиримых соперника оказались по одну сторону, а по другую кто? США, что ли? Что это — желание поссорить Англию с США или это была попытка примирения с одним из бывших союзников по второй мировой войне? Так или иначе, но факт остается фактом — разведки всех этих стран замутили такую кашу, что правительствам стало не скучно.

Трошин отупел. Нет, правда! Через пять лет после войны СССР поддерживает Египет, где находится крупнейшая нацистская диаспора, против евреев, которых представители этой кучки беглых фашистов уничтожали. Ссора Сталина с Гитлером забыта? Сталин хочет начать все сначала? По всему выходит, что наша разведка работает под прямым руководством Великого Учителя. Вот еще Трошин наткнулся на отчет о собрании отдела Первого главного управления по Дальнему и Ближнему Востоку. Пояснение сотрудникам разведки, как надо относиться к слову «сионизм», уж больно похожему на слова «сталинизм» и «марксизм-ленинизм»: «...Упомянутый «изм» не соответствует «марксизму-ленинизму». Он сродни «троцкизму».

Опять! Вот оно: через десять лет Троцкий вышел из могилы. Сергей, не задумываясь, что делает, аккуратно заложил закладкой недочитанные материалы, сдал их сотруднику архива, которого вызвал звонком, и пошел к выходу. Очень хотелось пива: разливного, со слегка подсоленными сушками и очень не хотелось думать о том, что завтра с утра надо писать отчет о проведенной сегодня работе, о выводах, к которым он пришел. Если Сергей напишет о том, что он думает — это все равно, что самому себе написать приговор.

Вдруг шальная мысль как будто зазвенела в голове: «Мне надо ехать в Аргентину. На месте я все смогу довести до конца. Они же понимают, что кроме меня теперь никто не может найти Конрада. А я знаю, что он там. Зачем они меня выбрали? Почему тогда в сорок восьмом из Бразилии меня не выбросили на помойку, а оставили в деле? Теперь пришло мое время? Мне надо ехать. Обязательно надо ехать. Пора! Треснуть что ли водки?» Было немного свежо, но не холодно, а Сергея знобило.

20.

Ах, какая это страна — Аргентина! Этакий «Париж Южной Америки» — ленивый, прожорливый, циничный, чванливый, образованный, ненадежный, эмоциональный и расчетливый. Удивительные, милые, добрые люди, которым на вас глубоко наплевать — вы их заинтересуете, конечно, если у вас хороший счет. Но ровно настолько, пока у вас не кончатся деньги, а в долг здесь не дают. Здесь на слово не верят. А если вдруг у вас беда и вы захотите найти честного адвоката — поезжайте лучше в Грецию — там не так нагло обманывают. Везде все решают деньги, а в Аргентине все решают очень большие деньги, потому что маленькие заберут и вас не заметят. Но вы не обижайтесь — не пройдет и года, как вы сами станете таким же и на любую, самую простую, просьбу, перед тем как про нее

забыть, будете с улыбкой отвечать: «Маньяна! Приходите завтра!» В этом и есть прелесть Аргентины: все делается не со зла, а просто потому что — а кто вы такой, что бы мешать нам жить в свое удовольствие?

... Но только в Буэнос-Айресе в кафе «Идеал», что на углу Сипача и Коррьентес, когда во второй половине дня собираются портеньос и наблюдают за проходящей мимо жизнью, можно попробовать «большой чай» с пирожными, каких больше нет в мире. Говорят, что они пахнут молоком матери. Мне трудно с этим спорить — у меня не было матери. Только в Буэнос-Айресе паррильяс (заведения, где жарят мясо) больше похожи на храмы, чем на рестораны. Только в Буэнос-Айресе вы можете попробовать матамбре — это нечто вроде рулета, начиненного овощами и сваренными вкрутую яйцами, которое подается холодным, но только в качестве закуски! А потом вы обязательно должны попробовать паррильяда — это жаркое из самых разных больших кусков мяса с потрохами и сосисками для самых изысканных гурманов. Но только требуйте, чтобы мясо было югосо — с кровью и закажите у официанта салса чимичурри. Это приправа считается такой острой, что заказывая ее, вы можете услышать возглас уважения даже от самого официанта! И не забудьте бутылку вина из винодельни Наварро или Эскориела. После этого можете уходить и искать себе партнершу для танго. Только в Буэнос-Айресе вы будете танцевать танго, пока ваши ноги не сотрутся в кровь, потому что партнерша похожа на сгусток крови и тает в ваших объятиях. Только в Буэнос-Айресе на вас по-настоящему кровно обидятся, если вы вдруг поймаете чужую руку в своем кармане и попытаетесь вызвать полицию, которая к вам не поспешит. И только в Буэнос-Айресе вас убьют просто за то, что вас не знают, а значит — вы никому не нужны!

Вы заранее готовы любить их только за то, что в семнадцатом году человек по имени Карлос Гардель записал на пластинку первое танго «Mi Noche Triste». Вы любите танго, вы возбуждаетесь при звуках танго, так дай вам Бог любить его дома, а не соваться со своей любовью в Буэнос-Айрес!

Но мне всегда нравились эти люди, потому что ни у кого из них нет прошлого. Они никогда не спрашивают откуда ты пришел, потому что знают — это опасно. Опасно спрашивать и опасно знать, откуда и зачем пришел человек. Чтобы понять это надо читать Борхеса. Удивительная страна, которая непохожа ни на одну страну в Южной Америке. Ее населяют белые. Здесь нет черных и даже мулатов. Здесь свой рай построила белая нация. Здесь у всех жителей предки были разбойниками и преступниками. Я поселился здесь в сороковом — как будто и не уезжал из пока еще благополучной Германии Адольфа Гитлера! Правда, тогда меня еще называли не Дон Германн, а Антонио Сото.

...На углу, напротив здания Конгресса есть более роскошное, чем даже венские кафе, знаменитое кафе «Молино». Здесь уже очень давно собираются политики и журналисты. Здесь делаются слухи, которые уничтожают соперников, а соперники сидят рядом и пьют вино. Я частенько заходил сюда и приобретал новых друзей, которые берут деньги, не спрашивая — кто ты такой. Журналисты с удовольствием тиснут статейку только за то,

что ты щедр. Будь щедрым и люди к тебе потянутся. Плати за все: за их обед, за их женщин, за их совесть и за их честь. Потому что не все продается, но все можно купить.

Сначала я платил чиновникам и офицерам генерала Хосе Урибуру. Это был первый из длинной череды военных переворотов в Аргентине. Тогда пошла мода на военные перевороты. Люди, почему-то думают, что люди в погонах смогут их не только защитить, и накормить — вранье! Военные готовы идти в бой только если знают, что в казне есть деньги на их содержание, а в городах, куда приведут их грязные сапоги, много жратвы и девок. Солдат должен быть сыт, но нигде не говорится, что солдат должен сам думать — как бы накормить кроме себя и еще кого-нибудь!

Потом, когда в сорок третьем, после очередного переворота к власти пришла очередная кучка спасителей, и в сорок шестом, когда горячий почитатель Муссолини взошел на первый пост в государстве, я уже платил чиновникам и офицерам правительства генерала Хуана Доминго Перона и неврастеничкам из женского комитета Евы Дуарте. Я никогда и ничего у них не просил — я просто за них платил: всегда приятно создавать себе должников. Они начинают со временем мучаться от этого, а вы ничего не просите — пусть увязнут. Растите их жадность, лелейте их мерзкое самомнение, а когда придет время — используйте их без остатка. Они вам все отдадут, лишь бы вы исчезли. Но, берегитесь, не перейдите черту, за которой они начнут вас бояться и ненавидеть. У меня был небольшой текстильный бизнес, который давал мне возможность передвигаться по всей Южной Америке и Европе без ограничений и опасности вызвать вопросы в связи с частыми переездами, но, в основном, у меня были кое-какие дела в связи приездом многочисленных немецких семей. Немцы «простили» Маркса и просто свихнулись: все занимались защитой крестьян и рабочих и строили аргентинский социализм под руководством генерала на немецкий лад. А я подсуетился и создал несколько благотворительных фондов для приезжающих, чтобы помогать им на новой родине строить их светлое будущее.

Это было очень смешно, но очень доходно для меня, потому что приезжающие не были бедны: они везли с собой контейнеры, которые приходили морем. Самое смешное было в том, что эти контейнеры, набитые доверху всякими ценными вещами со всех стран мира, которые покорили армии вермахта, приходили в маленькие и большие порты побережья Аргентины на американских и английских военных кораблях. У меня же в друзьях-должниках (хотя свои долги здесь никто не признает — все считается подарком) было несколько чиновников порта и таможни. Я знал о каждом корабле самое главное: списки пассажиров. Что они там с собой везут не мог знать никто, но по бывшему положению мирного эмигранта-пассажира в СС, гестапо или вермахте можно понять главное — сколько он везет! Таможня только констатировала прибытие груза, а в графе «Есть ли запрещенный к ввозу товар — Да или Нет» всегда стояло — «Нет». Все товары классифицировались, как «товары народного потребления», которые и потребил избранный немецкий народ.

Я получал информацию, но ничего не брал, потому что каждое такое судно встречали крепкие ребята из местного управления полиции — очень похожие на сотрудников СС. Я

составлял картотеку, которая впоследствии мне помогла создать широкую сеть аукционов по продаже всяких безделушек в виде произведений искусства из Петергофа и Лувра. Участники этих аукционов сами отдавали некоторые свои вещи, чтобы не погореть. (Скажите, откуда в Аргентине, в домах немецких семей так много старинных безделушек и янтаря?) Но самое главное, что я делал — я составлял списки людей, которые обосновывались в Аргентине и продолжали жить как в Германии: широко, открыто, устраивая шикарные банкеты и приемы, гуляя по неделям, выдавая своих юных фрейлейн за своих же адъютантов. Правда, было одно отличие от происходящего ранее в Германии — все стали сеньорами — все в одночасье превратились в Мигелей, Хуанов и Карлосов. И даже между собой (что значит дисциплина!) никто не называл друг друга «герр».

Когда очень долго человек чувствует себя победителем, это становится ощущением банальным и обыденным и хочется каких-то перемен в своей жизни. Говорят, что жизнь можно улучшать до бесконечности — думаю, что это не так. Квартира, еще лучше квартира, дом, потом коттедж, потом вилла, еще больше вилла — что дальше? Дом на Капитолийском холме? Эйфелеву башню? Кремль? И человек уткнулся в стенку — это финал собственного благополучия. Тогда некоторые начинают заниматься благотворительностью. У людей это называется: вспомнить о Боге. Ха! Люди делятся деньгами вовсе не потому, что они вспомнили о Боге и не потому, что их заела совесть: сколько несчастных вокруг. Да плевать они хотели на несчастных. Их никто не любит. На самом же деле все очень просто: люди привыкли тратить деньги, привыкли все покупать. А когда настало время, что покупать нечего, потому что все есть, люди начинают тратить деньги на нищих. Они не покупают себе память в веках: никто о них не будет помнить. Ни один, поднявшийся за счет пожертвований, человек никогда не станет вспоминать, кто ему помог, потому что это стыдно — никто не хочет вспоминать, что не сам встал с колен! Просто люди привыкли тратить и занимаются благотворительностью из собственной привычки ежедневно тратить деньги. На одном приеме я сам слышал разговор двух уважаемых господ, которые мерялись величиной суммы взносов в благотворительные фонды, как если бы речь шла о яхтах: у кого яхта дороже. Им нравится выкинуть значительную сумму и при этом не пострадать финансово.

Но когда все хорошо — людям становится плохо, потому что скучно. Наиболее приличные уезжают в деревню и там проводят свои дни в покое и блаженстве: перестают ездить на шикарных авто (в деревне это просто не удобно), отпускают на волю девок, оплатив потерю их невинности (если она и была) сполна, и выращивают капусту. Но таких мало — большая часть сходит с ума от наркотиков и алкоголя, изводя свою физиологию до истощения всякими новомодными препаратами в целях поднятия женских тяжестей в виде грудей и задниц. Они не доживают до старости — они ее и не хотят, а ведь только в старости покой! Когда тебя уже не волнуют ни политика, ни курсы валют, ни бляди с подиума, ни костюмы от модных портных. Тебя волнует восход (как он красив!) и заход, который всегда может стать последним и поэтому кажется самым прекрасным в жизни. И я хочу такой старости, когда все оставят меня в покое, когда дети вырастут и уйдут в свои

дома, которые я постараюсь им помочь купить, если только у меня будут дети. Когда девки перестанут меня волновать и мне не захочется больше платить за их сомнительные услуги, шмотки, обеды, духи и косметику, которой становится все больше на их потасканных лицах. Когда я перестану все время чего-то хотеть и начну обладать тем, что есть вокруг меня: воздухом, водой, солнцем, дождем и травой. Когда правительства и шпионы станут только буквами на газете, которой я буду подтирать свое дерьмо — я стану самым счастливым человеком. Но до этого надо постараться дожить.

...Прибывающие бывшие господа фашисты уже не хотят быть господами. Они хотят быть жертвами и это затягивает! Жертва и жертвенность для них стали синонимами. Они хотят чувствовать себя жертвами на алтаре истории, а в крови у них только помыслы о всеобщем счастье, постигшем человечестве после ухода недоразумения по имени Гитлер. Им кажется, что если они выжили, значит они оказались правы, когда бросили своего фюрера на растерзание и способствовали всеобщей победе над неудавшимся художником. Им нравится, когда им напоминают о том, кем они были и кем они стали: благополучные, выжившие и сытые — они хотят, чтобы их мучили воспоминаниями. Это своего рода — мазохизм. Чувствуете, как смешно звучит: «Сеньор оберштурмфюрер!» А им не смешно — им приятно, когда (конечно, если не паскуда-журналист) кто-то вспоминает об их заслугах. Они цитируют наизусть Гете и Шиллера, книги которых сжигали на кострах. Они искренне верят в то, что кому-нибудь надо было бы очистить землю от евреев и высшей несправедливостью считают возникновение государства Израиль. Пусть проиграли, пусть побеждены, пусть в изгнании, но — Израиль?!

А я им и не возражал. Не нравится Израиль — пожалуйста, мне все равно — мне там не жить — там арабы близко, а они меня раздражают тем, что им можно иметь сорок жен, а мне только сорок любовниц (жены обходятся дешевле), а это — обидно! К сорок пятому году у меня уже была такая картотека на фрицев, что будущие дивиденды меня вполне устраивали. Тем более, что бизнес с приездом немцев на их новую родину, стал еще более успешным: статьи расходов резко сократились, а доходные статьи стали расти не по дням, а по часам. Дело в том, что за информацию я уже не платил — они сами совершенно бесплатно друг про друга такое рассказывали, чтобы представить своих соплеменников совершенными нацистскими демонами, что я только диву давался. Например: прихожу в дом на авенида де-Майо к сеньору Хуану Марии Эстебану (бывшему фон Мейеру) и предлагаю ему несколько историй из его недавней прошлой службы в пражском гестапо. Все красиво оформлено, с фотографиями повешенных, личными подписями и приказами, а также копией решения военного трибунала о его розыске. Сеньор Эстебан пугается, а я, чтобы завтра проснуться здоровым, заверяю его, что некие бывшие единомышленники хотят его смерти. Я отдаю ему все эти документы, но вижу как работают его мозги: он отходит от первого испуга и перестает видеть во мне шантажиста. Он лихорадочно пытается понять: кто из его знакомых хочет создать ему проблемы. Он рассказывает многое из того, чего нет в моих досье на этих людей. Он топит своих, а я ухожу его другом, который не хочет ему зла. Я не боюсь, что он расскажет им про меня — он уже слишком

много рассказал мне о них. Лично мне эти люди не нужны — я не вершу правосудие и меньше всего похож на судью. Но они нужны английской и американской разведкам, а мне нужны их безделушки, которые я выставлю на аукцион. Вернее, это они сами в счет взноса в благотворительный фонд, выставят их на мой аукцион. А я на эти деньги куплю очередную партию товара, выручку от которой вложу в предвыборную кампанию какого-нибудь парламентария, ну, скажем, в той же Австрии (то есть, куплю себе немного политики), проверну пару серьезных операций, а потом продам все это по сходной цене какой-нибудь разведке. Все ведь в жизни зависит от обстоятельств этой самой жизни!

Все мои мысли по поводу скорого моего визита в Аргентину сейчас, в пятьдесят пятом году, связаны не только с тем, что Моник наконец-то выдала обещанную информацию по «коллекционеру», у которого есть, вывезенные из Голландии, эскизы Рембрандта к «Ночному дозору». Я собираюсь посетить бывшие владения еще и потому что хочу пообщаться кое с кем по поводу проблем в Германии. Активность русских как-то спала и надо подкинуть им работы, а то они там, на Лубянке, совсем заснули после ухода Берии. Я ведь уезжая из Аргентины в пятидесятом (когда понял, что всему когда-нибудь приходит конец) в Нидерланды, купил пару гостиниц в самом центре Буэнос-Айреса на дорогой пешеходной улице Флорида через подставную фирму в Швейцарии, так что это вроде инспекции — как там мои гостиницы? Мне надо разбудить КГБ и заставить нервничать их нового резидента в Буэнос-Айресе.

А почему это в разведке так мало женщин? Я все-таки больше всего люблю работать с женщинами. Работать надо только с женщинами, потому что мужчины грубы, глупы и завистливы. Работать надо с женщинами, потому что кроме пользы ты испытываешь еще и удовольствие, а бывают случаи, что и удовлетворение. Если женщина с тобой спит, если она уверена, что ты ее любишь, если она считает тебя своим любовником (а многим дамам этого уже достаточно, чтобы перестать что-либо понимать вообще), щедрым на свой член и кошелек — она эту тайну будет хранить вечно и никогда тебя не продаст. Главное правило в этих играх: никогда не злите женщину! Когда она вам надоест, сделайте так, чтобы она вас бросила, тогда она всегда будет вас жалеть и любить, как бывшего любовника. А в этой категории взаимоотношений еще больше преимуществ, чем в прежней: не надо тратить физических сил (только финансовые) на ее надоевшие прелести. Женщине надо давать все, что она хочет и тогда, когда она хочет — после этого она будет делать то, что хотите вы. Хочешь — она будет шпионить, хочешь — будет предавать, хочешь (только из любви к тебе) — она будет спать с десятью самыми грязными мужиками на свете сразу. Сначала вы приручаете женщину, а потом вы ее используете, потому что она — жертва по своей натуре и это ей нравится. Но никогда не переоценивайте своих возможностей и, упаси вас Господь, недооценивать ее способностей. Один неверный шаг — она ваш враг, а это залог и гарантия вашей гибели. Агрессивнее женщин, хитрее, злопамятней и извращеннее только гиены. А так, это самое жестокое, но прекрасное животное на свете. Нацисты — дети по сравнению с женщиной! Потому что они поступали глупо, тупо и прямолинейно. Если бы Гитлер был женщиной, а в СС и гестапо руководили

тоже женщины — никто не справился бы с ними. Новые амазонки превратили бы в концлагерь для мужчин весь мир. Их бы не интересовало: евреи, китайцы, французы или славяне. Они оставляли бы в живых только самых сильных и способных к детопроизводству особей мужского пола. Господь хранил и этого не случилось.

Почему-то женщина считает, что если у нее между ног есть дырка, то там хранятся золото и алмазы. Они воистину считают, что задница, влагалище и две груди — главное, чем хочет обладать мужчина. А кто-нибудь спрашивал — может быть нам нравится одна большая грудь — и та посередине? Но, главное, чтобы женщина так думала — тогда она пойдет на любую низость. И они это понимают! Поэтому-то и хотят поскорее зацепиться за какого-нибудь придурка. А, став женой, понимают, что игре — конец и становятся стервами, потому что их уже имеют бесплатно. Поэтому я всегда пристраиваю своих девушек замуж к богатым, озабоченным и для меня интересным персонажам. Когда ты даришь ей покой от беспокойства за свое будущее и изредка с ней расслабляешься, а деньги она берет в другом месте (которое уже пригодно чаще всего только для ношения кошелька) — ты выполняешь две самые приятные функции авантюриста: пользуешься бесплатно и замужней дамой, что безопасно, и ее мужем.

...Я знал, что основные источники информации — жены самонадеянных, но испуганных нацистов. Но, Боже мой, как это трудно — быть обворожительным, когда от нее веет плесенью и потом. И потом, немки двигаются по постели, как солдаты на плацу: ать-два, левой-правой, вошел-вышел, начал-кончил, с трех — до трех тридцати и ни минутой раньше, потому что она должна кончить именно в три тридцать, что бы осталось ровно четыре двадцать до следующего совокупления! Я подговорил несколько таких теток создать «Женский комитет спасения нации и порядка», чтобы помочь своим мужчинам возродить новую Германию и великий дух Рейха, хотя бы временно и в Южной Америке. (Как они любят спасать свою нацию, забывая о своих задницах! Прямо, как русские!) Они думают, что в новой двойной Германии до них кому-то есть дело. В новой Германии есть дело до тех вещичек, которые они уперли через океан. Но, они правы и еще очень долго будут кормить и Германию, и Америку, и Европу доходами от этих картин и драгоценностей. Моя же задача — не упустить вою долю в этом дележе, чтобы участвовать в этой новой игре. Через неделю я еду в Аргентину. Новый русский резидент, где вы? Ау! Конрад едет к Вам прямо в руки.

21.

Будильник зазвонил ровно в семь часов в утра. Сегодня пятница и он должен увидеть Лауру. В голову ничего не лезло — никаких мыслей, кроме одной — сегодня вечером что-то должно произойти. Дастин встал, посмотрел в окно (чертова помойка), умылся,

побрился новой безопасной бритвой и поставил кофе. Решил поджарить два яйца с беконом, но сначала немного овсянки на голодный желудок. Больше всего на свете Дастин любил вот это время суток, независимо от того, какая за окном была погода. Быть уверенным в том, что каждое утро у тебя есть жареные яйца с беконом и кофе — разве это не удача? Разве есть на свете люди, которые не любят по утрам жареные яйца? Еще, конечно, свежевыжатый апельсиновый сок. К ним в Кембридж на стажировку как-то приезжала группа студентов из Нью-Йорка — тупицы, одно слово, тупицы. Они говорят на ломаном английском языке, утверждая, что Лондон основал Авраам Линкольн и все время требуют по утрам апельсиновый сок из маленьких пакетиков. Скажите, может быть натуральный сок из пакетов? Даже вода в пакете не может быть свежей, а старая вода, смешанная со старым соком похожа на ослиную мочу! «Похожа на ослиную мочу — хорошо сказал», — Дастин внимательно осматривал в зеркале свои зубы. «Вот крошечка застряла, а мы ее того — и съедем!» В колледже сосед по комнате ненавидел, когда Дастин по полчаса проводил у зеркала, осматривая свои зубы. Но Макдауэла это не волновало, потому что зубы — залог хорошей работы желудка. Только вот апельсиновый сок, продукт весьма полезный, но слегка желтит зубы. В колледже был очень плохой стоматолог, а Дастин взял себе за правило раз в неделю приходить на осмотр, чем вызывал глухую ненависть врача. Сначала Дастину нравилось ходить на осмотр зубов, а уже потом ему стало нравится ходить и смотреть с каким скрежетом доктор, стирая от злости свои собственные зубы в порошок, встречает каждое его появление в стоматологическом кабинете...

Вчера (уже поздно было) Дастин пошел наверх к старшему офицеру разведки Мередиту Кьюзу, чтобы подать отчет о встрече в ресторане с доктором Бойзенем. «Всегда надо помнить, что ты работаешь в чужой стране и, соответственно, не делать глупостей и все контролировать!» — этот совет одного из чиновников английского МИДа он запомнил на всю жизнь. Поэтому, как только добрался до посольства, проводив Лауру (какая же она все-таки потрясающая женщина!), Дастин сел в своей комнате и написал подробнейший отчет о встрече. Конечно, что уж тут греха таить, он все представил только в деловых тонах, да и про магнитофон упомянул вскользь, как о деле, возможно, полезном для работы, но не особенно значимом. Главное, на что делал упор Дастин — это установление доверительных и почти приятельских отношений с чиновником немецкого МИДа.

Кьюз Дастину не нравился — узкие, маленькие и какие-то хитрые, что ли, глаза. Лысоватый, высушенный, как стерлядь с Бристольского рыбного рынка. Руки все время что-то вертят: ручку, трубку, спички или, разговаривая с вами, он наматывает на пальцы телефонный шнур, словом, дерганный какой-то! Дастину, вообще-то, люди, которые его окружали, не очень нравились. Но это скорее плюс, чем минус, потому что доверять можно только самому себе и то в самых крайних обстоятельствах. Он действительно так думал или думал, что так думает. Но, нравится ему капитан Кьюз или нет, лучше будет, если Дастин ему будет нравиться — если такое вообще возможно! Дастин не знал, что в это же

самое время старший офицер Кьюз тоже думал о нем, правда, как человек, юноша его совершенно не интересовал.

Проблема была в другом: сегодня надо ехать к Лауре, а это вызывало у Дастина противоречивые ощущения. С одной стороны, она вызывающе хороша и, кажется, его ждет некое фантастическое продолжение их намечающегося романа. А, с другой стороны, Дастин не мог освободиться от мысли, что она, как все женщины мира, не сможет дать ему того, что он заслуживает. Он хотел всего и сразу. Как только могут хотеть амбициозные молодые люди: если женщин, то самых красивых, если денег, то самых больших, если любви, то космического масштаба. И такой любви, которая бы заполнила его без остатка, заняла бы все части его мозга, души и тела. Любовь, конечно, прекрасное чувство, но вот тут-то и таится загвоздка. Разве он достоин только любви? Разве только любовь могут испытывать к нему люди. То, что они должны ее испытывать — сомнений в этом никогда не было, но разве только это? А уважение? А преклонение, признание его личности, его будущих заслуг, его места в этой жизни? Любви Дастину всегда не хватало, но... Она ведет себя чересчур уж независимо, свысока, слегка вызывающе и очень откровенно! Так ведет себя, как будто дело уже решенное — он станет ее игрушкой! Ну, не вспылала же она к нему моментально бешеной любовью? Это-то он понимал. А его кто-нибудь спросил? Лаура принимает его неловкость за наивность и неопытность, а дело в его неуверенности. Неуверен Дастин в том, что это возможно — вот так вот, прыгнуть в постель к женщине, которую толком-то еще и не знает. Если уж говорить о женщинах, то ее служанка Дастину больше понравилась! Она какая-то — жесткая, что ли...И, вот этот черный пушок над верхней губой тоже говорит о многом! Даже руки у нее не холеные, как у Лауры, не мягкие, а крепкие и мускулистые тоже с едва заметным темным пушком. Черт! Дастин всегда гнал от себя эти мысли о милых и доступных служанках, потому что нельзя ему теперь — он все же дипломат Его Величества и если уж трахать кого, то повыше статусом в обществе. Положение обязывает! Хотя, ему всегда служанки больше нравились: незатейливые, простецкие, чаще всего без этих вот подпрыгиваний и ужимок, как на банкетах. Дастин всегда старался приударить за какой-нибудь простушкой из бара, правда, дело только желанием и оставалось. Что-то не складывалось. Не в том дело, что у него были какие-то физические проблемы — вовсе нет! Просто, ну не возбуждался, что ли... Еще с первых лет учебы в колледже Дастин с сокурсниками частенько ходил на студенческие пирушки: ну вы понимаете, пиво, стихи, политические трактаты и все такое. Девчонок они в свой круг не пускали. Правда были две очень странные леди, которые ходили только друг с другом, жили в одной комнате, слишком громко разговаривали, курили, пили пиво и участвовали во всех студенческих митингах, но парни только смеялись над ними, называя их «своими ребятами». Что это означало, Дастин даже и не задумывался, пока однажды не застал их, целующимися в одном из укромных уголков сада. Поначалу его это шокировало, но сосед по комнате объяснил ему, что так бывает — некоторых девушек вдруг начинает тянуть к другим девушкам и, что это явление сугубо медицинское. Словом,

Дастин понял, что они не вполне нормальные и стал относиться к ним, как к больным раком: с ужасом и неподдельным интересом.

Уже позднее, перед выпускными экзаменами, как-то в мужской туалетной комнате, преподаватель по биологии спросил Дастина, хочет ли тот поехать с ними на пикник в ближайшие выходные. Будут ребята, которых он знает, отдохнем, да и поговорим о предстоящем экзамене. Идея была привлекательная еще и потому что Макдауэл числился не в самых первых учениках класса по биологии.

Подошли выходные и они собрались, человек шесть или семь, в предместье Лондона в домике Ричарда Коула — профессора биологии. Было даже как-то странно: профессор, а такое внимание к своим ученикам. Пока ехали в поезде, успел перезнакомиться ребятами — из его группы был только один парень, да и с тем Дастин близко не был знаком. Смеялись над преподавателями, а ребята как-то странно на него посматривали — Дастину было первое время не очень уютно. Но потом все прошло, когда оказались у домика профессора, потянуло чем-то очень домашним. Профессор в вязаном свитере из пакистанской шерсти был в саду, пахло весной и жареным мясом, которое готовилось на углях. Сразу стало легко и он почти моментально сбросил с себя легкую неловкость. Дурачились и носились по саду, все смеялись, а когда профессор позвал в дом, уселись за большим овальным столом под бледно-розовым абажуром и принялись за еду.

Потом, у камина, под треск дров, долго разговаривали об учебе, политике, мировых новостях и новостях колледжа, а в камине готовился глинтвейн. После первого глотка стало совсем просто — профессор перестал быть опасностью: смеялся так заразительно над шутками юнцов, что Дастину захотелось посоревноваться в остроумии с остальными. С самого начала он больше молчал и то и дело ловил на себе взгляды мистера Коула, а позже ушло стеснение и Дастин впервые в жизни хохотал в голос над историями из жизни студентов, которые рассказывал профессор. За окном уже совсем не стало света, наступила ночь, но никто не обирался расходиться по своим комнатам, которые для всех приготовил мистер Коул. Одно время его с двумя ребятами не было, но потом они вернулись и принесли пирожные и несколько бутылок виски. В голове у Дастина уже вовсю гулял ветер: хорошая доза глинтвейна плюс еще старое шотландское виски — вот уж не думал парень, что все будет так хорошо! Профессор сидел рядом тоже изрядно захмелевший, но полностью контролирующий себя, как и подобает и педагогу, и джентльмену. Вдруг Джеймс, один из ребят, что уходили куда-то с профессором, и который теперь сидел слева на низком табурете, что-то такое выкрикнул и неловко вскинул руку с бокалом глинтвейна, и горячий напиток выплеснулся на белый шерстяной свитер Дастина. А все были нетрезвые и поэтому дружно захохотали, так что Дастин даже и не успел расстроиться. Только вот круги от красного вина на белом свитере расплзлись моментально и напиток обжег тело.

Давай, Дастин, снимай эту овечью шкуру, да побыстрее! — Профессор помог ему освободиться от намокшего свитера. Моментально все затихли. — Вот, парни, посмотрите, что делает с обыкновенным человеком спорт! — Восторг мистера Коула был

неподдельным. Да и чего сомневаться — Дастин был одним из лучших спортсменов в колледже и по крикету, и по борьбе.

Не смущайся, парень, здесь нет девиц, которые с визгом бы сейчас на тебя набросились! — Профессор смог как-то так это сказать, что Дастин и не почувствовал неловкости. У камина и так было жарко, да еще и спиртное сделало свое дело.

Эй, Дастин! А как с девицами-то. Кого-нибудь уже успел поддеть на свою штуку?

Давай, Дастин! Расскажи-ка нам про свои похождения!

Не жмись, парень, всем же хочется послушать, как они своими ручками шлифовали эту мраморную статую!

Ребята, ну чего вы пристали к человеку! — Мистер Коул уже вернулся из своей комнаты с чистой накрахмаленной рубашкой.

Что Вы, профессор, это очень дорогая рубашка! Я не могу ее надеть, а вдруг опять что-нибудь случится.

Правильно, Дастин, к черту одежду. Я виноват, значит мне тоже страдать. — Виновник инцидента Джеймс, который уже и на ногах-то не стоял, лежа стаскивал с себя свой свитер и принялся снимать бриджи. Поднялся вообще невообразимый хохот — все наблюдали, как Джеймс окончательно запутывается в штанинах и рукавах, пытаясь снять всю одежду одновременно!

Хотите вы этого или нет, но когда ваше тело упруго, когда ваши мышцы не висят, как побитые градом груши, когда живота нет, а вместо него — плоский и упругий щит, когда все смотрят на вас с нескрываемым восхищением — есть ли вам дело до того, одеты вы или нет! Пусть стесняется тот, кому есть чего стесняться. Не переживаете же вы в душевой комнате, что рядом с десятком голых парней!

Потом они пели песни и рука профессора лежала у Дастина на плече. Кто-то уже ушел в свою комнату, а кто-то перебрался подальше от огня и лежа на шелковых индийских подушках прямо на полу, курил. Профессор принес кальяны, которые привез из Египта, они разожгли угли и запах свежего яблочного табака наполнил комнату.

Послушайте, профессор, а правда, что они там что-то такое добавляют в табак? — хитро спросил один из ребят, — Вы случайно не захватили попробовать?

А кое-кому еще рано пробовать такие вещи.

Ну, мистер Коул, — стали канючить ребята, — ну один разочек.

...Мир стал понемногу исчезать. Наступил радостный покой и голоса доносились как будто издалека. Кто-то гладил Дастина по голове и вдруг он почувствовал невероятное возбуждение. С трудом приоткрыв глаза он увидел странное животное с десятью руками и десятью ногами. Оно лежало на полу и медленно извивалось. У него было очень много голов (или это были огромные глаза?), которые плавно покачивались, то куда-то исчезая, то вновь появляясь. Руки доставали до Дастина и гладили его тело — смотри-ка, а он был уже совсем без одежды! А ведь, как хорошо! И совсем не стыдно. Чей-то голос нашептывал что-то ласковое, но слов было не разобрать... Только будто кто-то очень нежный целует твои губы. И это длилось веками — время потеряло свое значение —

только чуткие прикосновения и восторг... Вдруг, что-то стало меняться: Дастину показалось, что он становится все больше и больше, а голоса уходили все дальше и дальше...И случилось большое счастье! Он почувствовал, что оно его переполняет и был открыт для всех...Он целовал чьи-то руки, а потом провалился в небытие...

Утром, когда Дастин открыл глаза, солнце уже светило через тюль в комнату и на душе было легко. Помнил ли он, что было вчера? Да, помнил. Все помнил. Всю жизнь он чувствовал, что он не такой, как все, но оказалось, что таких, как он не мало. Он почувствовал именно то, что ждал и чего боялся больше всего на свете. Все эти грязные разговоры сокурсников про дешевых девок в кустах и на лавках в Центральном парке были отвратительны! Любовь это не чувства двух животных друг к другу, а что-то большее! Это не ограничивается совокуплением, это не может быть просто механическим движением вперед-назад. Это не возникшее чувство вождения и похоти — это состояние души, когда плоть перестает существовать и телом становится сама душа. А стыд, о котором говорят проповедники низкопробной человеческой морали — это просто страх стать ближе к Богу. Это как любовь к Богу! Разве ее можно сравнить с любовью к человеку, разве это одно и тоже чувство? Это одно и тоже слово, но слова ничего не значат. Только древние знали, кто такой Бог, потому что они его любили, а не боялись, потому что они любили все то, что он создал, а не перестраивали мир по своему разумению. Он всегда в музеях любовался красотой их тела и лиц — они жили по-настоящему: создавали шедевры искусства, любили и умирали так, что об этом слагались песни!

Дастин вскочил с постели. Чувства переполняли его. Мелькнула мысль: все ли кто вчера приехал с ним, были там? Но он отогнал ее, оделся (на стуле у кровати висела его одежда: чистая и выглаженная!) и спустился по лестнице вниз. За большим столом сидели несколько ребят во главе с мистером Коулом, они смеялись и пили молоко со свежими булочками. На их лицах не было ничего, что могло бы смутить Дастина.

Привет, засоня!

Как почивало Ваше Высочество? — Ребята с радостными лицами повернулись к нему.

Иди к нам, Дастин! — Мистер Коул взял Дастина за руку и, обняв за плечи, посадил на свободный стул.

Ты как? Все в порядке? Как ты себя чувствуешь, Дастин? — Профессор смотрел на Дастина с нескрываемой нежностью.

Спасибо Вам, мистер Коул. Все было даже лучше, чем я думал.

Это правда?

Да.

Появилось между ними что-то тайное, что объединяло их теперь, что отличало их от серых обитателей Лондона. Они обладали чем-то особенным. Так думал Дастин. По дороге домой, в поезде, он спросил: «А вы часто ездили к профессору раньше?» «Да, почти каждые выходные». И он почувствовал укол ревности.

...Надо было звонить Лауре. Надо, но не хотелось. Он подошел к телефону и набрал номер.

Да. Алло.

Здравствуйте, миссис Дейч. Это Дастин. Как вы себя чувствуете?

Я ужасно спала. Что это вы вчера мне подмешали в бокал, негодный мальчишка? Не отнекивайтесь — я же видела, что вы все время мне что-то подливали! — Голос был не похож на то, о чем она говорила. Кажется, она знала, что она хочет, а как Дастину от этого увильнуть было не понятно.

Знаете, Лаура, я может быть сегодня не смогу приехать, потому что...

Даже не хочу этого слышать! — Оборвала она. — Я жду Вас к восьми часам. Мужа дома не будет. — Заговорщицки прошептала она последнюю фразу. — Милый, ну перестаньте. Вы хотите, чтобы дама Вас упрашивала? Ну, как Вам не стыдно?

Видите ли, — сделал последнюю попытку Дастин, — в посольстве так много дел, что...

А в мире так мало женщин, которые сами назначают свидание, — опять прервала она его, — что бойтесь отказывать! Женщины не прощают оскорблений!

Ну, что Вы, Лаура, я и не думал. Конечно, я буду к восьми. Уверен, что это будет прекрасный вечер. До скорого свидания!

Это будет потрясающий вечер. Такого вы еще не видели. Целую Вас, мой странный юноша.

Лаура повесила трубку и задумалась. Кажется аргентинский дядюшка был прав: мальчик-то — педик! Вот это номер! И что прикажете делать в такой ситуации? Она еще поначалу заметила что-то не то в его поведении. Не манеры, нет, а просто, что-то как стена не пускала ее к нему. Сначала казалось, что это неопытность, но потом, в ресторане, она заметила, что Йоганн как-то странно несколько раз посмотрел на Дастина. Ну, про доктора-то она все знала — всех его любовников пыталась ради спортивного интереса поиметь — а тут вдруг неподдельный интерес Бойзена. Сначала не обратила внимания, но, как говорится, рыбак рыбака видит издалека!

Она как раз писала письмо в Аргентину, которое обязательно должна завтра передать послу английского посольства на приеме: про магнитофон, про Дастина, про Бойзена и про английскую разведку: придется кое-что дописать и про племянничка. Расстроится дядюшка — «Донор-то» может и не расстаться со своей драгоценной спермой! Все может рухнуть. Господи, а уж как она старалась, чтобы этот идиот кончил прямо в ресторане! Что делать? Да и Бойзен по головке не погладит. А какое ему дело, кого мальчишка предпочитает? Нет. Никуда он не денется. Педик, говорите? Ну-ну. А мы ему такой спектакль закатим, что он и не поймет, как его трахнул!

Все в разведке имеет значение, даже погода, а когда планируются сверхсложные операции, любая случайность может сорвать их выполнение. Конрад был на пороге провала, тщательно продуманной в Москве, сложной и, пожалуй, самой длительной операции НКВД по внедрению сверхшпиона. И все только потому, что клиент оказался не той сексуальной ориентации!

Очень душно. К вечеру обязательно пойдет дождь. Сергей поехал в пивную на Таганку, где всегда чувствовал себя хорошо — там не встретишь знакомых и сослуживцев. Да и поесть там можно не торопясь и вполне вкусно: всегда есть харчо с хорошими кусочками баранины на косточке, не жидкость какая-нибудь невразумительная, а наваристый бульон с хорошо разварившимся рисом, овощами и восточными приправами. В Москве сейчас такого второго места не найдешь. Это недалеко от метро — перейдешь улицу, чуть спустишься вниз и вот, слева, за театром комедии, длинная лестница наверх, на второй этаж. Конечно, набивалось там народу прилично и попасть прямо так, с улицы, и не надейся (особенно вечером). Но Трошин знал пару серьезных и правильных слов, которые ему открывали многие двери. Там точно не встретишь знакомых — все сослуживцы обычно предпочитали всякие центровые рестораны: туда и телок можно сводить, чтоб потом, после шампанского с мороженым, легко можно было закадрить на ночь две-три штуки. Денег-то с таких мужиков не брали! У нас кредитных карточек при социализме, как в Америке, не будет, но удостоверение — лучше любой кредитной карточки — накормят, напоят, шлюх подсадят, да и на квартирку отвезут от греха подальше. Любому метрдотелю такие знакомства важнее любых денег — дела-то проворачивать надо, а тут тебе не менты какие-нибудь, а настоящие чекисты, которых даже мусора боятся, как огня!

Но для души Сергей изредка любил уединиться и хорошо посидеть один на один со своими мыслями, пивком (а потом, может быть, и с водочкой), хорошо покушать и чтобы без последствий в виде хохота и блядства. А слова, которые его пускали в эту пивную были не из словаря следователя — просто он знал шеф-повара, который в свое время работал в посольстве в Рио-де-Жанейро, где они и познакомились.

Сегодня у Трошина были две цели: поговорить с шефом пивной и серьезно подумать о том, что происходит вокруг него. Что касается второго, то как ни крути, а выводы о своем внутреннем расследовании он уже через два дня должен доложить на самый верх. Вопрос только в том, какие выводы он должен сделать? Должен он найти Конрада как нашего агента или как ихнего шпиона? Тут легко ошибиться, а ошибка может дорого стоить его собственной жизни. Вопрос не о карьере стоит — о жизни! Слава Богу, уже не тридцать седьмой и даже не пятьдесят третий — все как-то поутихло, поутряслось и всех подряд уже не стреляют. Но это, в общем, а внутри — в конторе — законы ведь не меняются. Если не будет шпионов, что тогда будут делать десятки тысяч сотрудников госбезопасности?

Вазген Долуханов был мужиком своеобразным. Единственный сын грузинки и армянина, он удачно миновал все перипетии сложной советской жизни и как-то постоянно устраивался при кормушке. Готовил он отменно, поэтому его любили все начальники, но что он был за человек ответить вряд ли кто-нибудь смог. Закрытый был мужик. Работал в столовке высших правительственных чинов в Кремле. Готовил Сталину и Берию. Умел так завертеть всякие грузинские блюда, что и тот, и другой просто пальчики облизывали.

Сталин как-то обмолвился: «Вот ведь человек: делает свое дело так, что и сменить его невозможно». Вождь лукавил, конечно, не любил он, чтобы был человек незаменим, но это, может быть, не распространялось на кухню. Словом, проверенный был человек со всех сторон и неприкасаемый. Его, разумеется, сменили, чтобы не расслаблялся, и он поехал в наше посольство в Бразилию, но ходили слухи, что его вызывал сам Сталин и предлагал на выбор возглавить любой ресторан в Москве или выбрать себе любую страну. Вазген выбрал Бразилию. Он потом говорил Сергею, что просто темненьких любит. А уж до баб он был охоч — это точно! Когда все это случилось в стране и не стало ни того, ни другого, Вазген и тут не пропал: дали ему пивную на Таганке и никогда не тревожили с всякими проверками — откуда мясо, почему, почем и сколько. Говорю же, любили пожрать начальники, а Вазген в свободное от творчества время всегда был готов обеспечить любые посиделки, но только не у себя. Творил он, как художник, а пивная была его мастерской, куда приходили простые люди — начальники (по уговору с ним) сюда не приезжали. Связи его были очень сильными — Вазген мог многое, но тайн своих никому не открывал и именами не бравировал. Правда, одно имя повторять любил. Так и говорил: «Я, дорогой, могу дать тебе покушать то, что кушал Иосиф Виссарионович, и тебе понравится, и ты будешь меня благодарить и вспоминать, чем тебя угощал Вазген. Но! Ты, дорогой, никогда не узнаешь, что ты кушал, потому что я этого даже Сталину не говорил».

Трошин зашел внутрь и шепнул красивому кавказцу за стойкой, чтоб сказал Вазгену: пришел, мол, Сергей. Тогда, в Рио, Сергей был человеком маленьким, но, почему-то, понравился Долухану (как все его называли). Парень через каких-нибудь секунд тридцать вернулся и попросил зайти на кухню. Вазген выговаривал молодому повару:

Ты, дорогой, кладешь туда листочек лаврушки и думаешь, что ты уже нашел секрет. Ты два, три, десять готов туда положить. Ты даже готов туда веник положить, потому что тебе все равно, кто это будет кушать. Ты, дорогой, убил, барашка второй раз. Ты, по сравнению с мясником, настоящий убийца, потому что мясо испортил, человеку отдых испортил и мне настроение испортил. А если у меня нет настроения, то я гуляю по парку отдыха имени писателя товарища Максима Горького, нюхаю природу и там ищу свое настроение. Но я никогда не прихожу сюда, чтобы в этом котле сварить остатки моей совести и дать это покушать человеку, который пришел ко мне отдохнуть, как в парке, только лучше! Он покушает, а потом идет гулять и ему хорошо, и жене его хорошо, и детям его хорошо, и он тебя любит, как брата, потому что ты сделал ему хорошо! Знаешь, что ты сделал? Ты сварил мое сердце с этим лавровым листом! Чем теперь пахнет этот котел? Кто тебе сказал, что надо все везде пихать? Какие рецепты? Какие книжки? Я — твой рецепт и я — твоя книжка! Не хочу тебя видеть! Уходи, дорогой, скажи своим родителям, что ты отравил дядю Вазгена и он тебя больше не любит! Где ты видел одинаковых барашков? Почему ты думаешь, что каждый раз все надо делать одинаково? Ты понюхал мясо? И чем оно пахнет? Ах, бараниной! Ты, дорогой, сам баран! Уходи с моих глаз. Я сейчас буду очень сердиться!

Это могло продолжаться вечно, потому что парень наступил на самое больное место Вазгена — решил с ним поспорить. Спорить с Долуханом по поводу блюд — это нажить себе врага на всю жизнь!

Э-э! Здравствуй, дорогой! Давно тебя не было! Забыл Вазгена? Нехорошо, дорогой, плохо. Друзья не должны забывать друг друга. — Долухан увидел Сергея и сразу его лицо потеплело. — Давай, дорогой, проходи ко мне в кабинет — сейчас будем кушать. Ты как мне вчера позвонил, я сразу же подумал: Вах! Что-то серьезное случилось! Здорова ли Наталья?

Да все хорошо, Вазгенчик. Все правда хорошо. Наташа тебе привет передает.

Эй! Зачем врешь? Какой привет? Ты посмотри на себя! Ты когда последний раз рубашку менял? Где ты ходишь? Почему не спишь, не кушаешь, как подобает настоящему человеку? Зачем хочешь обмануть старого Вазгена? — Лицо его и вправду стало расстроенным.

Слушай, Вазген. Тебе бы в нашей конторе служить, а не харчо-марчо варить!

Это ты зря! — Брови Долухана насупились. — Я знаешь сколько таких, как ты видел? Тысячи! Может быть даже много тысяч! Что мне твои разведчики? Я сам себе разведчик! Хорошее блюдо может мир спасти — это я тебе говорю! Покушает человек вкусно и не пойдет чужое брать. А зачем от своего отказываться, постель свою теплую на грязь менять? Уют — он создается своими руками, а вы все норовите чужими добро приобрести!

Ладно, Вазген, ты прав. Только дело у меня к тебе есть. Серьезное дело. Помочь сможешь?

Сначала покушаем, потом о делах потолкуем. Почему другу не помочь, если желание будет. Всегда можно помочь, если есть на это желание. Желание будет — будут и возможности. Давай, вот попробуй лобио — сам делал. Кушай, давай овощи — вся мужская сила в них. Сегодня обойдешься без своей водки — не с чем ее пить — вот вина давай попробуй. Хорошее вино — домашнее из Тбилиси. Пока мясо готовится — можно поговорить: я ведь ждал тебя.

Дело я одно тут делаю. Дело не простое, но один до конца, думаю, не справлюсь. К начальству за помощью обращаться не могу, сам понимаешь, у нас все не просто. Ты же многих знаешь в Южной Америке — думаю мне туда придется ехать — с кем мне поговорить, но так, чтобы человек был правильный, надежный и не задавал лишних вопросов. Понимаешь меня?

Да как тебя понять, коли ты ничего не говоришь? Крутишь, дорогой, вертишь, Вазгену не веришь! Что ты хочешь? Я, что, телеграмму должен дать в Южную Америку: Эй! Приедет шпион из НКВД...

Из МГБ, Вазген, уже из МГБ.

А-а! За вами не угонишься! Так вот: приедет, говорю, шпион, он хороший. Вы его полюбите и все ему расскажите. Так, что ли? Так дела не делают, дорогой! Ты толком расскажи: кто тебе нужен, куда едешь, в какую страну, в какой город. А то, сидит, не кушает, обижает! Зачем пришел?

Ладно. Извини. Скорее всего в Уругвай. В консульство — месяца на три или четыре, не больше. А человек мне нужен в Аргентине. Ищу я одного человека. Станный этот человек, Вазгенчик, то он есть, то его нет. Voi и поручили мне его найти. Он там давно — лет уже, наверное, двадцать обитает. Да и сейчас, скорее всего, там. Наш он человек, Вазген. Только вот жив он или нет — не знают. Нужен мне кто-то, кто с нашими людьми не работал никогда, чтобы не испугался. И чтобы не патриот там какой-нибудь, а то им мы все еще с ледорубами мерещимся! Не хочу пользоваться нашими связями, чтобы случайно не наследить и жизнь кому-нибудь не испортить. Поможешь? Ты ведь, кажется, в Аргентине бывал? Тебя ведь забыть невозможно. Может, дашь рекомендацию?

Лесть, это хорошее оружие, дорогой, но только если ты коня или женщину приручить хочешь. Это они верят каждому слову сначала. А я на коня уже не похож. Хочешь, чтобы я тебе хорошего человека информатором сделал? Чтобы мне потом стыдно стало? В нехорошую игру ты играешь, дорогой, в нехорошую. В тайне от начальства решил поиграть? Плохо это пахнет, Сергей дорогой, плохо. Тебе это зачем надо? Звездочки зарабатываешь? Смотри, чем больше звезд поймаешь, тем жить опаснее станет. Звезды — они на небе должны быть, а не на плечах! На плечах голова должна быть. Зачем тебе это все?

Очень надо, Вазген. Очень. Вот у тебя, когда мясо хорошее сгорает на сильном огне, чем пахнет?

Падалью пахнет, дорогой, дерьмом...

Вот и у меня сейчас так. Именно этим и запахло. Ты извини, что я к тебе не просто так пришел, а с проблемами, но, поверь, очень надо.

Правильно сделал, что пришел. Если бы тогда, в Рио, ты мне не помог, не поддержал, а остался бы в стороне вместе с другими, я бы тобой сейчас и разговаривать не стал и вина моего не предложил. Но ты тогда мне помог — выручил и я голову сохранил...

Не в этом дело, Вазген, я не за долгом пришел...

Ты погоди. Не торопись. Я свои долги знаю и отдаю. Не в долгах дело. Я вот тебе сейчас спрошу: ты все это сам придумал, ко мне придти, или кто посоветовал?

Никто не советовал. Никто про это не знает.

Э-э, дорогой! Кому ты это говоришь? Тут сидят каждый день ребятки, которые про все это пишут вашим начальникам. Но я не этого боюсь...Краем уха слышал, что уходят у вас люди туда, за кордон...Ты, часом, дорогой, не сломался? Не испугался чего? Что-то выглядишь усталым.

Нет сегодня этих ребят, Вазген, сегодня нету. Убрал я их сегодня. Часа через полтора подойдут. А насчет — уйти...Нет. Задачку решить не могу и посоветоваться не с кем.

Ну, это тебе решать, что делать, а помочь я тебе обязан, даже если бы и не хотел. Запомни, дорогой, отель «Кларидж» на улице Тукуман 535 в Буэнос-Айресе. Найдешь шеф-повара, скажешь, что от меня. Хороший парень — многих видел, много слышал, многих знает, потому что повар отменный. Не бросает охапками лавровый лист в бараний бульон, рецептов дурацких не читает во всяких там поваренных книжках! Но, только

помни, дорогой, я тебе сказал, а ты поступай, как знаешь, но Вазгена не позорь. Плохое что сделаешь, найду и зарежу, как тупого барана и накормлю этого пакостника.

Ты кого имеешь ввиду? Этого мальчишку, которого ругал, когда я пришел?

Я ругал? Да его надо было убить по-настоящему! Я ругал! Я его спас! Я его просто выгнал, чтобы не портил людям аппетит. Слушай, Сергей! Ты когда поедешь, зайди ко мне — передам Хосе Антонио подарок, чтобы не с пустыми руками ехал. А если его в отеле не найдешь — поезжай на Авенида Либертадор дом 1851 — это его собственный дом.

А ты уверен, что он все еще там живет и работает, Вазген? Лет-то сколько прошло?

Лет, говоришь, сколько прошло? Да нисколько, дорогой! Ты что у меня один такой любитель Южной Америки приходишь? Разные люди приходят, о разном просят, а Вазген всех слушает и некоторым помогает! Так что, кушай дорогой, и иди с Богом. А перед отъездом — зайди, не забудь, а то обижусь! А ребятам своим скажи, что они и их услуги Вазгену не нужны — пусть платят за еду. Еще раз уйдут, не оплатив счет, я их с лестницы спущу!

Спасибо тебе, Долухан, скажу. И за помощь спасибо — не подведу. А с меня деньги возьмешь?

А как же! Иди в зал и заплати в кассу, как положено! Шучу, дорогой! Ты сегодня мой гость — вот только кушал ты плохо. Перед отъездом зайди — накормлю. Прощай.

Трошин вышел в зал и направился к выходу. Сегодня была среда, а в пятницу ему должны были дать ответ по поездке. Он сегодня утром, как пришел, сразу написал служебный рапорт на имя начальника Иностранного Управления МГБ с просьбой в целях дальнейшего проведения дела Конрада в Аргентине направить его в служебную командировку в Уругвай, в Монтевидео. Так как до Аргентины только пересечь Ла Плата — это как раз подходило. Всех, кто попадает в Аргентину через океан ждут слишком внимательные агенты секретной службы Аргентины, оставшиеся после генерала Перона.

Мысли, которые роились в голове у Сергея нельзя было назвать патриотическими. Похоже, он решил взять себе билет в один конец, потому что такой случай выпадает только раз в жизни! Он слишком давно работал в НКВД, чтобы не знать, что ему может грозить в случае, если наверху решат, что он слишком много узнал. Примеров тому на его глазах — масса. Трошин решил поиграть в свою игру и с Конрадом (если он существует) и со своим руководством. Если все пройдет гладко и Конрад — наш, ему может быть ничего и не грозит, а если он — не наш и подтвердятся самые наихудшие предположения Сергея и он проникнет туда, куда простым смертным ход воспрещен? В любом случае, все надо решать там, на месте. С другой стороны, почему наихудшие предположения? Может быть это шанс в жизни? «По крайней мере, хоть пару месяцев отдохну от этой стервы! Вчера опять пришлось выслушивать, какая я гнида. И от кого, от этой штабной подстилки. Думает, я не знаю, каким местом она служила в Германии?» — Сергей ехал в метро до своей станции. «Ну, почему, так? Почему в какой-то нищей Бразилии все девки как на подбор: подтянутые, красивые, веселые, хоть и такие же дешевые, как наши? Вот, если этих теток с сумками выпустить на пляж Копакабана — все мужское население от ужаса

пойдет и утопится по собственному желанию!» Что-то щелкнуло в голове у Сергея — он уже не мог оставаться тем, кем был еще месяц назад — Конрад перешел дорогу.

23.

Сейчас уже все не так. Мир катится к черту! Раньше за доллар можно было напиться в баре, да еще и набить морду бармену, а сейчас? Где она — хваленая американская демократия? Все, что осталось — четвертая поправка! Да она мне нужна, как коню телевизор! Дон, зачем мне четвертая поправка, если я при виде копа до сих пор капаю в штаны, а он в свою очередь пускает слюни от жадности? Что же произошло? Раньше копы были послушными и делали, что им велят. Чертова война что ли их изменила? Храбрости набрались? Раньше полицейский приходил ко мне домой, спрашивал, как мои дела, волновался за моих детей, потому что понимал — если с ними что-нибудь случится по дороге из школы домой — его собственные жена и дети захлебнутся в его собственной блевотине. Если мой мальчик попадет в дурную компанию — копу будет плохо. Я платил офицеру не за то что он защищает закон, а за то чтобы он защищал моих детей от этого проклятого общества и его законов! А сейчас он поучает меня и моих детей. Я сам научу своего Филиппо трахать девок, играть на бирже и уважать мать. Я сам научу своего сына затягивать петлю на шее врага и размазывать его мозги по стенам, как на этих бездарных картинах модных педиков-абстракционистов. Или я что-нибудь не понимаю в живописи? Но, если я увижу, что мой мальчик нюхает кокаин или, Пресвятая Дева Мария, мои дочери держат в руках сигарету...! Я убью этого тупого недоноска-полицейского, за то что он не уследил за моими детьми! Я плачу ему пятьдесят долларов в день — это огромные деньги, Дон, ну ты же знаешь, а моя младшая дочь вчера пришла домой почти в десять часов вечера! Где она шлялась — эта маленькая дрянь? А? Но эта толстобрюхая задница, этот внебрачный сын шакала и проститутки, этот кусок дерьма заявляет мне, что не может быть нянькой для всех детей Чикаго! За что я плачу ему, Дон? За то что для него дети Маркезе все равно, что грязные банковские чеки? Или я похож на черномазого, я похож на этого пустозвона — Мартина Лютера Кинга, что моих детей можно спутать с их немытым отродьем? Президент Эйзенхауэр платит своим гражданам один доллар в час, а я плачу копам в пять раз больше, так кого они должны защищать?

Мои дочери должны научиться готовить спагетти, уважать мужа, молчать и не жаловаться на судьбу. Мои дочери должны уметь держать в руках не сигарету, а член своего мужа — вот, что должны уметь мои дочери, как все приличные итальянские жены! Ну ты же знаешь, Дон: если бы я тебя не уважал, как своего родственника, я бы не говорил с тобой так! Ты знаешь моих детей с самого рождения — где справедливость? Почему я должен плохо спать по ночам? Я работаю сутками, у моих детей есть все необходимое,

жена здорова, родственники сыты — почему я должен нервничать по пустякам? У меня же давление!

Подожди, Витторио. Что ты хочешь сказать? Что ты застрелил копа только за то, что твоя дочь начала курить?

Дон, ты умный человек, но ты — глуп, как пробка, потому что итальянец только наполовину! Я не убивал никакого копа — он сам подох, как последняя скотина! Пришел домой, снял со своей толстой задницы штаны, сел в ванну, стукнулся головой и умер.

Ну, да. И сам себе поставил синяк на пол лица и передал себе аорту...

Я же говорю — подох, как голая, жирная и тупая скотина.

Витторио! Дети всегда готовят родителям всякие неприятности. Мы никогда не поймем их, потому что мы с тобой представляем себе жизнь совсем по-другому, чем они. Ну, что ты хочешь? Они уже взрослые и перестань водить их на поводке. Скажи лучше — как Мария? Она опять ждет ребенка?

Это я жду ребенка, а она, кажется, ждет целый выводок, потому что ест с утра до ночи и уже не пройдет в гараж, даже если я открою ей ворота вместо двери! Этот проклятый доктор ничего не может сказать. Он уже, наверное, обклеивают моими чеками свой сортир, а что толку? Я спрашиваю: мальчик или девочка? А он смотрят на меня, своими круглыми и масляными глазками, как обожравшаяся крыса и отвечает: «Как мы можем Вам сказать, мистер Маркеше, кто у Вас родиться? Наука так далеко не заглядывает!» Я знаю, куда заглядывает его наука! Она заглядывает между ног моей жены каждый понедельник!

Эй! Ты хочешь сказать, что твой доктор тоже собирается стукнуться в ванне головой? Перестань, откуда ему знать — он же не Господь Бог! Все образуется. Когда срок?

Через месяц или раньше, или позже. Откуда я-то знаю? Мария ест, скулит или пилит меня. Я спрашиваю: «Как ты думаешь, когда ты родишь?» А она: «Я знаю, почему ты все время меня спрашиваешь! Я тебе надоела со своим животом! Ты к своим девкам бегаешь, потому что они плоские. Ты меня больше не любишь!» И так далее. Ну разве это жизнь, Дон? Еще и ее мать достает: «Почему у Марии красные глаза? Почему она плачет?» Откуда я знаю, почему? Потому что у нее уже помидоры вместо глаз! Вот почему! Нечего столько жрать пиццы!

Ладно тебе. Она кормит твоего будущего ребенка, что он первый у тебя, что ли?

Да раньше так не было! Она рожала, а я даже и не замечал. Видел, только что она — то вроде худая, то вроде толстая. Когда мне замечать? Столько проблем! Ты-то когда наконец женишься? Что ж ты все по шлюхам таскаешься? Не стыдно тебе? Пора и дом завести, жену подобрать — у Винченцо Терези вон дочка на выданье. Такая я тебе скажу королева! Леонардо да Винчи умер бы от зависти при виде такой красоты!

Не время еще, Витторио, не время. Скажи, что в Чикаго? Как наши друзья на телевидении?

Зачем тебе это телевидение, Дон? Все в полном порядке. Или у тебя есть сомнения? Все твои деньги в полном порядке — мы делаем из твоего доллара уже десять каждый день! Только меня скоро стошнит от этих политиков. И зачем их только мамы рожали? Они, как

обезьяны в клетке, прыгают по этому ящику и мелют, что не попадя. Сенаторы глотки готовы рвать друг другу, чтобы залезть в него. У нас уже не осталось времени, чтобы продавать им. Расширяемся — ты же знаешь!

Вот-вот, Витторио. Именно поэтому оно нужно не мне, а нам. Пусть рвут свои глотки, думая, что они кому-то интересны, а мы будем давать им эту возможность — красоваться своими надутыми щеками на весь мир и говорить то, что надо нам. Ведь, если что-то сказали по телевизору, люди думают, что это правда, Витторио. Люди верят телевизору больше, чем радио или газетам. Людям кажется, что они могут хорошо разбираться в физиономиях, поэтому им важно не слышать, а видеть. А если это так, то зачем тогда тебе платить твоим копам?.. Вот зрители и пойдут тебя защищать — ты только свисти. Сколько мы уже людей протащили в правительство и вытащили из дерьма при помощи этого самого глупого ящика?..

Когда с середины пятидесятых годов в Америке началась регулярное телевидение и Эн-би-си сделала цикл первых передач со Стивом Алленом «Сегодня вечером» и передачу «Лицом к нации», я понял: вот оно! Это вам не газеты, которые еще надо уметь читать и разбирать буковки. Это залезет в кишки и мозги каждому человеку. От этого монстра, под названием телевизор, уже будет не оторвать людей. Сила влияния телевидения такая, что когда в январе пятьдесят третьего года на всю Америку впервые была показана инаугурация Дуайта Эйзенхауэра, а в этом, пятьдесят пятом, впервые показали заседание правительства США, люди просто рехнулись от любви к политикам. Они не думали, что говорят эти люди. Они не слышали, что говорят эти продажные сенаторы — они разбирали по косточкам, кто как выглядит, кто как причесан, у кого какая фигура и походка. Они готовы были любить первого попавшегося придурка только за то, что его показывают по телевизору, что у него красивый костюм, что он складно говорит. Продажи телевизионных приемников подскочили до небес. И я настаивал, что бы мои друзья из итальянских семей вкладывали деньги в этот бизнес. Они сначала крутили-вертели и все никак не хотели расставаться со своими долларами, пока я не заставил их поверить, что телевизионные новости дадут им больше безопасности, чем любые купленные копы и судьи. Много дешевле купить общественное мнение оптом, чем покупать души в розницу! Когда люди видят тебя по телевизору — им кажется, что ты ангел, сошедший небес, что ты непорочнее Девы Марии и чище серебряного доллара! Им можно впихнуть в их куриные мозги, залепленные поп корном, гамбургерами и кока-колой, любую информацию. Можно заставить пить пиво, которое пахнет мочой, потому что его пьет какой-нибудь идиот из любимого телесериала, которые стали делать в бешеном количестве. Можно заставить толпы безмозглых тупиц думать, как и что тебе надо и эти ослы будут считать, что это их собственные мысли, которых у них отродясь не было. Я заставлял макаронников платить огромные деньги за создание новостей, делать свои телекомпании и сажать своих шлюх читать о событиях в стране. Самое смешное, что в этом был решающий фактор для любвеобильных соплеменников. Ни одна жена в мире не поверит, что та, которая берет интервью по телевизору у президента, берет в рот у ее мужа! (А если и поверит, то будет

только гордиться, какой у нее знаменитый и неотразимый муж, и даже поделиться такой новостью с соседками, которые, в свою очередь, станут завидовать!) Конечно, мне было проще раскрутить семьи на эти дела, потому что все-таки хоть и на половину, но я был — итальянцем. Правда, они и сами скоро поняли, что телевидение — это не только хороший бизнес, но и спокойный сон. Они и сами стали появляться по телевизору, становились почтенными гражданами своей страны, которую они имели, как хотели. Правда и то, что, конечно, со временем это долбанет и их, и вокруг этого ящика начнется настоящая война. Но, это будет потом, а пока мне надо только то, что решает мои вопросы сегодня, потому что до завтра надо еще дожить...

Дон, ситуация с бухгалтерскими операциями становится очень сложной. Боссы недовольны тем, в какие сроки прокучиваются деньги через наши компании в Америке и Швейцарии. Налоговая полиция Штатов совсем обнаглела — они влезают через своих людей во все наши дырки — они переступают через все наши договоренности. Женщины, сигареты, игровые автоматы — мы честно отдавали их десять процентов от всех видов нашего бизнеса, но они захотели двадцать, потом тридцать, а сейчас говорят что нам делать и чего не делать! Нам становится трудно держать бизнес. Но, если бы только это — спецслужбы вместе с копами подписали какие-то там секретные договоренности с другими странами и нам становиться трудно уходить от них. В Швейцарии уже небезопасно, поэтому семьи решили искать новые склады для наших общих средств. У тебя по-прежнему счета в Женеве?

Витторио!!

Извини, извини, Дон. Ты же знаешь, что случайно становится известно о многом. Ты только не обижайся. Дело в том, что семьи хотят просить тебя провести переговоры с колумбийцами о некоторых совместных действиях. Может быть, имеет смысл перенести финансовый центр в Южную Америку. Там ведь с полицией намного проще договориться?

Что ты имеешь в виду?

Дон, только по секрету. Есть у нас одна тварь, которая работает на колумбийский картель, а спит с нашим парнем. Вот она и нашептала, что ее латиносы скоро полезут в Европу. Это сулит большие дивиденды. Наши старики скоро поймут, что мораль устарела: за наркотиками будущее — нельзя же оставаться в стороне! Конечно, мы от Европы далеко и вроде бы это не наше дело, но, ты же понимаешь, сегодня не наше, а завтра... Ты вроде бы знаком с кем-то из них?

Витторио, мало ли на свете людей, которые знают нас и которых знаем мы?

Ходят слухи, что ты, Дон, неплохо разбираешься в наркоте. Если это так, то кто как не ты, оставаясь здоровым человеком, может помочь нам? На Сицилии стало непокойно, как до войны. Молодежь перестала признавать старших. Совсем от рук отбились эти поганцы. Посылали мы как-то несколько наших поговорить, договориться... Нам вернули только их руки. Дон, у них же были жены и дети...

Те, кто не знают Витторио запросто могли бы решить, что этот милый, толстый увалень, у которого несчетное количество детей — добрый и славный дядька. Но это могли

подумать только те, кто его не знал. Витторио Маркезе — «человек-слон», как его называли в одной из чикагских семей, был одним из самых опасных людей, которых я встречал в своей жизни.

Подожди, я что-то не очень понял. Ты скажешь, как голодная девка: то ты хочешь колумбийцев, то зачем-то заливаешь мне про Сицилию!

Все что я хочу, мой друг, это заснуть где-нибудь с вот такой вот голодной девкой и подальше от этих проблем.

Ну, пожалуй, с голодной не очень-то и заснешь — ее сначала надо как следует накормить. Что же касается Сицилии, то я конечно кое-что знаю: они пошли на контакт с колумбийцами раньше вас и уже собираются ввозить товар в Европу. А там, как ты понимаешь, они и в Штатах появятся.

Эти латиносы давно там гадают...

Я не про это. Я тебе говорю, что пока вы там занимались играми, сигаретами и прочей ерундой, сицилийцы договорились с колумбийцами из Нью-Йорка и уже ведут дела вместе, потому что для сицилийцев американские итальянцы уже «мужчины без яиц».

Откуда это у тебя такая информация?

Ты про яйца? Витторио, ты зачем захотел со мной встретиться? Потому что я ничего не знаю и поверю во всю эту чепуху, что ты тут несешь? Ты не хуже меня знаешь, что с Сицилией не только вы — никто не может по-человечески договориться — они очень многого хотят. А вы теперь, после них, хотите встретиться с колумбийцами — вас же поймали уже! Кем вас будут считать после этого? Не дури, Витторио! Зачем ты хочешь меня обидеть недоверием? Предложите им что-нибудь такое, что встретит у них понимание. Используйте то, чем вы располагаете. Помогите сицилийцам дойти своими деревенскими деревянными головами, что им выгоднее с вами работать. А там уже можно будет с ними разобраться. И чем раньше вы это сделаете, тем больше шансов для вас выжить в Штатах. Кто у вас остался на Сицилии? Чезаре Манцелла, Делла Кьеза, Игнацио Педоне — кто еще? Предложите им долю на телевидении. Тем более, что полиция охотнее идет ними на контакт, чем с вами. Что ты улыбаешься?

Ты — умный, Дон. И Европа тебя не испортила до сих пор. Мы-то уже было, подумали, что Дон расслабился, завел себе бордель... Кстати, тут, говорят такие бордели, что девки просто на куски могут порвать! Это правда?

Если ты интересуешься садо-мазо, то это не ко мне, Витторио. Я такими вещами не увлекаюсь.

Ладно. Так есть у тебя доверенный человек, который мог бы взяться за обустройства этого дела? Чтобы мог изнутри проверить ситуацию с колумбийцами и поговорить там про все это?

Есть.

Как зовут, конечно ты не знаешь?

У каждого свои секреты и свои недостатки — у меня на имена очень короткая память, но, как ты понимаешь, что надо — я помню. Что же до этого человека — он не мой секрет, да

и работает не на меня, но многим мне обязан, поэтому, я думаю, что смогу как-то все устроить...

Мы могли бы вот так вот еще очень долго болтать. С Витторио разговаривать, все равно, что море ложкой вычерпывать — потеря времени, но ритуал должен быть соблюден. Меня итальянцы практически не волновали, потому что я не вел с ними никаких дел. Но, когда появлялась информация, достойная быть проданной за хорошую цену, появлялись и итальянцы, чтобы ее купить. И вот тут-то и нужна была та самая половина итальянской крови, которая, как они думали, у меня есть. Скольких трудов мне стоило изучить этот ритуал! По сравнению с ним чайная церемония — простейшая из инструкций по спасению на водах. Скажу только, что в чайной церемонии за ошибки не убивают. Надеюсь, я внятно объяснил?

Действительно, в Палермо, на Сицилии, царил полнейший хаос — младшие уже не слушались старших и закон был уже — не закон! Все, кого раньше принято было называть «людьми чести», то есть главы семей и авторитетные люди, были признаны вне нового закона, который стали диктовать недоумки и недоросли. Они не способны были возвыситься по «служебной» лестнице в семье своими собственными трудами и усердием, честным служением общему делу, каким бы оно не было, какие бы цели оно не преследовало. Люди всегда выживали только владея одной тайной на всех. Как только этих тайн становилось две — это превращалось в фарс! Две тайны требуют двух вождей, три — трех, а два вождя — это плохо. Даже в узком семейном кругу — мужчина и женщина одни и те же элементарные вещи понимают по-разному и со временем расходятся в своих убеждениях так далеко, что начинают ненавидеть друг друга, что же говорить о людях бизнеса?

Кто когда-нибудь знал партнеров, которые по истечении непродолжительного времени не хотели бы воткнуть нож друг другу в спину? Я знал только таких и я не верю в коллективный разум, но верю в коллективное убийство и самоубийство. Я верю в то, что какое-то время люди способны имитировать воодушевление в борьбе за призрачный идеал. Самый прекрасный человек становится сволочью для его партнеров и относится к ним с такой же «симпатией», как только внутри этих отношений появляются хорошие деньги! Казалось бы, цель достигнута — пожинайте плоды и радуйтесь, но не тут-то было. Когда цель достигнута — все понимают, что владеть только половиной цели глупо и обидно: люди начинают рвать друг друга на куски, уничтожая при этом и саму цель. В итоге — все остаются в проигрыше: кто-то победил, но те, с кем возможно было преодолевать все трудности на пути к цели — растоптаны! И ты остаешься один на один с целой жизнью, которая тебя обязательно сожрет, как ты сожрал своего друга. Я обожаю эту ситуацию — только в ней можно экспериментировать и наблюдать за людьми, которые превращаются на твоих глазах в узколобых монстров. Я обожаю смотреть за поступками тонконогих шлюх, которые ездят в шикарных автомобилях, одеваются в дорогих магазинах, питают свои дистрофические тела в самых престижных ресторанах и пытаются себя убедить в том,

что все, чем они обладают, досталось им за их хорошие мозги. И только умные шлюхи понимают, где север, а где юг: где мозги, а где, то, чем они все это заработали.

Витторио сидит напротив меня, потягивая аперитив, и пытается разгадать, о чем я думаю. Ему и невдомек, что я сравнил его со шлюхой! Если бы разгадал — не сносить мне головы: эти гангстеры так озабочены своим реноме, что всячески стараются создавать себе имидж «людей чести». О какой чести, сеньоры, может идти речь, если вы боитесь даже собственной шлюхи, которая может рассказать, как вы любите, когда она вас трахает искусственным членом, чтобы вы возбудились, потому что по-простому вы уже не можете? Поэтому вы так не любите педиков, которые честно делают свой выбор, боитесь достойных женщин, достигших всего только своими мозгами и не способны понять, что любой мусорщик достойнее вас: он убирает, а вы — гадите.

Целью моей встречи с Маркезе сегодня в Бристоле было вытащить их на просьбу уладить дела в Южной Америке с помощью моих связей. Ехать туда самому, без прикрытия и рекомендаций сейчас равносильно проиграть еще не начавшуюся игру. Там уповают только на силу, как и во всех слабых странах, поэтому, чтобы выглядеть достойным человеком, надо быть крутым и опасным. Мне нужны были новые связи, контакты и люди, которых мне дадут итальянцы. Тот самый человек, который смог бы попробовать решить их проблемы — Антонио Сото — был я. Тот самый я, который жил в Аргентине и которому предстояло вернуться туда в поисках того, кто (как я предполагаю) скоро там должен появиться. Я сделал все, чтобы так оно и произошло: в Москву летели донесения от Конрада с секретными сведениями о планах американских и английских спецслужб по подготовке военных переворотах в Южной Америке, ситуации в Австрии, Корее и, что самое главное, о ситуации вокруг объединения Германии. Конрад настойчиво сообщал в Москву через китайских друзей о готовящихся провокациях против планов СССР, которые зрели в среде нацистских колонистов в Аргентине. Если я все понимаю так как оно есть на самом деле, МГБ до перестройки далеко — они захотят узнать: что в этих донесениях — провокация, а что — правда и откуда взялся Конрад после стольких лет молчания?

В Аргентине уважают итальянцев, там их достаточно много, приехавших после бесславного конца Муссолини. Многие коренные аргентинцы — наполовину итальянцы, бежавшие туда от правосудия в незапамятные времена. И потом, они близки по взглядам с наци. Но, разве я сказал — уважают итальянцев? Помилуй, Бог, я ошибся — итальянскую мафию. Посланец итальянских семей из Штатов будет с уважением принят в шикарном немецком обществе, как близкий по духу и по несчастной судьбе, а именно это мне и необходимо. Именно там меня должен искать человек Москвы, но Аргентина слишком специфическая страна и любой новый человек, который появится в Буэнос-Айресе (кем бы он ни представлялся) моментально станет заметен, потому что начнет искать контакты. А новых, неизвестных и любопытных людей в Аргентине не любят, также как и в Москве — значит, я буду знать по каким правилам играть с этим человеком.

И еще: завтра у меня будет интереснейшая встреча с господином из тех же Штатов, что и Витторио: с сотрудником разведки США. Они страсть как хотят победить итальянскую мафию, им ужасно видеть, как их дети потребляют наркотики в благообразной Америке, они готовы на любую мерзость, чтобы уничтожить во имя чистоты своей американской расы, этих проклятых макаронников, сутенеров и бандитов. Я вспоминаю, что где-то это уже видел и слышал, как во славу спасения своей страны и своей демократии, уничтожают людишек-инородцев, которые исповедуют других Богов и представляют демократию по-своему. Разведка США еще не начала получать хорошие комиссионные за прикрытие операций по ввозу и распространению наркотиков у себя в стране (в других — уже начала), но очень скоро поймет, что и ей надо зарабатывать больше, чем дает Государственный департамент. Ей тоже надо самим себя финансировать, чтобы были деньги на борьбу с этой чумой двадцатого века. Как это удобно: ты помогаешь ввозить, ты знаешь, кто ввозит и распространяет, ты все это контролируешь, ты за это получаешь, ты же с этим борешься и поэтому — время от времени берешь за задницу некоторых торговцев, которые лезут на этот рынок без твоего разрешения. Именно эти операции и выходят в новостях в рубрике: «Успехи». Договориться со старой мафией нельзя (они не хотят наркотиков — считают это не богоугодным делом), поэтому легче создать параллельную мафию, которую возможно контролировать и сталкивать лбами со старой — тем больше шансов увеличить свои доходы. Если что-нибудь вдруг не получится — уничтожат всех. Никто и никогда не сможет мне доказать, что государственная машина не способна одолеть частное предпринимательство, поэтому — если преступники такого масштаба в стране есть, значит они этой стране необходимы и точка. А если государства играют в такие игры — я, как законопослушный гражданин, играю по тем же правилам. Что вас удивляет? В тяжелые для разведки периоды, когда внешний враг неясен, они создают себе внутренних врагов и успешно с ними борются, а я им помогаю и создавать, и бороться, и зарабатывать. Для этих людей нет заповедей — они над законом. Так было всегда, так будет всегда и во всех странах — деньги еще никто не отменял. А деньги нужны только для того, чтобы вкусно есть, сладко спать, иметь право бесплатной парковки и трахать самых красивых женщин. Или вы думаете, что деньги от всей этой мерзости нужны еще для чего-нибудь? Бросьте!

Я не стал провожать Витторио — он знал, где выход из этого английского паба — там же, где и вход. Он получил от меня все, что хотел — Антонио займется их делом. Я получил тоже все, что хотел — Антонио Сото скоро займется своим делом. Все хорошо.

24.

Если справедливо то, что история, повторившись второй раз, превращается из трагедии в фарс, то сегодня все могло произойти с точностью до наоборот. Дастин собирается к Лауре. Звучит, как название пошленькой мелодрамы новомодного сценариста, который

все больше грешит отвратительными и сентиментальными поделками. Искусство больше никого не интересует! Уже никто не пытается подражать Диккенсу, писать как Батлер, приблизится к простоте Джека Лондона, исследовать Стриндберга и даже Антон Чехов интересует большую часть чисто с медицинской точки зрения: хорош врач, который помер от туберкулеза. Люди перестают читать, люди тупеют, глядя в собственное отражение в зеркале и все это, благодаря отупляющему воздействию кинематографа. За последние два года в мире было выпущено такое количество всякой дряни, которая потакала низменным вкусам бывших людей, постепенно из действующих персонажей этой жизни превратившихся в зрителей! Любой приличный человек выглядит идиотом, когда спрашивает в книжном магазине, что-нибудь стоящее. Да и приличные книги уже переместились из магазинов в букинистические лавки. Что смотрели приятели Дастина за эти два года и что, слава Господу, не стал смотреть он? О чем можно было говорить в кампаниях? Судите сами: «Франкенштейн», «Мата Хари», ««Я — беглый каторжник», «Лицо со шрамом», «»Тарзан — человек-обезьяна» — список можно было бы продолжать, если бы не было так противно! Дастин тщательно выбривал подбородок. Более отвратительного настроения у него не было со времен сдачи выпускного экзамена по истории.

Когда начинаешь копаться в истории (а ты вынужден это делать, потому что иначе сдать экзамен просто нельзя!), понимаешь, насколько низко пала мораль людей. К власти всегда рвались не самые умные и не самые достойные представители говорящего населения планеты. Они создали себе всевозможные приспособления для оболванивания себе подобных, перестали писать друг другу письма, разучились слушать друг друга, оказывать друг другу уважение. А — любовь? Какая любовь? Пересып, перетык, перескок друг с друга — друг на друга. Прыг-скок. Чертова любовь, о которой слагали песни и поэмы — где она? «Почему я должен ехать туда, куда ехать не хочу? Потому что, в противном случае, я окажу неуважение женщине, которая ко мне стремится. Значит, я правильно поступаю, что собираюсь преступить все нормы нравственности? Ведь она — дама замужняя, леди, фрау и...сволочь. А если она поиграется и выкинет какой-нибудь фокус? Расскажет мужу, например, или доктору Бойзену... Хорошо же я буду в глазах приличного человека, который представить себе не может, что английский дипломат, не прошло еще и недели с момента его приезда в Германию, уже валяется на чужом супружеском ложе. Откуда я знаю, что она может сделать...? А если откажешься, то ее обида может сказаться и на моей карьере — у нее такое количество знакомых среди дипломатов. А если она меня просто полюбила? Разве не могла меня полюбить очаровательная леди? Да и, может быть, сегодня пронесет и ничего не случится?» Дастин очень на это надеялся, но, мучаясь от угрызений совести, все-таки не забыл аккуратно упаковать французское шампанское и шоколадные конфеты, которые купил в посольском магазине.

Шикарный лимузин, как и в первый раз, стоял у ворот посольства, хотя Дастин просил Лауру, чтобы шофер проехал квартал вперед. Ведь, неприятно же, когда тебе на следующий день в коридорах посольства каждый зубоскал не применит с усмешкой

заметить что-то типа: «Как приятно быть атташе по культуре — машины к дверям подают. Верно и шампанское подают по звонку из спальни?» «Вот и сегодня тоже. Отгавкиваешься, конечно, мол — по заданию посла. А что, посол? Откуда он знает, что тебя тащат в постель? Или это только женское кокетство?» Шофер приветливо улыбнувшись, открыл перед Дастином дверь и, обойдя автомобиль спереди, сел в кабину. Они поехали. Почему-то короче показалась дорога... Волнение стихло, но ощущение тяжести не покидало Дастина. И вдруг — дурацкая мысль: «Почему это у служанки немецкое имя — Эльза? Ведь, точно, не немка. Или — немка?» Автомобиль плавно остановился у ворот особняка, но на этот раз шофер вышел, открыл ворота, сел обратно в автомобиль и они поехали прямо к дому. «Зачем это? Что это означает?» — Заколотилась мысль и страх перед возможной ситуацией опять возник из глубины души. В эту минуту Дастин понял, где находится у человека душа — почему-то именно внизу живота стало прохладно и тоскливо, а под коленками как-то пусто, что ли.

На ступенях стояла фрау Дейч и ела из ладошки клубнику, прищуриваясь против солнца на подъезжающий к крыльцу автомобиль.

Здравствуйте, мой милый-милый англичанин. Заставляете леди ждать. Вот она — Ваша высокомерная чопорность и надменность! Не зря говорят про англичан, что они несносны в общении! — Лаура сразу атаковала Дастина. Ему ничего не оставалось делать, кроме как оправдываться и защищаться, а значит — нападать.

Здравствуйте, Лаура. Про англичан еще говорят, что они только выглядят надменными, но отменно хороши, как партнеры в общих делах, ибо точны, справедливы и почитают закон.

Ну, это сейчас как раз не модно! Хотя... Смотри, какой закон. Если английский, то — пожалуй. И думается мне, что говорят все это про себя сами же англичане. Но мне хочется в это поверить, милый Дастин. Я Вам доверяю на слово, поверьте слову жены банкира!

Жене банкира? Представляю, как доверяют на слово банкиры.

Вы сегодня в боевом настроении, Дастин? Это — хорошо. А банкиры доверяют, проверяя. Именно это я и собираюсь с Вами сделать.

Сделать что? Как Вы, леди, собираетесь меня проверить? Надеюсь, не с помощью орудия пыток? — Дастин решил принять ее манеру общения — хватило бы сил, ведь никогда не знаешь — куда она повернет. Это он уже успел узнать за две короткие встречи.

А это интересное предложение, мистер Макдауэл! Надо будет об этом поговорить. Проходите, пожалуйста в дом. Сегодня немного ветрено, поэтому будет развлекаться в моей гостиной. У нас с мужем, знаете ли, все по-современному — у него своя комната для гостей, а у меня своя. Кстати, прислуга у нас так же у каждого своя. А, вот и Эльза! Милочка, прими у мистера Макдауэла его плащ.

Первое, что увидел Дастин, взглянув на Эльзу, чтобы поздороваться, бросило его в пот. На горничной было такое короткое платье, которое годилось бы в крайнем случае в качестве купальника, но и те были намного скромнее.

Что с Вами, милый друг? Вам холодно и Вы предпочтете оставаться в плаще? Уверяю Вас, что в доме очень тепло и даже жарко. Тем более, что в гостиной есть камин, а это скорее повод, чтобы снять с себя побольше вещей, чем их надевать.

Нет — нет. Конечно. Здравствуйте, Эльза, спасибо. — Дастин понимал, что происходит что-то не очень хорошее для него, но было уже поздно. Хотя, все может оказать не так и плохо. Ведь он же помнил, как странно обращалась со своею горничной Лаура в прошлый раз: все эти прикосновения, абсолютно лишние для хозяйки и прислуги, томные взгляды и тому подобное. Ему говорили, что нравы в Германии оставляют желать лучшего, что свобода общения в понимании богемы — понятие весьма широкое. Настолько широкое, что не оставляет никаких границ...

— Ау! Дастин! Вы где? Вернитесь к нам, прошу Вас! — Лаура смотрела насмешливо и с вызовом. — Вас, кажется, что-то напугало? Эльза, ты неосмотрительно оделась! — Эта сволочная немка видит его насквозь! — Тебе следовало бы надеть рыцарские доспехи и сверху еще длинный теплый плащ с капюшоном, а ты не надела даже нижнего белья! Ой! Кажется, я что-то не то сказала? Простите, милый Дастин, это была шутка. Хотя, Эльза и вправду не любит носить белье! — Заговорщицким тоном прошептала Лаура на ухо совершенно застывшему от смущения Дастину. — Это даже меня заводит, хотя я не отношусь к людям с совсем уж современными взглядами. Это теперь даже модно! А в Англии тоже ЭТО популярно?

Смотря, что Вы имеете в виду, дорогая Лаура. — Ну что тут было делать, если все внутри сжалось от предчувствия чего-то надвигающегося — опасного, но щекочущего что-то совершенно животное.

Я имею в виду отношения между людьми, которые церковь и общество считают совершенно невозможными! Я имею в виду то, что стало модным у нас в Германии... Да бросьте Вы прикидываться! Вы что — правда не понимаете? — Лаура села в кресло, жестом пригласив Дастина последовать ее примеру.

Нет, ну почему же. Я понимаю. Действительно и в Англии есть некоторые молодые люди...

Молодые? — Лаура так громко захохотала, что если бы у Дастина была хоть малейшая возможность исчезнуть — он бы исчез. — Молодые? Да знаете ли Вы, мой милый друг, что только в Берлине гомосексуальных клубов что-то около десятка?! А там все генералы с молодыми солдатами, да фрау на пороге климакса встречаются со своими юными протеже! Что скажете, Дастин, Вам это не по нраву, конечно?

У Дастина перехватило дыхание. Разговор принимал совсем даже не то направление, которое он со страхом ожидал. Она не собиралась бросаться на него с объятьями, она не принуждала его к несправедным поступкам, она не провоцировала на какие-либо действия с его стороны — она просто била в лоб. Заговорить на такие темы с почти незнакомым человеком и еще в присутствии служанки? Если Бог на свете есть, он помогает Дастину — кажется, она лесбиянка! Тогда все проблемы решаются сами собой. Все станет на свои места: никто никому не изменяет, а если она с кем-то спит, то — что же — банкир,

говорят, уже в преклонном возрасте. Это можно понять: у молодой особы играет кровь, но она верна мужу — пусть и наполовину. Это говорит о ее благоразумии, но разговаривать на эти темы? Что греха таить, Дастин чувствовал себя не очень хорошо.

Я ничего не могу сказать об этом. Я весьма далек от этих вопросов...

Да, что Вы говорите? От каких Вы вопросов далеки, милый англичанин? Вы — девственник? — Она уже провоцировала. Да-да, она его провоцировала. Надо что-то делать, иначе она его просто опозорит. А почему вдруг Лаура заговорила на эту тему? Никто и никогда не узнал о тех нескольких вечерах в доме профессора Коула. Никто, кроме их участников. Если только — Боже мой! Если только кто-нибудь из их кружка случайно потом не знал Лауру. — Знаете, Дастин. Я постоянно ловлю себя на мысли, что в определенных обстоятельствах любой человек (конечно если он все-таки достаточно образован и раскрепощен!), может переступить эту черту. Правда-правда! Вот, когда Эльза заходит ко мне в туалетную комнату, чтобы помочь мне принять ванну, она, ну Вы понимаете, не совсем одета. Да? Потому что просто все может намочнуть, ведь правда? Ну, вот. И когда она меня, простите, моет... Я не слишком откровенна?

Нет — нет, продолжайте, пожалуйста. — «Господи, что я говорю!» — Дастин не знал, как реагировать.

Так вот. Когда она раздевается, что бы помочь мне принять ванну, то получается, что она тоже почти голая. Дастин, что с Вами? — Лаура говорила шепотом, потому что в любой момент могла войти Эльза. Но, вдруг, остановилась — видимо, у Дастина с лицом было что-то не в порядке.

Душно что-то, наверное, будет гроза.

Вы правы, мой Дастин, обязательно будет гроза. Надо закрыть окна, чтобы не разбились. Но, Вам, видимо, не интересно, что я рассказываю — я же вижу, как Вы напряжены! — Лаура была явно обижена такой реакцией молодого человека. Что делать? Дастин ни в коем случае не мог допустить, что бы из-за какой-то прихоти, из-за какого-то дурацкого рассказа вдруг испортились отношения между ними, отношения, которые очень пригодятся в его работе здесь в Германии. «Надо быть проще, мягче, пусть подумает, что это меня тоже волнует. Подыграю».

Успокойтесь, дорогая. Все в порядке — мне очень интересно. Просто очень жарко.

Да Вы снимите пиджак. Тут тепло, а когда мы с Вами выпьем, станет еще жарче. Вам действительно интересно? — Лаура налила из большой бутылки в стеклянные чаши какой-то темной жидкости, от которой в комнате распространился необыкновенный аромат.

Что это, Лаура?

Это очень старое сицилийское вино из монашеских погребов Палермо. Эльза ведь оттуда — ей присылают родственники. Вы не смотрите, что она прислуга — порой я думаю, что она член какого-нибудь тайного монашеского ордена, которая послана сюда с очень страшной миссией! Не смотрите на меня, как на идиотку, Дастин! — Лаура опять перешла на шепот. Вино действительно было необыкновенным — очень густым, вязущим рот, крепким, пахнущим травами. Дастин никогда не пробовал ничего подобного. В Англии

было все: виски, ром, бренди, но такого ощущения он еще не испытывал. Лаура продолжала шептать, придвинувшись к нему очень близко:

Вы пейте, Дастин, и слушайте. Я Вам правду говорю — Эльза на самом деле никакая не Эльза! А кто она я не знаю. Нам ее рекомендовали друзья мужа из Италии. Там она прислуживала одному очень опасному человеку — какому-то потомку цезарей Борджиа. Его на Сицилии все боятся. Когда она меня моет в ванной комнате, я не могу оторвать глаз от ее татуировок. Вы знаете, Дастин, у нее две странные татуировки: одна на правой руке и еще одна на левой груди. Змея и цветок. Ужас! Когда она стоит передо мной на коленях и растирает мое тело маслами — я чувствую, что цветок пахнет, а змея вот-вот меня может ужалить. Ее вкус смертелен, Дастин, не смейтесь! Я, правда, ее боюсь. — От Лауры пахло вином и запах был темный и опасный. В комнате появились вечерние тени, а огонь камина освещал только половину лица женщины. Дастину показалось на миг, что в зале еще кто-то есть — призраки окружали их. Они танцевали странный тихий танец, сжимая вокруг них кольцо все теснее и теснее. Дыхание Лауры становилось тяжелее и слова вырывались словно с трудом — голос садился и чуть похрипывал. Вдруг Дастин увидел у стены маску на высоте человеческого роста. Когда тень от пламени касалась ее — она пропадала, а потом опять появлялась и Дастину казалось, что выражение лица у маски меняется с каждым разом. В голове шумело. Губы Лауры касались его уха и щеки — она держала его за руки и говорила, говорила...

Милый, мне страшно здесь одной. Мне кажется, что стены говорят по ночам, а портреты уходят и гуляют по парку — с утра все цветы помяты. Я ругаю садовника, а он божиться, что с вечера все было нормально. Может, это мальчишки забираются?

Конечно, мальчишки. — Дастин уже обнял ее за плечи, а она сидела у его ног. Странное вино и разгоряченная кровь больше не оставляли никаких шансов.

Милый, славный англичанин, я боюсь эту девушку — она все время молчит, как будто хранит тайну. Она — ведьма. Поцелуй меня, пожалуйста. — Лаура сама взяла его голову руками, мягко повернула к себе и Дастин почувствовал, как ее влажные губы слились с его губами. В этом поцелуе было столько нежности и тепла, что он сразу успокоился. Но вот он посмотрел в ту сторону, где была маска.

Лаура, а где маска? Ее нет.

Какая маска, милый? У меня нет никаких масок.

Голова просто ничего не соображала, он слышал только шепот Лауры: «Ты меня не бойся. Я тебя не предаю. Пей, пей вино — оно тебе поможет, оно тебя спасет». Шумело в голове, шумело. Он чувствовал, что ноги его не слушаются, а руки сами совершают какие-то движения и что-то теплое, мягкое и податливое в его руках — конечно, это тело Лауры! Она — голая! Когда? Как это?

Вдруг, он почувствовал чужое дыхание — вот так, сразу, дерзко и быстро, его опрокинули чьи-то руки на спину, на ковер. Он не ударился, потому что, когда он должен был упасть — его поймали. Он не видел того, кто был сзади, но сильные руки снимали с

него одежду и он не мог противиться этим рукам. У ног его была Лаура — Господи! Что ты делаешь? Как это возможно, чтобы было так хорошо!

А тот, кто был сзади сильными руками сжал его голову и наклонил к Лауре. Она прошептала: «Я говорила... Я тебе говорила... Теперь очень поздно — подчинись...» Ее шепот срывался, как последняя одежда с его тела и вдруг он почувствовал что-то внизу... И вдруг острая боль и сладость, как тогда...

...Кто-то стонал... Это он стонал? Конечно, это он. Открыл глаза и увидел: Лаура на полу, он в ней и кто-то бьется в нем. Они слились втроем, а дальше он потом вспомнить уже ничего не мог. Только маска стояла перед его глазами. Маска смеялась и маска его любила, маска его взяла, и он подчинился — ведь Лаура так хотела, и он хотел... Перед глазами не было ничего, пропали тени, наступило утро и Дастин понял, что он лежит один в центре огромной комнаты у камина, а рядом, у его ног, как на кресте, Лаура, раскинув руки и расстелив волосы по ковру. В кресле у камина сидела Эльза: он видел только спину, но вот она повернулась.

Ты сделала это со мной?

Ты сам сделал это с нами, но разве ты этого не хотел?

Кто ты?

Тебе надо поспать — все уже произошло. Тебе нечего бояться. — Голос у Эльзы был глухой и низкий. — Желания всегда исполняются у тех, кто их боится...

Наверное, мог бы быть такой разговор. И он был, но только утром и в голове у Дастина, который проснулся один в уютной и чистой постели. Был ли это разговор наяву — едва ли. В дверь постучали. Вошла Эльза:

— Доброе утро, мистер Макдауэл. Как Вы себя чувствуете? Фрау Лаура уехала в Берлин и просила разбудить Вас. Вы пьете утром кофе? Завтрак будет внизу, в гостиной. — Она улыбнулась и вышла. Голос у Эльзы был чистый и мягкий. Очень болела голова...

...Лаура ехала по направлению к Берлину. Окно в автомобиле было открыто и ветер слегка растрепал волосы — она не стал поправлять. Ей было его жалко. Правда-правда. Этой стерве было по-настоящему его жалко. Он оказался неплохим парнем, но тем хуже для него. Больше никаких чувств она к нему не испытывала. Ей было его просто жалко. А теперь надо написать и отправить — как это называется — рапорт, отчет, словом, письмо в Аргентину: «У нас будут гости. И весьма вероятно, что даже два». Очень весело. Это у русских называется перевыполнение плана. В любом случае, через восемь — девять месяцев можно закончить операцию. «Тебя сделали пробиркой, Лаура. Или если выражаться интеллигентно — контейнером. Интересно, а если родится девочка? Что-то вчера произошло такое странное. Эльза открылась мне с очень любопытной стороны... Девочка с фантазией. Надо будет это с ней повторить — кажется мне понравилось». А его ей было просто жалко.

Во второй половине дня к начальству ходить бесполезно. Особенно, если идти не с докладами об успехах, а с просьбами или предложениями. Никакого секрета в этом нет, потому что любой начальник планирует свой день в двух частях: первая — он строит из себя начальника перед подчиненными и вторая — подчиненного перед вышестоящими начальниками. Почему каждый начальник или маленькая, или большая сволочь? Потому что ему, в отличие от простых трудяг, приходится быть и начальником и подчиненным одновременно. Испытывая на себе дурь высокого руководства, он отыгрывается на тех, кто стоит ниже его. Поэтому больше всего Сергей не любил начальников среднего звена, а тем паче, всяких замов — первых, вторых или сто двадцать пятых. Умницы были древние греки, которые говорили: «Хочешь увидеть, каков человек на самом деле, сделай его своим начальником». Умными были греки, поэтому их всех к чертям собачим и порешили не лишком умные, но дальновидные и лишенные сантиментов древние же римляне. Нечего слишком много понимать в этой жизни — плохо будешь спать, рано состаришься, если дадут!

Среди всех своих начальников в руководстве Иностранного управления, Трошин более всего не любил первого зама начальника управления. Вячеслав Леопольдович слыл человеком весьма однозначным и примитивным, но жутко хитрым и изворотливым, а потому — крайне опасным. Ему удалось проскочить все чистки (потому что сидел в тепленьком месте и не высывался), извернуться и вылезти на свет Божий именно тогда и в том самом месте, где его поджидал человек, который сам не хотел разгребать дерьмо лопатой. Высокому начальнику был нужен именно такой: чистенький, как никому не нужный презерватив; холодный, как застывшее говно, спокойный, как мраморное изваяние и бездарный, как ручка от радиоприемника, словом, идеальная входная дверь, с которой можно разговаривать или молчать — результат один. Между собой сотрудники называли его Вячеславом Леопардовичем, потому что он совершенно искренне не допускал мысли, что кто-то может быть умнее, чем он, и загрызал еще до того, как человек мог сообразить, что попал. Правда, основную умную мысль первый зам схватывал на лету, а уж сразу после этого начинал есть. Ел быстро, жадно, с присвистом и все время был голодным. Поэтому он назначал всякие совещания, на которых был ровен, уважителен и внимателен к своим подчиненным. Для свеженьких слыл демократом. Но как все демократы — знал, что своими могут быть только старшие по званию, равные по положению либо послушно заглядывающие в его рот, чтобы вовремя схватить вывалившийся кусочек не дожеванной им жвачки. Давал им высказываться, слушал, записывал, благодарил, потом выписывал премии и сживал со свету. Все новые идеи доносил до вышестоящих начальников сам и получал дивиденды — одним словом, был вор и паразит, но обойти его не было никакой возможности. Хотелось того или нет, но Сергею именно с ним предстояло решать вопрос о своей командировке в Южную Америку. Самое смешное заключалось в том, что полковник

Симанович не мог принять сам никакого решения, ибо ни хрена не понимал в том, чем руководил и не имел таких полномочий. В любом случае, все серьезные решения принимали на самом верху, но «завернуть и подать на подносе» чужие идеи предстояло именно ему. Сволочная работа: он ведь прекрасно понимал, чего он стоит, мучался этим и вследствие этого — ненавидел любого, кто что-то дельное мог придумать.

Было без четверти три и Сергей поднимался на пятый этаж в кабинет полковника Симановича. «Начальники чаще всего сидят либо на нижних этажах, либо на верхних, но никогда — посередине. Если на нижних, понятно — легче проскочить незамеченным и никто не видит, кто к нему пришел, да и трудов подниматься по лестнице, тряся своим положением, меньше. Если на верхних, тоже понятно — чувствуют свое превосходство и близость к Богам».

В приемной было три человека, которые явно сидели здесь не пять минут. Сергей доложил адъютанту, который коротко кивнув, исчез за дверью. Не прошло и полминуты, как он появился и попросил Трошина зайти. За огромным столом в самом конце большого кабинета сидел милый человек с бородкой, который на завтрак и обед ел людишек, никогда не пил и не трахался на работе. Чудо, а не человек. Как обычно, короткий доклад и в ответ: «Да, брось ты, Серега, проходи, садись. Чай, кофе?» И в переговорное устройство: «Леонидов! Два стакана чаю с лимоном!» Ну, как дела, Сережа? Рассказывай, чего накапал в своих кладовых? — И не давая ответить: — Читал, читал твою докладную. Серьезно. Да. Не сгущаешь краски? Четко все? — Лейтенант вошел в кабинет очень тихо. — Давай чайку. За ним и потолкуем. Значит, говоришь — Аргентина? Мулатки, креолки, сучки и неофашистки. Завидую. Сам бы поехал, если бы текучка не заедала. Надо бы все самому посмотреть и потрогать. Как насчет потрогать, а, Серега? Ну, ладно, это я шучу. Пей чай и рассказывай. Кстати, что у тебя с Натальей? Люди говорят, что ты дома почти не бываешь, пьешь, по бабам шляешься... Нехорошо, Сергей, ты ведь на видном месте. Поставил бы на рабочий стол фотографию жены в рамочке: глядишь, и привык бы к ее роже со временем, а нет, так представлял бы ее на каменной плите с цветником! Ха-ха! Точно тебе говорю — срабатывает. К вечеру так насмотришься на физиономии коллег по работе, что жена покажется родной и близкой, даже если и стерва последняя. Секретарь парткома жалуется, что ты с сотрудниками стал как-то нелюдим, держишься особняком, из команды выпадаешь. Не стоит, Сергей! Работать в коллективе надо уметь, а индивидуализм — он хорош только в постели... Вообще, что-то ты перестал заглядывать, советоваться? Сам, что ли, все можешь? Ребята жалуются на тебя. Отдаляешься от товарищей.

Да, нет, Вячеслав Леопольдович, работы много. Приходится все время пропадать в архивах, а к вечеру уже и не соображаешь, что к чему.

Ну, да. Вкалывать ты умеешь, знаю. Парень ты способный только, все равно, стоит изредка прислушиваться к мнению старших. — (Старшим Вячеслав был только по званию, но младше Сергея лет на семь, да и послужной список у него: всплыл из проруби и в ней же и не тонет. Но это никого, кроме подчиненных, не волновало — начальству он был угоден.) Да я вот, собственно, за этим самым... За мнением. Ситуация такова, что появление

Конрада никак отследить невозможно. Он не пользуется передатчиками, а подбрасывает послания в консульства и посольства. Основная часть — именно из Аргентины. Конечно, это может быть подставой, но ведь именно там десять лет назад и работал Конрад. Конспирация была такой, что его никто никогда не видел, даже резидент. Без работы на месте никак невозможно понять — кто это. Тот ли это Конрад или кто-то играет против нас под видом Конрада. По всем заключениям экспертов конструкции предложений, общее построение донесений и кодовые слова — все тоже, что и десять лет назад, но... Почему молчал так долго? Или он теперь работает на них? Словом, Вячеслав Леопольдович, чтобы ответить на все эти вопросы — надо ехать. Причем, очень грамотно все надо сделать...

Ну, это и так понятно! Что ты мне тут прописные истины рассказываешь? То, что надо ехать — понятно, но почему в Уругвай? У нас с ними почти никаких контактов? Разве не знаешь? Зачем так сложно? Что-то ты не то предлагаешь. Ну-ка, давай, обоснуй, попробуй. А я посмотрю, чего у тебя получится.

Да вот тут штука такая... Через залив Ла-Плата из Уругвая в Аргентину постоянно переправляются толпы местных в поисках работы. Смешаться с местными можно легко. Есть и второй вариант: скажем, под видом немецкого журналиста, исследующего вопросы миграции населения, там, флору, фауну — ну, с этим же нет проблем, Вы же понимаете. (Начальству всегда надо давать право выбора, что бы твоя идея стала их собственной! Только в этом случае можно что-то сделать.) Понимать-то не хуже твоего понимаю. Журналиста из ФРГ? У тебя какой язык-то, немецкий, что ли?

Немецкий и испанский. Из ГДР — проблем не оберешься. В Буэнос-Айресе же колония нацистов. Думаю среди них и Конрад где-то.

А чего не хочешь проще — едешь, как наш дипкурьер. Все знают, что ты из чекистов и внимание поэтому не такое пристальное. Полномочия же у тебя ограничены: привез дипломатическую почту, отдал, отдохнул сколько надо и так же тихо мирно уехал? Так оно, кажется, проще и лучше. Да и остановиться сможешь в посольстве, не напрягаясь.

Вячеслав Леопольдович, Вы поймите, что у дипкурьера не только полномочия ограничены. Хотя, конечно, мысль правильная (как тут не прогнуться перед идиотом!). Но передвижения дипкурьера по стране тоже ограничены маршрутом: порт — посольство — порт...

Да не мели ты ерунды, Сергей! А, что, он и погулять не может, там, город посмотреть, мороженое поесть в скверике. Чем он тебе ограничен? Ты уж не завирайся.

Трошин понимал, что для Леопольдовича главным было не утруждать себя сложными многоходовыми комбинациями, в которых, не понимая сути профессии, легко заблудиться и показать — кто он есть на самом деле. Да и финансы: при той схеме, о которой говорил Сергей, операция была дорогостоящей. Смотрите: длинная дорога, документы (ну, этого добра, правда, навалом), легенда, счет в банке посольской (чтобы не выглядеть чекистом в командировке), хорошая и дорогая одежда, да и тянутся это может полгода и больше. Может это понравится человеку, который рассматривает твое предложение не иначе, как попытку за счет государства (а значит, его, начальника!), пошлаться по свету, изображая

богатого и независимого журналиста? Вкусно жрать, сладко спать в роскошных отелях, трахать дорогих девочек, пока он, начальник, тут спасает мир от империалистической погони и капиталистических вшей? Сергей понимал, что реакция Леопардовича стандартная. Конечно, они дадут добро на операцию, но только она будет спланирована так, как они считают лучше и дешевле. Ну, не любят начальники сидеть в своих кабинетах, пока какая-то там тварь не дослужившаяся, гуляет, шикует и жирует! Понятно, что тут включается и зависть, а это чувство страшное, особенно если она исходит от начальника. А если он «уйдет», кто будет отвечать? Начальник! А если не уйдет, а вернется с успехом? А вот это — еще хуже: себе ведь все подряд не припишешь. Придется признавать и его заслуги! А какие заслуги могут быть у человека, который является твоим подчиненным?

Трошин отчетливо понимал, что исхода в любой операции может быть только два: победа или поражение. Но и в том, и в другом случае — начальник окажется прав, а вот, что выгоднее ему, Сергею? Но, это — потом. Сейчас главное понять: что они решили. Если, как предполагает Леопардович — дипкурьером, то это — хуже не придумаешь. Потратишь время, средства, а вернешься ни с чем и все — всему крышка. А если будет необходимость или политическая ситуация, то могут приписать еще черт знает какие грехи. Дипкурьером, конечно, им спокойнее: курьеры-то ездят по двое, так что наблюдать за ним будет кому. Правда, на этот случай Сергей продумывал комбинацию, как уйти от напарника — но это в том случае, если он достанет Конрада через друга-повара Вазгена. Есть еще один довод, который может им помешать принять глупое решение: дипкурьеры не могут задерживаться в стране более двух-трех недель, потому что в противном случае они точно вызовут подозрение политической полиции страны. Дипкурьер на то и курьер, чтобы, как почтальон возить почту туда-сюда, а не разгуливать по чужой стране, как турист. Все же в мире знают, что у советских никогда не бывает денег, чтобы даже в дешевый ресторан сходить. Если кто-то из прибывающих советских дипломатов, шикует в ресторане, значит точно — высокопоставленный начальник. Все остальные едят в посольстве, ходят по трое и близко не подходят даже к кинотеатрам, где в темноте зрительного зала очень даже удобно продать Родину по дешевке. «Кстати, а почему это выражение все время сквозит у наших вождей — «Продать Родину по дешевке». Можно что ли, но за дорого?» — Трошин внутри весь кипел, глядя на самодовольное лицо Симановича. Понимал, что решение скорее всего уже принято, а этот тут строит из себя вершителя судеб. Хотя, может быть, можно еще как-то повлиять на дело. Пора выкладывать козыри, пока чего еще похлеще не придумал этот великий деятель».

Вячеслав Леопольдович, нельзя, чтобы дипкурьером. Никак нельзя. Просто потому что он даже из города выезжать не имеет права, да и виза только на один месяц. Наверняка же Вы что-нибудь хитрое придумали? Расскажите.

А ты, парень, настоящий разведчик! Сразу чувствуешь, где собака зарыта! (Трошин решил подыгрывать по полной программе). — Насчет визы ты правильно догадался и насчет того, что ездить не сможешь — тоже. Молодец. У товарищей есть мнение, что ты хороший кандидат на это дело, хотя последнее время как-то сдал, работаешь слабее,

недотягиваешь до нормы. Занялся бы спортом, что ли! Ладно, иди работай. Я тебя вызову, когда придет время. Поедешь, как решим, но работать, думаю, будешь под моим контролем, а на месте тебе помощь окажет наш резидент. Он тебя и встретит и введет в курс происходящего в Аргентине. Ситуация там не очень стабильная, тенденция к поклонению Западу стала что-то сильна. Заодно и посмотришь, что можно сделать: может параллельно клиентуру для нас подберешь. Ступай, я подумаю над твоим предложением.

Трошин вышел из кабинета и направился к себе в архив. Поймал себя на мысли: к себе — в архив! А может быть, правда? Может — шанс? «Не гони ты. Наверху не только такие пройдохи с сальными глазками сидят. Разберутся. А вот то, что узнаю резидента — это очень хорошо, это может потом пригодиться».

Сергей, столько времени проводя с документами по Конраду, понимал, что если Конрад действительно играет против них, то он ждет его. Мало того, понимал, что не только ждет, но и провоцирует на приезд сотрудника МГБ в Аргентину. Тут — игра в одни ворота пока. Конрад знает, что он делает, а я — нет. Не понимаю, хоть убей. Если же он — наш человек, значит надо будет понять: где он был все это время и не завербован ли кем. В любом случае, без личного контакта не обойтись, хотя это и не по правилам. Любой личный контакт — пятьдесят процентов провала. Но, провала ли? Смотря во что играть! Как это ни странно, но у Трошина резко поднялось настроение: «Ни хрена у них не выйдет. Я не оставил им ни одного шанса — все будет так, как я предлагаю. Другое дело, что они мне этого не простят, потому что будут все время зависеть от того, что я там делаю. А почему же именно меня выбрали для этого дела? Думали, что я не докопаюсь или вправду сами не знали, во что это все выльется? Обхитрили сами себя».

Трошин вышел на площадь: все куда-то спешили, машины с грохотом проносились мимо и опять собирался дождь. «Мулатки, говоришь? Что ж, будут и мулатки, только не у тебя. И никакой ты не Леопардович, а так — чмо болотное!»

26.

Белый костюм выглядел слегка вычурно, но легкая помятость, как будто его хозяину было совершенно наплевать, что стоит он больше трехсот долларов (за эти деньги можно купить себе шикарный автомобиль!), придавала ему тот необыкновенный шарм, когда вычурность уступает место вкусу. Дамы на палубе обращали внимание на еще достаточно молодого для возможных романтических последствий человека, который сидел, развернув свое кресло в сторону океана. Брызги не доставали до верхней палубы «Святой Марии», им оставалось довольствоваться только двумя нижними палубами, на которых разместились не самые обеспеченные граждане многих стран мира. Кто-то плыл искать счастья на новом месте, кто-то убегал от неудач, словом, всех преследовали призраки. По вечерам на

верхней палубе играл оркестр и стюарды разносили пенящееся шампанское на серебряных подносах. У мужчин в петлицах плакали розы, облитые вырвавшимися из бокалов пузырьками дивного французского вина. Дамы всех возможных возрастов, а особенно те, кто по той или иной причине лишил себя присутствия родственников на время плавания, искренне надеялись на скоротечные и бурные романы среди волн атлантического океана. Много дней в пути окрашивались в слезы и смех, в зависимости от того, кому повезло, а кому нет. Мужчины были галантны не в меру, но чаще всего им нравились замужние дамы, последствия от общения с которыми бывают менее болезненны, хотя бы в медицинском смысле, а одиноким дамы нравились, к сожалению, обремененные семействами мужчины. Это, увы, не совпадение, а закономерность: мужчины «при исполнении супружеских обязанностей» меньше пьют, опрятнее выглядят, да и болтают меньше всяких глупостей, пошлостей и чепухи.

Романы и романчики, которые возникают внезапно и также быстро заканчиваются, происходят вовсе не из нелюбви к своим женам и мужьям. Господа! Это всеобщее заблуждение, что со временем всех тянет на сторону, потому что любовь проходит. Настоящая любовь не может пройти, как не может пройти и само желание любви. Умная жена сама станет любовницей и потаскухой, от обладания которой у мужчины начинается преждевременное семяизвержение. Только умная и свободная в своих фантазиях женщина способна идти дальше обладания записью в церковной книге. Она понимает, что только вовремя потраченное количество гормонов ее мужчины способно создавать его уверенность, что его не используют как банальный кошелек. Обсуждайте со своими мужчинами прелести и достоинства юных дев и дам, подбирайте пожестче слова в постели, научитесь делать свою работу в любом месте и в любое время, отбросьте стыд и мораль — оставьте их монахиням. Следите за своим телом и первое время через силу заставляйте себя быть развратнее шлюх с Риппербана и ля Пляс Пигаль, читайте эротическую литературу, чтобы хоть чуть-чуть овладеть этим искусством, почаще смотрите на себя в зеркало, станьте гибкими и стройными, чтобы мужу хотелось видеть Ваше тело чаще — и Вам самой все это понравится. Вы сами к этому быстро привыкните, потому что любая женщина завидует тому, как смотрит мужчина на проститутку — станьте такой и все будут смотреть на Вас. Мужчины ведь смотрят на свободу, а не на красоту. Для этого многого не надо — любая из Вас и есть самая дорогая проститутка, потому что каждой из Вас муж платит тем или иным способом и платит гораздо больше, чем шлюхам. Каждая из Вас, выйдя замуж, уверена, что мужчина теперь Ваш должник до самого конца. Интересно, а что это такое золотое Вы ему продали? Но Ваша цена бывает столь высока, что у мужчины уже не остается желания Вам платить — Вы забираете у него все: время, силы, свободу, вкус, привычки, друзей и подруг, его слабость и его душу. Поверьте мне — это слишком для любого мужчины! Ни одна женщина не достойна такой цены, тем более, что каждая из Вас имеет только то, что имеет и это не отличается от того же, но у другой женщины и за другую цену. Вы сами делаете свой выбор — Вы сами убиваете любовь к

себе. Дайте свободу и станете свободной сами, и никогда Ваш избранник не уйдет, потому что второй раз найти совершенство и понимание очень трудно.

Самые свободные женщины — актрисы и проститутки (что, в принципе, одно и то же): им завидуют остальные, кто ими любуется со стороны, их ненавидят и ими восхищаются, потому что понимают — они способны создавать свою жизнь каждый день заново, потому что они верны себе в своих желаниях. А верность — это не рабство — это счастье, которое не находится между ног. Вы разглядываете женщин и мужчин в иллюстрированных журналах, а Ваши мужчины смотрят на таких же в эротических изданиях — смотрите вместе и восхищайтесь. И когда задаете себе вопрос: «Как им это удалось?», вспомните ответ: «Стань тем, кто тебе самой понравиться». Всегда помните только одно — Ваше время уходит навсегда и скоро, очень скоро станет поздно. Впереди будет только увядание, а позади вместо воспоминаний, ощущений и знания останется только злость на всех, кто Вам не рассказал, как Вы были прекрасны!

Я сидел и смотрел на океан. Я не поэт и не писатель, я играю в эту жизнь наяву и кроме многих сотен тон соленой воды ничего вокруг себя не вижу. Что толку восхищаться хорошо отлаженной чужой жизнью — океан справедлив только к тем, кто знает его закон и подчиняется ему. А людям на палубе кажется, что они самые главные, они на белом пароходе и они — цари. Уберите этот пароход и окуните в холодную воду всех этих напомаженных красоток и затянутых в брюки на размер меньше, чтобы крупнее выделялись их достоинства, кавалеров — то-то станет с их лицами! Куда денутся их напыщенность и самоуверенность — без парохода Вы похожи на безмозглых рыбок по доллару за килограмм. Без Ваших кредитных карточек, колец и бижутерии, без фраков и кринолинов, без краски на лице и шикарных причесок — разденьтесь, умойтесь и подойдите к зеркалу. Кто Вы? И почему за это надо кому-то платить? Оцените себя без мишуры и попытайтесь понять: Вы сами за это заплатили бы? Скорее всего — нет. Успокойтесь и попытайтесь себе понравиться, тогда не придется уповать на упаковку, в которую Вы себя наряжаете. Бросьте чертов круг и плывите сами — кто смеет Вас упрекнуть? Только те, кто сидит на пароходе? Они скоро утонут, поэтому пожалейте их и забудьте — у них другой маршрут — в пустоту, которую они создают себе сами, наслаждаясь океаном, как ванной. Но океан не создан для мытья — он создан для жизни и смерти. Хотите выжить? Плывайте, а не купайтесь.

...В порт Буэнос-Айреса лайнер зашел с опозданием всего на сутки — нас неплохо потрепало у берегов Бразилии. Когда судно зашло в порт Форталеза, заправиться и пополнить запасы воды и продовольствия, я не стал выходить на берег, потому что только проводил из своей каюты хорошенькую официантку и решил слегка отоспаться. Девушка была мила, но не более того, а легкий шторм помогал ей в судорожности движений. Ее бразильское смуглое тело ничего нового мне не показало: попрыгало и простонало пару часов, измяв мне все простыни, которые и унесло с собой стирать и гладить. Унесло это тело и сотню, но надо быть справедливым — милая девушка, уверенная в своей необыкновенности, потратила на свою акробатику два часа, стало быть имеет право на

небольшое вознаграждение от богатого господина итало-испанского происхождения по имени сеньор Антонио Сото. Я привык держать свое слово, поэтому Дон Германн уехал кататься на лыжах в Альпы и далее по Европе — в Париж, в Вену, в Лиссабон и снова в Париж на неопределенное время, а аргентинский гражданин сеньор Сото приехал в Буэнос-Айрес.

Сеньор Сото, с благополучным прибытием домой в Аргентину. — Офицер таможни поискал глазами мой багаж, состоящий из нескольких кредитных карточек и кошелька, которые я ему, естественно, не показал. — Вы налегке?

Сеньор офицер, зачем привозить в страну мусор? Я привык возить с собой только то, что мне крайне необходимо — деньги.

Вам необходимо продлить Ваш паспорт. Вас давно не было в стране — цель возвращения?

Бизнес, мой офицер, бизнес.

Еще раз — добро пожаловать домой, сеньор Сото.

Паспорт действительно можно было продлить еще в Америке, но тогда все было бы слишком гладко, а так офицер пограничной и таможенной стражи сделал свою работу и почувствовал себя спокойно: когда все гладко — это настораживает. Для этих служак все имеет значение: как одет, что везет, на каком судне, в каком классе и из какой страны прибыл. Мелочи, конечно, но именно они создают о человеке первое мнение, которое потом бывает очень трудно долгое время исправлять. Чтобы не заниматься ерундой и не портить себе и людям настроение всегда желательно продумать весь сценарий твоего первого появления. Ботинки, конечно, могут быть стоптаны, но тогда приехать эти ботинки должны в дорогом автомобиле, и никак не наоборот! Только тогда небрежность допустима, когда она продумана до мелочей.

В Аргентину можно было добраться из Англии на «Королеве Виктории», но я самолетом долетел до Штатов и из Норфолка вдоль побережья Северной, а потом Южной Америки на испанском судне «Святая Мария», которое ходило под флагом Аргентины, прибыл в Буэнос-Айрес. Расчет был прост: в последнее время отношения между Аргентиной и Англией крайне обострились. Не далее, как шестого мая этого, пятьдесят пятого года, Великобритания обратилась в Международный суд для решения спора о принадлежности Фолклендских островов. Я решил сыграть на этой истории, чтобы решить свой коренной вопрос по поводу возможного объединения Германии. Скажете: какая связь между этими событиями? Отвечу просто. В мире никогда ничего не происходит без взаимосвязи одного события другим. Система сообщающихся сосудов! Если где-то прибывает, значит кто-то где-то много слямзил. Я люблю, когда мой сосуд полон, поэтому люблю много думать. Надо только чуть-чуть подумать и понять, что политика любой страны, идя по намеченной траектории, сама себя вгоняет в узкую колею, из которой ей бывает потом очень трудно выбраться.

Кто хочет объединить Германию? Англия. Зачем? Чтобы иметь прежнее мощное государство в Европе, которое будет двигаться единым фронтом с бывшими союзниками

СССР и в заданном ими направлении. Готов к этому СССР? Готов потерять ГДР из-за общей сумятицы в руководстве и новых слабых и неуверенных, но слегка демократических преобразований. Кто не хочет этого? КГБ и ЦРУ (об этом я уже говорил — чего же повторяться!). А теперь посмотрим на это дело со стороны.

Русские всегда не любили англичан. Все это началось еще с двадцать седьмого года, когда Уинстон Черчилль сделал в британском кабинете все, чтобы разорвать дипломатические отношения с СССР, сорвать англо-советский торговый договор и добивался всеобщего крестового похода против большевиков. Когда он пришел в Англии к власти перед второй мировой войной, Сталин воспринял это, как появление грозного врага, который обязательно будет создавать очередной заговор. Ошибка Сталина дорогого стоила: Черчиллю в сороковом году было не до вражды с СССР — проблемой стал Гитлер и поэтому премьер Великобритании неоднократно личными посланиями предупреждал Сталина о готовящемся вторжении немцев. Но русские восприняли эти сообщения, как подтверждение британского заговора и попытку англичан столкнуть Германию и СССР. Между прочим, Молотов об этих посланиях рассказал послу Германии в СССР Шуленбургу в официальной ноте на имя Гитлера. То есть, русские сами сделали так, что запутались окончательно: кто на кого собирается нападать. А Германия искусно использовала эту глупость и всеми своими провокационными возможностями, чтобы скрыть подготовку плана «Барбаросса», поддерживала эту параноидальную идею британского заговора. С тех самых пор все неугодные и опасные люди в СССР стали британскими шпионами. Но, это ладно, у русских всегда кто-то виноват: или царь, или Бог, или немцы — только не они сами. (Я не оговорился — дело в том, что русские всех иностранцев, которые не говорили по-русски, испокон веку называли немцами — от слова немые.) Сейчас вопрос не в этом. У Великобритании опять появился исторический шанс — она первой проявила инициативу объединения Германии, чтобы перехватить пальму первенства по законодательству моды на политику у Штатов, которые лажанулись в Корею и теперь временно помалкивают, отдав русским на откуп и северную часть Кореи и независимость Австрии. В лидеры на рынке мировых провокаций выходит Великобритания, в которой только что заменили Черчилля. Заменить-то заменили, но привкус у русских, как говорится, остался. Госбезопасность у русских настолько инертная, что еще очень долго продолжает бороться с врагом, которого уже просто и нет!

Теперь все складывается просто как в сказке: а что если, используя такое совпадение любви и нелюбви, подружить СССР и Аргентину против Англии?

Кто еще не любит англичан? Правильно, с давних пор их не любят те самые немцы, которых Англия, в лице Черчилля, чуть не подставила в начале войны.

А именно в Аргентине очень много немцев, таким образом я и возвращаюсь к возможной тесной дружбе русских и немцев. Как я себе это представляю и что я хочу получить? КГБ входит в контакт с немецкой диаспорой в Аргентине, где сплошные умные представители бывшей верхушки абвера и СС. Далее, на волне общей нелюбви к провокационно настроенной Англии, которой нельзя доверять и которая все делает только в личных

интересах, сыграть на недавнем прошлом немцев и в итоге убедить общественное мнение ФРГ в негативном последствии объединения Германии. Общественное мнение в Европе играет огромную роль — именно оно способно уничтожить любое неугодное ему правительство.

Все дело в том, что жители ФРГ не очень любят пока жителей ГДР, а подкинуть им идею о том, что раз британцы, которые уже предали Германию, так ратуют за объединение, а жители и правительство ГДР поддерживает Англию с этой идеей, значит немцы против немцев? Это вызовет неминуемый раскол внутри одного народа. Вот такая вот небольшая интрижка, которую может и, скорее всего, поддержит КГБ и ЦРУ, которым в свою очередь тоже надо отыграться за свои провалы и не пустить Англию к лидерству в мире.

Таким образом, можно сложить негласную коалицию спецслужб против Англии и МИ-5. А если убедить аргентинцев отдать англичанам Фолклендские острова, то взамен британцы могут отступить от Германии. Вот для этого мне и нужны связи итальянских семей в Южной Америке. Мне нужны их родственники, которые входят в самые верхние политические слои Аргентины и я сделаю все необходимое, чтобы подружить колумбийцев с американскими итальянцами — тогда финансовая игра ЦРУ по контролю за торговлей наркотиками в Штатах, которую я создам, продав им информацию, даст мне возможность беспрепятственно проводить в жизнь некоторые идеи и проекты. Главное желание сейчас для меня: Золотая рыбка, хочу, чтобы меня нашел тот, кто появится из Москвы. Для ребят из МГБ-КГБ нужно создать повод для активных действий и поэтому Конрад завтра выйдет на связь с Москвой. Как у них там, в сказках: Иван, конечно, полный дурак, но избушку всегда поворачивал той стороной, какой ему было надо.

27.

Мигель, ты сегодня был просто фантастичен! Честно тебе скажу, я чуть не умер. — Йоганн Бойзен говорил громко, чтобы перекрыть шум воды, которая била со всей силой из двух кранов. Доктор бросил в ванную несколько горстей морской соли с лавандой и налил коктейль из индийских масел. — Самое противное в этой жизни, что на самое прекрасное всегда очень мало времени! Ты слышишь меня, Мигель? — Доктор стоял перед высоким зеркалом в полный рост и придирчиво осматривал свою фигуру: вот здесь, на боках, небольшие отложения появились! То-то сегодня он почувствовал, как больно его ущипнул Мигель. Надо будет увеличить нагрузки — последнее время все меньше возможности посещать гимнастический зал. Это очень плохо! Этак годам к сорока пяти он будет похож на пивную кружку. Ноги еще ничего: стройные, правда, слегка икры перекачены, но главное, что здесь-то ущипнуть не за что — камень! Доктор повернулся в профиль: очень хорошо. Грудь слегка выдается вперед, живот плоский и задница не висит.

Очень хорошо. — Мигель! Не хочешь со мной? — Бойзен аккуратно попробовал ногой воду и вошел в ванную. Вода мгновенно сделала свое дело, укутав доктора шелком. От соли засадило плечи — Бойзен слегка повернул голову и увидел проявившиеся красные подтеки. Мигель слишком крепко вцепился в него сзади. Ах, негодный мальчишка, надо ему сказать, чтобы так не делал. Дня два теперь не пройдет. Силища у этого испанца была прямо таки зверская, даром, что совсем молодой юноша, но — настоящий тореро!

В этом домике километрах в сорока от Берлина было тайное убежище доктора Йоганна Бойзена. Здесь был его тайный уголок страсти и порока, здесь жил под видом племянника его жены очаровательный двадцатилетний юноша Мигель де Силва. Как его звали на самом деле Йоганн не знал, но это было все равно — пусть будет де Силва. Это имя доктор прочитал в каком-то журнале и запомнил, а когда познакомился с Мигелем, решил его так и назвать. У Йоганна была простая и очень удобная жизнь, которую он создал себе сам: жена уехала навсегда к подруге в Париж вовсе не потому что узнала о тайной склонности Йоганна к мальчикам. Вовсе нет! Она знала это с самого начала и сама с большей симпатией относилась к женщинам, чем к мужчинам. Они познакомились на корте: Марта серьезно занималась теннисом, а Йоганн был в составе сборной Берлина по гимнастике. Как-то так получилось, что они быстро сошлись именно на своих взглядах на искусство, физическое здоровье и спорт, а потом выяснилось, что и их взгляды на секс также совпадают. Когда оказалось, что для карьеры необходимо иметь соответствующую партийную характеристику, они, сидя в кафе, договорились о сделке, которая их обоих устраивала. Вот и получилась образцовая немецкая семья: никаких скандалов, никаких претензий, обоюдное взаимопонимание, уважение и интерес. Что еще необходимо было для счастья? Йоганн действительно был счастлив — карьера в партии удавалась, планы были абсолютно осуществимы, положение достаточно прочное, а впереди только победы.

Доктор вышел из ванной, одел на мокрое тело шелковый халат и босиком прошел в большую комнату, где у камина на подушках, разбросанных в беспорядке, лежал очаровательный испанский юноша. Его глаза были закрыты и он что-то тихо напевал вслед за музыкой, которая доносилась из граммофона — это была Серенада для струнных русского композитора Петра Чайковского.

Мигель, мне пора. — Юноша открыл глаза:

Ты уже уходишь? Оставь мне денег. Я хочу съездить в Берлин завтра и кое-что купить себе из одежды.

Конечно. Вот там на столике я положу столько денег, сколько ты захочешь.

Мигель позировал в Берлинской Академии живописи, ваяния и зодчества. По нему сходили с ума не только студентки, но и студенты, тем более, что в последнее время страсть к однополрой любви в Германии стала настолько модной, что можно было начинать опасаться за здоровье нации.

Я приеду через два дня, Мигель. Постарайся быть дома к семи часам вечера и веди себя прилично, милый. Ты же знаешь, я очень ревнив. — Мигель знал, что Йоганн не шутил.

Его ревность могла легко довести до концлагеря, тем более, что однажды, в самом начале их романа, доктор достаточно прямо ему это объяснил...

Доктора сегодня ждали очень важные события. Сегодня должна была произойти та самая первая стадия операции «Шотландец», которая вознесет его на самый верх в иерархии разведки. Дастин Макдауэл вчера с курьером получил от него в подарок магнитофонный аппарат, а сегодня в английском посольстве назначена небольшая вечеринка, где будет резидент английской разведки капитан Мередит Кьюз и еще несколько важных персон. Сначала Бойзен хотел передать магнитофон Дастину при встрече, но передумал и послал с курьером, сославшись на огромную занятость. Так будет лучше. Меньше шансов, что кто-нибудь увидит их вдвоем ранее запланированного срока и на всякий случай это обезопасит Бойзена от возможных отпечатков на корпусе магнитофона.

Бойзен сел в машину и направился в Берлин. Делать было особенно нечего — была суббота, но появление в канцелярии министерства в выходной день для него было делом обычным. Да и начальство всегда с одобрением отзывалось о его рвении. Он просмотрит кое-какие дела и будет ждать звонка от Дастина, который обещал позвонить сразу, как ему передадут запись оркестра Дюка Эллингтона...

...В посольском кафе шла подготовка к закрытой вечеринке в комнате приемов. Предполагался легкий ужин на семь человек, посвященный приезду Дастина Макдауэла в Берлин. Конечно, все это было сделано с небольшим опозданием, но время высоких посланников Его Величества было так плотно расписано, что и за это Дастин должен был благодарить судьбу — далеко не всех сотрудников среднего дипломатического состава встречают отдельным ужином с присутствием посла, первого и второго секретарей посольства, военного атташе, резидента разведки, торгового атташе и, собственно, самого Дастина. Жены приглашены не были, потому что мероприятие было сугубо мужским и деловым и кроме нескольких слов напутствия предполагалось обсуждение некоторых щекотливых тем, которые были наиглавнейшими на повестке дня в связи с обостряющейся ситуацией в Германии. В иерархии посольской службы чаще всего атташе по культуре не входит в число посвященных, но только не в этом случае. Германия была серьезно повернута на вопросе генофонда нации, новых философских учений арийской расы и разного рода направлений поиска своей собственной культуры. Поэтому атташе по культуре становился человеком, входящим в элиту дипломатической службы. Одного не могли понять ни посол, ни секретари посольства: какого черта на такой пост королевский двор назначает неоперившегося сосунка из Кембриджа? Во всех посольствах мира этот пост занимает (как и пост торгового атташе) штатный разведчик, в чью обязанность входит сбор оперативных данных, работа с информаторами, анализ ситуации и некоторые другие вопросы. Одним словом, сотрудники посольства пришли к выводу, что раз ситуация так сложна, видимо в МИДе решили прислать реального гражданского человека, которого не заподозрят в связях с разведкой. Дастина действительно трудно было в этом заподозрить — более наивной и слишком молодой шотландской физиономии трудно было сыскать во всей

Великобритании. Только Мередит Кьюз знал реальную цель появления этого юного спортсмена в посольстве. Или ему казалось, что он знал.

Повар был на высоте: ужин построили на рыбном меню с обязательным пивом, а ради Макдауэла поставили на стол еще и «Гиннес». Никто и не придерживался чопорных английских традиций, ведь основная часть присутствующих была или из разведки, или из бывших военных, одним словом, все когда-то принадлежали или принадлежат к старшему офицерскому составу военно-морского флота Его Величества. Поэтому без лишних политесов и все просто: разная рыба (в основном форель), креветки, мидии, лангусты, омары и несколько сортов пива. Конечно, к этому побольше овощей с лимонами для рыбы и жареный картофель. Разумеется, все курили, поэтому на отдельном столике лежали любимые присутствующими сорта сигар, табака и курительные трубки.

Итак, мой дорогой Дастин, Вы позволите мне Вас так называть? — Посол сидел расстегнув верхние пуговицы рубашки и закатав рукава. — Итак, вот Ваша записка. Надеюсь, эта модная американская музыка поможет Вам в укреплении Ваших первых контактов с немцами. Я всегда был уверен, что культура бежит впереди политики и может очень много в понимании других народов.

Спасибо, сэр, я надеюсь, что смогу делом подтвердить Ваше доверие и доверие двора Его Величества. — Дастин очень старался соответствовать моменту.

Ну что же, господа! Прошу поднять первый тот за здоровье Его Величества и Королевы — матери! Да хранит их Господь! — Посол и все присутствующие встали и выпили значительную часть налитого в бокалы бренди.

А теперь, мой юный друг, покажите-ка нам Вашу игрушку! Дайте-ка ее сюда получше рассмотреть... Вот ведь до чего дошла техника: никаких этих тяжелых блинов, никаких царапин — положил в карман, нажал кнопку... Кстати, какое питание у этой конструкции? Кто знает?

Аккумуляторные батареи, сэр. — Подал голос капитан Кьюз. — Миниатюрные батареи, как у переносных радиостанций.

Бог ты мой! Да это же просто шпионское оборудование. Давайте, Дастин, включайте свою музыку, чтобы нас кто-нибудь через замочную скважину не подслушал. Пейте свое пиво, господа, и ешьте — разговор у нас не очень длинный, но чрезвычайно важный.

Дастин аккуратно достал пленку записью, заправил в механизм и включил кнопку воспроизведения звука. Одновременно с этим включилась запись. Разговор в комнате перешел на серьезную тему и начал его капитан Кьюз.

Итак, господин посол, ситуация внештатная. Немецкое командование ведет через кабинет министров манифест о трехкратном увеличении численности армии, что подразумевает подготовку к активным наступательным операциям в Европе в направлении Рейнланда. Наши источники в абвере сообщают об активных действиях со стороны разведки по установлению возможной резкой реакции Великобритании, Франции и Италии в ответ на эту провокацию. В Стресе намечено проведение встречи глав наших Правительств.

Да, да. Я знаю, Мередит. Сообщаю Вам, господа, что тексты дипломатических протестов наших трех стран содружества уже готовятся в министерствах иностранных дел. А как обстоят дела в военных ведомствах, мистер Мидуэй? — Военный атташе просматривал какие-то бумаги и поднял голову на вопрос посла:

Сэр, французы начали активные действия по укреплению линии Мажино до военного уровня. В северной и восточной частях Франции отменены увольнительные для всех гарнизонов, а французский генеральный штаб должен в ближайшее время перебросить ряд североафриканских дивизий с юга Франции к немецкой границе. Наше военное ведомство не намечает особых мобилизационных мер, так как считает, что Гитлер не осмелится вступать в открытую конфронтацию с нашими странами. По крайней мере на этом периоде.

Знаете, что приятно, господа? — Посол добродушно улыбался. Казалось, его не очень взволновали предстоящие военные приготовления Гитлера. Мощь трех держав-союзников: Великобритании, Франции и Италии была столь явной, что все попытки Германии на этом фоне как-то не особенно впечатляли. — Приятно, что Гитлер назначает главой разведки военно-морского офицера Вильгельма Канариса. Думаю, что мистеру Кьюзу будет приятно, как офицеру флота, померяться силой наших флотов еще раз! знаете, что сказал на днях Гитлер Канарису: «Я хочу, чтобы наша разведка была чем-нибудь вроде британской секретной службы — своего рода ордена, занимающегося своей работой с пылом». Не скрою, мне было очень приятно, когда мне доложили о такой оценке пусть даже и такой мерзости, как этот австрийский неудачник!

Я не очень уверен, господин посол, что надо успокаивать себя. — Мередит Кьюз постарался перевести разговор в менее эмоциональное русло. — Гитлер усиливает органы разведки. Вот, например, в феврале этого года Геринг получил одобрение фюрера на создание агентства радиоразведки. Все-таки, мне кажется, мы должны быть внимательнее и осторожнее в оценках действий нового руководства Германии.

Конечно, Вы правы, мистер Кьюз, но давайте поймем одно: ни Ваше ведомство, ни военное министерство Его Величества, в целях нежелания обострять и так уже до предела напряженную международную обстановку не собираются предпринимать серьезных шагов в ответ на военные инициативы Гитлера. Так?

Совершенно справедливо, сэр.

Таким образом, мы должны работать в соответствии с позицией Лондона в военном вопросе. Я думаю, что дипломатических нот протеста наших трех стран будет достаточно, чтобы указать Гитлеру его место — он же не сумасшедший, в конце концов?

Все правильно, сэр. — Военный атташе согласно кивнул. — Но, мне кажется, что необходимо дать понять, что Британия всегда готова на адекватные меры, если Гитлер перейдет границы дозволенного.

Хорошо. Так и порешим. Что же касается аккуратного доведения до чиновников правительства Гитлера нашей позиции готовности к таким мерам, это работа уважаемого мистера Кьюза. Все, господа, на этом, я думаю, можно и перейти к удовольствиям:

полноценно вкусить даров моря, пива и хорошего табака, а мы послушаем мнение мистера Макдауэла — как он собирается образовывать проклятых немцев! Кстати, вот эта музыка, которая играет сейчас, американцы должны нам вами за то, что мы бесплатно пропагандируем их джаз! — Все засмеялись и последующие разговоры уже не представляли особенной ценности, хотя диктофон продолжал записывать сальные матросские шуточки и анекдоты, хохот и пустую болтовню, освободившихся от пиджаков старших дипломатов, которые видимо решили выпить все пиво, которого было не мало...

...Часов около десяти в кабинете доктора Бойзена в германском Министерстве иностранных дел прозвенел телефонный звонок:

Алло, слушаю. У аппарата доктор Бойзен. Кто это?

Здравствуйте, господин Бойзен. Вас беспокоит Дастин Макдауэл. У меня для Вас хорошие новости: мне удалось достать запись оркестра Эллингтона и если Вы не очень заняты, мы могли бы встретиться в удобное для Вас время. — Голос Дастина был веселым от пива, настроение отменным от хороших напутствий старших товарищей и оттого, что теперь, как ему казалось, его отношения с чиновником германского МИДа еще более укрепятся.

Что Вы говорите, милый Дастин! Боже мой, я так рад, что Вы себе даже представить не можете. Конечно, конечно. В любое время! Хотите, прямо сейчас — есть у меня одно потайное местечко, где нам никто не сможет помешать. Скажите, а диктофон, чтобы прослушать запись, у Вас есть? — Этого Бойзен опасался больше всего. Ведь, если Дастин решит прослушать запись еще раз, то он услышит не только джаз, но все разговоры, которые велись в комнате.

Нет, увы, господин Бойзен! Мой коллега, мистер Кьюз попросил у меня на один день Ваш подарок, чтобы что-то там попробовать прослушать.

Доктор знал, что собирался сделать Кьюз — он собирался разделить записывающую и воспроизводящую головки.

Ну это ничего — у меня же есть еще один дома. Слушайте, а это идея! Давайте-ка встретимся без женщин, вдвоем у меня дома, послушаем музыку и отметим этот случай. А? Так сказать, в неофициальной обстановке обсудим наши дальнейшие планы. Я Вам покажу мою коллекцию холодного оружия. Как Вам предложение?

Отличная идея, Йоганн, а когда? Завтра?

Да чего же ждать! Я сгораю от нетерпения услышать запись. Давайте я заеду за Вами через сорок минут. Договорились?

Договорились, герр Бойзен.

Йоганн! Дастин, пожалуйста, зовите меня просто — Йоганн.

Хорошо, Йоганн, я жду Вас через сорок минут.

Доктор действительно сгорал от нетерпения. Пленку надо поскорее убрать в сейф, а слушать они будут ту, другую, что уже давно там находится. Дома у него лежит точно такая же пленка с записью джаза Дюка Эллингтона, которую еще неделю назад ему передал Мередит Кьюз.

«Кажется, еще никого не отпевали при жизни под джаз — этот молодой человек будет первым. Неприятно, конечно, зато — не так грустно. Во всем есть положительные стороны!» Доктор аккуратно вывел свой чистенький автомобиль из-под арки министерства. Он ненавидел, когда машины грязные, неопрятные или имеют какие-нибудь внешние дефекты. Все должно быть аккуратно и красиво, даже чужая смерть.

28.

В Специальном отделе Иностранного управления МГБ можно было подобрать себе любые документы. Можно было найти официальные подтверждения не только своего нового рождения, но и собственной «смерти», почитать некрологи, стенограммы выступления своих друзей над собственной могилой, оценить меню печального торжественного ужина в честь своего ухода в мир иной и подсчитать во что обошлись друзьям и коллегам твои проводы. Можно познакомиться поближе со всеми, кто присутствовал на твоих похоронах и понять: кто действительно был усопшему другом, а кто так — забыл, как только крепко выпил. Это было крайне необходимо, так как «второе пришествие» на эту землю запросто может сопровождаться неожиданными и случайными встречами с бывшими знакомыми по «первой жизни». Конечно, портретное сходство также необходимо. То есть, идеального сходства добиться практически невозможно, но близкого — да, возможно. Здесь есть очень удобная лазейка: ведь тот, кто присутствовал на твоих похоронах, а потом встретил тебя на улице, обязательно решит, что ему необходимо отдохнуть — «крыша съезжает»! Этот человек никогда не будет докапываться, кто ты и ты ли это, потому что он сам тебя хоронил. Ему придется сразу выбрать из двух существующих вариантов: либо он псих, либо ты — это не ты, а кто-то очень похожий на тебя с таким же именем. Люди охотно верят в летающие тарелочки, пришельцев, реинкарнацию и еще Бог знает что. Единственное правило, которое существует при вхождении в образ, тщательно избегать таких контактов и не использовать никого из прежней жизни «клиента». Желательно переехать в другую страну, на другой континент, официально сменить имя, чтобы всегда можно было проследить точку отсчета нового персонажа и завести себе в кратчайшие сроки побольше знакомых, в том числе и любовниц. Любовница — это хорошее алиби. Они всегда будут говорить, что знакомы с тобой очень давно, ибо, во-первых, чтобы держать пальму первенства перед другими, а во-вторых, женщины не любят признаваться в том, что легли под тебя как только познакомились. Таким образом, женщины сами выращивают твой срок пребывания в образе, надо только умело этим руководить.

Типичный диалог двух дам, вдруг осознавших, что обе уже «молочные сестры»:
Милочка, а ты его давно знаешь? Вы давно знакомы?

Месяца два (Врет, конечно, ибо я-то знаю, сколько всего раз мы с ней были знакомы!).

Смотри, дорогая, я его знаю больше года — это очень опасный человек (Тоже врет — я с ней ни разу не был знаком!).

Как Сергей и рассчитывал, на третий день после его беседы в кабинете у Леопардовича, было принято положительное решение о переходе операции в зарубежную студию. Название дали бесхитростное, но точное — «Конрад» — об этом Трошина уведомили в Спецотделе ИНО. На подготовку легенды, подбор документов и прочее выделили всего несколько дней, потому что не предполагалось каких-либо сверхсекретных проникновений, контактов и тому подобных действий, которые требуют более тщательной подготовки. В общем бардаке, царящем в Европе после войны, люди появлялись и исчезали, и опять проявлялись в других частях света с такой легкостью, что это никого не удивляло. Основным действием при подборе легенды и образа, с которым придется работать, было лишний раз убедиться, что в церковных и гражданских книгах записей о смерти (по месту этой самой смерти) отсутствует эта самая запись. Но это было заботой Спецотдела — вся документальная бюрократическая подготовка. Лучше всего, если твой новый образ исчез с лица земли в какой-нибудь групповой авиационной катастрофе, когда тела никто не видел, а родственников у него не было. После войны найти такой вариант было не очень сложно, хотя чаще всего встречались лица еврейской национальности, но мне в данном случае это никак не подходило — ехал-то Сергей в Аргентину, где придется общаться с людьми, кто эту национальность не очень любил, скажем так. Да и похож он на еврея, как бульдог на носорога.

Профессия журналиста самая подходящая для тех, кто хочет что-нибудь узнать. Только людям этой профессии (конечно, кроме прокуроров) прощают любые вопросы, поэтому Трошин и избрал эту легенду. Подтвердить свою принадлежность к журналистике не так сложно: в той же ФРГ развелось такое количество бульварных газетенок, которые появлялись и исчезали чуть ли не каждый день, что привести с десятков громких названий при ответах на вопросы будет не сложно. Что же касается значительных изданий, что на Западе очень распространена так называемая «фрилансовая» форма работы, что в переводе на русский обозначает — внештатный сотрудник, поэтому сказать несколько правильных слов про сотрудников и руководство, ну, скажем, «Берлинер Цайтунг», не составит никакого труда. Вопросом, который чаще всего к нему будет обращен и со стороны противников нацизма, и со стороны его сторонников: что он делал во время войны? Но и это отработано: во время войны Сергей (который теперь совсем даже не Сергей) работал в Швейцарии и Австрии в качестве корреспондента нескольких международных информационных агентств по вопросам политики и экономики.

Словом, дело было сделано и Трошин прощался Москвой. Прощался в одиночестве за бутылкой водки. Потом заехал попрощаться с Вазгеном, который передал ему кучу всяких пакетиков с какими-то травами для своего аргентинского повара. Он еще раз подтвердил ему, что наводил правки и повар жив, здоров и работает все там же — отлегло, значит, найдет.

В спецотделе управления, где умеют подделывать абсолютно все, проставили необходимые отметки в паспорт гражданина ФРГ: выездные визы из Франции, въездные, полугодичной давности, в СССР и выездную визу отсюда же. Снабдили деньгами и подобрали неплохой гардеробчик, вплоть до французского мужского белья, расчески и домашних тапочек американского производства. Отправляться Трошин должен из Одессы советским пассажирским теплоходом через Варну до Стамбула. Там он сойдет на берег и отправится поездом через несколько стран в Париж, потом в Бельгию, где пересядет на поезд до Амстердама, а далее, опять пароходом в Англию. Потом его маршрут проляжет самолетом в Штаты и оттуда пароходом в Аргентину. Вот такая вот конструкция, рассчитанная месяца на три-четыре, потому что в каждом месте прибытия Трошин должен слегка обжиться и писать статьи в разные издания мира под своим новым именем Клаус Мозель. Необходимо, чтобы первая статья Мозеля была опубликована месяца за три до прибытия в Аргентину. Все статьи должны иметь четкую экономическую и политическую направленность — немцы в Аргентине, развитие Аргентины при немцах и их влияние на экономику, немцы без немцев ну и так далее. Обладая самой тонкой информацией по этим вопросам, которой его снабдили в Москве, он не только печатается и создает себе профессиональное алиби, но и должен получить ряд заказов от европейских газет на публикации. Таким образом, появление Сергея в Аргентине будет оправдано с нескольких позиций: длительное журналистское расследование, которое требует эксклюзивных материалов с места событий и выполнение обязательств перед изданиями. Словом, он может задавать вопросы, не заботясь о том, что они вызовут нездоровый интерес, а любая проверка его личности установит, что Сергей действительно ведет эту тему в разных газетах, все время путешествует по разным странам и имеет аккредитации и доверенности от нескольких европейских изданий.

В финансовом управлении КГБ давно уже выработали схему, когда сотрудник-нелегал обеспечивается законным бизнесом и в короткое время переходит на самофинансирование. С одной стороны, это — хорошо, потому что потом (если оно будет — это «потом«!) не придется отчитываться за каждую копейку, а с другой стороны, это очень хорошо, потому что — пошли они все на хрен со своими «можно и нельзя»!

...Одесса, как Одесса, Болгария, как Болгария, а Турция — все тот же Азербайджан. Сергей почувствовал себя в покое, когда поезд прибыл в Париж. Ах, эта Франция! Страна бездельников и болтунов. Страна необязательных людей и скучных женщин, которым не наплевать только на самих себя, поэтому опасаться французской полиции не за чем — если ты не совершил какую-нибудь глупость и не попал в участок — никто тебя не тронет. Если попал — берегись: французская криминальная полиция самая жестокая в мире. У них отсутствует всякая презумпция невиновности. Закон один: если попался, значит виноват уже в том, что попался, а в чем-нибудь уж ты точно виноват. Поэтому если не расскажешь — в чем — тебя так отделают, что ты примешь все их предложения (через пять-шесть допросов) и признаешься во всем, вплоть до покушения на генерала де Голля, подготовку третьей мировой войны и создание СС в Германии в тридцать третьем.

Французы — зануды, скупые и обидчивые, плохо пахнущие и плохо одевающиеся люди. Все эти истории про французскую любовь и мушкетеров придуманы лишь за тем, чтобы создать ауру необыкновенной нации. А ведь по сути-то, французскую любовь придумали не женщины, а мужчины, которым было противно раздевать своих женщин, от которых дурно пахло, которые узнали про мыло и начали мыться последними в Европе. Да просто они не хотели заразиться всякими дурными болезнями, которые гуляли по Франции, как хотели!

Франция пятьдесят пятого года — это праздник длиной в десять лет. Десять лет после окончания войны французы гуляют. Очередная Республика, очередные внутривнутриполитические интриги и много вина — вот и все, чем занималась Франция, которая привыкла к тому, что на ней всегда отдыхала вся Европа. Именно этого Франция жаждала более всего: «Я девушка легкомысленная — отдохните на мне!» — лозунг всех французов, которые с большим удовольствием сдадут Вам комнату и свою жену, но только, за хорошие деньги. Все остальное их в Вас не интересует. Сергей даже не почувствовал, что его, как немецкого журналиста не любят — совсем даже наоборот. К нему относились, как к представителю победителя, которому в свое время удалось поиметь их по полной программе. Ведь, кроме движения Сопротивления, которое было вовсе даже не столь мощным, как теперь говорят, все остальные французы спокойно и флегматично относились к появлению немецкой армии во Франции в начале сороковых.

Для Трошина, который прекрасно владел немецким, английским и испанским языками не составляло труда быстро находить новых знакомых, потому что французские издали слишком жадны и ленивы, чтобы получать информацию, направляя своих корреспондентов в другие страны. Им кажется, что экономика и политика всего мира — это не более, чем точная копия того, что делается во Франции. Поэтому предложения о публикации материалов Клауса Мозеля, в качестве специального внештатного корреспондента, не спотыкались даже о финансовый момент — этот самый Мозель не торговался, а брал то, что предлагают, просто раз от разу чуть повышая цену на свои статьи франков на десять-пятнадцать, не более. Это моментально подружило его с французскими журналистами, которые публиковали свои статьи, ссылаясь на него в прессе. А Мозель продавал им материал совсем недорого, получая при этом лишний раз упоминание своего имени в газетах. Когда Сергей понял, что схема заработала, он двинулся далее по маршруту в Бельгию, Нидерланды и Англию.

Один раз произошла неприятная ситуация: в ожидании отплытия своего судна в Англию, в порту Амстердама, он вдруг наткнулся на знакомую физиономию, которая сидела в двух столиках от него и разговаривая с каким-то весьма приятным чуть седоватым мужчиной, пила пиво. Сергей заметил старую и хорошо известную ему привычку майора Томилина не платить за себя он увидел, что после короткого разговора, Томилин встал и пошел к двери, а оставшийся за столиком мужчина просто крикнул бармену, что оплатит счет этого русского. Откуда здесь в Голландии Томилин? Ходит на судах? После неприятной истории в Германии, когда Томилина прищучили на взятке, которую ему дал одна немка, чтобы он отпустил фашистского офицера из-под ареста. Он взял у нее серьги с бриллиантами, брошь

с изумрудами, столовое серебро, перстень с сапфиром и ее саму. Да так, что, кажется, решил отыгаться на ней за Москву и Сталинград, а ее мужа не отпустил. Хотя, по правде сказать, офицерик-то был никчемный — какой-то там интендант хозяйственного склада. В общем, она потом приползла к нашему командованию с разорванной наполовину маткой, синяя от побоев и с задницей на ушах. Томилину просто не повезло: девка была очень красивая и именно это добило командование — они отправили Томилину от греха в Москву, а из Москвы его отправили на север в управление разведки флота.

Сергей подумал, что этот мужчина Томилину не знает: это было видно по всему. А вот за майором Трошин решил немного пройти, но только очень аккуратно, чтобы тот его не заметил. Видел, как Томилину зашел в кафе и купил там пакет кофе, вышел и направился к пирсам, где стояло наше судно: «Ну и ладно. Повидались и будет». Время подходило и Трошин по пути к своему причалу, от которого отходил его корабль в Бристоль, нос к носу столкнулся опять с господином, который разговаривал с Томилиным в портовом кабаке. Они обменялись взглядами и улыбнулись. Мужчина поднес правую руку к козырьку своей шляпы и чуть дотронулся до нее двумя пальцами. Они разошлись на узком тротуаре и Трошин ускорил свой шаг — до отплытия оставалось чуть более полутора часов.

Всю эту достаточно длинную дорогу до Аргентины Сергей должен провести в абсолютно автономном режиме. Ни один из резидентов советской разведки не знал и не должен был знать о его появлении в их странах: для них, если бы они встретились, он был Клаусом Мозелем и только. Контроль за операцией вел лично Симанович и операция «Конрад» носила гриф «совершенно секретно» даже для высших сотрудников советской разведки, исключая двух-трех человек. Сроки всей операции строго не устанавливались, но то что найти Конрада Трошин должен был до конца этого года — это не только не обсуждалось — это был приказ, за невыполнение которого Сергей мог быть похоронен, как Клаус Мозель на одном из немецких кладбищ Буэнос-Айреса. Там, в Аргентине, в случае крайней необходимости, Трошин может воспользоваться помощью резидента нашей разведки полковника Данилина, но только в самой исключительной ситуации и в пределах некоторых общих черт операции без обозначения цели и объекта.

...Если бы Сергей знал, что только что на улице, недалеко от любопытного китайского заведения, он поздоровался с Конрадом...

29.

Из окна моей квартиры на авенида Флорида, которую я купил очень давно, и сдавал в мое отсутствие в стране (что очень выгодно: меня нет, а денежки капаят), был очень хороший вид на город. Вообще, этот район, пожалуй, самый дорогой в Буэнос-Айресе. Здесь всегда

много народа и, в случае крайней необходимости, в любое время суток можно смешаться с толпой. Флорида — пешеходная улица, здесь самые дорогие бутики и магазины, но не это меня привлекает. Меня привлекает то, что если мне нужен кто-нибудь из сильных мира сего, их супруги или секретари, то я обязательно встречу их здесь. Потому что именно здесь они тратят свои деньги, именно здесь они показывают свои обновки и своих новых любовников, которым покупают всякие дорогие безделушки.

Этот район для меня ценен еще и тем, что Флориду пересекает другая пешеходная улица — Лаважже. Это улица дешевых ресторанчиков, кинотеатров, универмагов и залов для игры в бинго. Именно здесь мне легко встречаться с информаторами, коллегами по интригам и политическими сутенерами. В постоянно говорящей, жестикулирующей и двигающейся толпе легко затеряться и остаться не узнанным, потому что аргентинцы ни на кого не обращают внимания, кроме себя.

О, это отражение в витрине дорогого магазина! Украшения из бриллиантов и изумрудов, оправленных в замысловатые рисунки из платины и золота красиво смотрятся на Вашей шее, когда Вы подойдете ближе к витрине и станете поудобнее. Платья от парижских портных с диковинным шитьем по китайскому шелку открывают больше тела, чем закрывают. Пояса с пряжками из лунного камня и кварца с капельками пиропоса и оливина для того, чтобы слегка обозначать бедра и направлять Ваш взгляд именно туда, где под пряжкой хранится самое дорогое удовольствие для мужчин, за пользование которым приходится платить годами. Дамы доступных лет подходят к этим витринам и заводят разговор с мужчинами. Разговор беспредметный, ибо как на выставке все предметы перед Вами — совместите их в Вашем воображении, оцените их стоимость и ваши шансы на пользование этой конструкцией, а потом и думайте: стоит это все Ваших усилий или проще направиться в район старого порта, где все то же самое и с большей отдачей, но не за такие деньги!

...Недалеко от президентского дворца Каса-Росада, где находится банковский квартал города, сегодня в три тридцать, когда город будет спать, томимый жарким летним солнцем, в старой Ратуше, я должен встретиться с пожилым господином, который знает, что мне нужно. Этот господин контролирует отправку наркотиков в страны Европы через порт Буэнос-Айреса. Господина зовут Хорхе — и это все, что о нем надо знать. Толстый, добродушный, любящий своих внуков до умопомрачения, в любую жару в твидовом пиджаке с десятком мокрых от пота носовых платков, что-то непрестанно жующий и, кажется, родившийся со стаканом в руке. Он не сильно отличается от многих господ, которые делают деньги. Он выглядит постоянно уставшим и пьет разбавленное содовой водой дешевое вино не из-за экономии, а просто, чтобы чем-то занять свое время, которого у него осталось не слишком много. Его схема четко отработана и все ждут его команды, когда придет из Колумбии груз. Ждут таможенники, ждет полиция, ждут чиновники в правительстве, ждут банкиры, ждут грузчики из специальной бригады, ждет пароход у пирса, ждут люди в Америке и Англии, которые продают и покупают. Ждут те, кто потребляет, когда он начнет расползаться мелкими партиями по всему миру, чтобы купить

дозу и сбежать от реальности на очень короткое время. В этом нет несправедливости: каждый получает то, что хочет — кто-то деньги, кто-то кайф. Каждому — свое. И никому нельзя запретить быть счастливым, хотя бы пять минут. Деньги — это тот же кайф, но как любое удовольствие, и то, и другое быстро заканчиваются. Поэтому, люди, зарабатывающие деньги, те же наркоманы, только вот кто из них опаснее для общества, сказать трудно. Я знаю, что для нормального общества опасны — люди, потому что, что бы они ни делали — они всегда все делают во вред себе.

Мне ждать его не пришлось: ровно в половину четвертого, истово перекрестившись немыслимое количество раз и поднеся щепотку ко рту для поцелуя, старый Хорхе, тяжело кряхтя, шел по проходу церкви. Место спокойное и тихое, эхо разносит только дыхание, а слов не разобрать. Здесь можно сидеть часами и только доброжелательные улыбки служителей поддерживают тебя в мысли, что Богу угодно то, что угодно людям (не всегда же может быть наоборот — сделка есть сделка). Ну, это Божье дело — думать, что ему хочется, а мне хотелось побыстрее решить несколько вопросов.

Что привело Вас, сеньор, в наши края?

Ужасная духота в Америке — влажность, сеньор Хорхе. А где Ваш стакан?

Я его оставил при входе. Негоже Богу видеть несчастного старика со стаканом в дрожащей руке — еще подумает, что это последнее, на что у меня хватает сил. Не хочу давать ему повод думать, что мне больше нечего делать на этой земле.

Богу даже не придет в голову такое. Не думаю, что он готов думать о нас, грешных.

Не богохульствуйте, юноша. Богу всегда есть дело до нас, как пастырю об овцах заблудших, презревших долги свои перед небом и обретших грехи в непослушании своем.

Вы, сеньор Хорхе, просто как мой знакомый налоговый инспектор в Нью-Йорке...

Типун тебе на язык, Антонио! Слава Богу, мы не в Штатах. Слушаю тебя. С какими новостями пожаловал — давненько тебя не было в наших краях. Люди говорили: высоко летаешь — орлы завидуют. Ладно, чего попусту тратить время и зубоскалить — говори.

В Америке у итальянцев с молодыми сицилийскими организациями серьезная проблема. Молодежь перестала уважать закон. На улицах беспредел — невозможно контролировать рынок. Поэтому, мои друзья хотят навести порядок и предлагают продавать им Ваш товар по цене ниже той, которую платят сицилийцы и количество в первые полгода должно быть снижено вдвое.

А ведь ты перегрелся, Антонио! Солнце Аргентины слишком жаркое в этом году. Оно высушило твои мозги, или я уже слишком стар, чтобы поспевать за твоими мыслями? Ты приезжаешь и говоришь: старый Хорхе, пора тебе обанкротиться, но перед этим — добро пожаловать — положи свою голову на плаху! Что там у тебя за сюрприз? Мы люди старой закваски — нам и так трудно становится работать! Вроде бы и на одном языке говорим, но друг друга не понимаем. Все куда-то спешат, говорят какие-то странные слова, нет никакого уважения к старшим — мир катится в пропасть, Антонио.

Сеньор Хорхе, предложение основывается на серьезной поддержке правительства США, ну и нескольких моих старых друзей.

Ну про правительство мне говорить не надо — у меня их столько было. А эти твои друзья... Они готовы навести порядок на рынке — без стрельбы, чтобы цивилизованно и тихо? Без ущерба для нас?

Не только это. Они готовы предложить Вам транспорт в Европу и рынки сбыта, включая восточную ее часть. — Глаза старика были чуть прикрыты, но после этих слов он веки слегка приподнял:

Шутишь со стариком, Антонио? Тебе отец не говорил, что это грех — шутить над старшими? Ты же знаешь, Антонио, что свои слова ты уже не можешь взять назад.

Я бы помнил, если бы вспомнил отца, сеньор Хорхе. Что же касается того, что я сказал: молодые сицилийцы по глупости своей или недопониманию обидели несколько очень уважаемых граждан Америки из наших итальянских друзей. У них в свою очередь есть друзья-сенаторы, которые обеспокоены ситуацией в стране. А у друзей есть друзья друзей и их сенаторов, у которых есть друзья...

Все, все, все! Помилуйте меня, Всевышний и Пресвятая Дева Мария, от этой болтовни! Ты когда-нибудь повзрослеешь? Ты хочешь сказать, что дело зашло слишком далеко?

Настолько далеко, что Вы рискуете больше, чем когда-либо. С молодыми сицилийцами итальянские семьи разберутся в конце концов. Но, война может затянуться, Вы же понимаете... А какой может быть бизнес во время войны?

Ну, это по-разному бывает... Хотя сегодня не хотелось бы устраивать проблему, если ее можно избежать. Так ты хочешь, чтобы колумбийцы встретились с твоими друзьями? Ты уверен, что встреча что-то решит?

С некоторыми из них. Уверен, что они договорятся.

Ну, хорошо, попробовать можно. Почему бы и не попробовать? Я-то тебя знаю, ты сам себе вредить не будешь. Ты же не псих! Колумбийцы — ребята очень резкие, нервные и непредсказуемые. С ними играть в игры, все равно что гранатой в теннис. Да и знаем мы, что там дела какие-то глупые происходят — торговля страдает. Скоро внуков кормить будет нечем. Мы давно хотим привлечь к работе власти Америки. Но, понимаешь, десяток полицейских и судей — это не решение проблемы. Что они могут? Срок скостить? Да разве в этом дело — в тюрьме ведь в любом случае сидят те, кому за это платят. Нет. Если ты говоришь о том, о чем мы думаем — это хорошо! Вовремя пришел. Надеюсь только, что ты не превратился в глупого янки с гамбургерами за обеими щеками. А теперь скажи старику: тебе-то что надо? Ну поставим под контроль полиции наркотики, ну, дашь людям спокойно спать и зарабатывать, тебе-то что за дело? Или ты вошел в этот бизнес? Что-то я об этом не слышал. Или слух подводить стал?

Просто услуга, сеньор Хорхе. Просто услуга.

Вот и давай про это — от меня чего хочешь?

Сеньор Хорхе, я, как Вы знаете, консультирую многих людей по многим вопросам. В частности сейчас я занят созданием разных рынков в Германии и Австрии...

В какой из Германий, сынок?

В обеих, сеньор, в обеих. Так вот, здесь есть новые люди, с которыми мне хотелось бы познакомиться. Многие приехали, пока меня здесь не было. Я хотел бы иметь информацию обо всех прибывших за последние шесть месяцев. Все знают, что Ваши связи с правительством столь обширны. Многих я знаю — из бывших, которых продолжают слушать по обе стороны границы. Но меня интересуют вновь прибывшие. Поможете?

Ты что, гостей ждешь?

Очень может быть, что — да.

Да, что тебе сказать: пара писателей, пять-шесть журналистов, которые здесь обосновались, три-четыре афериста, с десяток беглых уголовников, несколько не очень удачливых дельцов. А симпатичных женщин — штуки три, не более. Ты ведь большой грешник по этому вопросу, Антонио?

И да, и нет. Только в этот раз, думаю, мне нужна не женщина.

Ты меня пугаешь, сынок. Я слышал, что у вас там в америках-европах все чокнулись и путают мужчин и женщин. Надеюсь, к тебе это отношения не имеет?

Нет, ко мне — не имеет. А интересуют меня сейчас мужчины и, скорее всего, те, кто вхож в местное немецкое общество или крутятся где-то рядом: немцы, испанцы, австрийцы.

Да здесь нет австрийцев, сынок, здесь одни только «австрийские наследники». Хе-хе. — Старик хитро посмотрел на меня, но тут же перекрестился. — Будь они все неладны, устроили бойню. А чего ради, скажи мне, старику? Кстати, вчера мне один старый знакомый задал вопрос: чего, мол, Антонио Сото пожаловал в страну? В отпуск, что ли? Что прикажешь мне ему ответить?

Смотря, кто спросил. Если хороший человек — смотрите сами, а если плохой — стоит ли вообще разговаривать?

Хороший, хороший — начальник политической полиции Буэнос-Айреса спросил. Ну, так я ему сказал, что в гости ко мне приехал — по делам нашим общим. Как, хорошо ответил?

Спасибо, сеньор Хорхе. Я Ваш должник. Кстати, Ваш этот старый знакомый — он по-прежнему интересуется искусством и живописью? Есть у меня на примете одна вещь — недавно сюда попала прямо из Голландии. Наверное, на миллион тянет, если присмотреться!

Вот оно как! Я тоже в молодости мечтал быть писакой или художником — ничего не вышло. Но, чтобы за картинку — миллион? Совсем люди с ума посходили! Скажу ему про картинку. Говоришь, она здесь, в Буэнос-Айресе? Наверное, ее хозяин продать захочет потихому или охрана ему потребуется, посмотрим. И за это тебе спасибо. Кстати, а мой этот старый знакомый еще очень хочет младшего своего куда-нибудь в Нью-Йорке пристроить: в академию там или в это, как его, в ЦРУ... Мечтает, понимаешь, сделать из парня борца международного масштаба за свободу своей собственной семьи.

А Вы ему и скажите, что мечты чаще всего сбываются, когда мечтаешь вслух с тем, с кем надо.

Ну, и хорошо, и хорошо, сынок. Значит, я тебе опять должен? Ты же знаешь, как я долги копить не люблю — они спать мешают. Значит, говоришь, тебе надо познакомиться с новыми наци? Рискнешь ведь, парень! Знаешь сам: с кем общаешься — так о тебе и будут говорить. Они, конечно, имеют влияние и вес пока, но за ними стали очень внимательно наблюдать. Появилось очень много людей, кому охота все про все разузнать: как было, что было, где их главари, где деньги? Вопросы задают. Кто их знает — кто они такие, эти любопытные? Тебе, получается, и они нужны — которые расспрашивают? За последние полгода, говоришь?.. Мне, ясное дело, наплевать на них — на этих фашистов. Но раз они существуют, значит это кому-нибудь надо, правда? А если ты решил кому жизнь испортить, что же... Пусть тонут, если только не во вред друзьям. Ты же не будешь осложнять жизнь старому Хорхе? Надеюсь, ты остался приличным человеком, а то ведь можно всех друзей потерять! Хотя, друзей ты, вроде, всегда умел выбирать.

Вы всегда все правильно понимаете, сеньор Хорхе!

Ну да, ну да... Ладно. Дело твое. Дня два надо, чтобы все оформить как следует. Тут через неделю, в пятницу, Президент дает ежегодный бал во дворце Каса-Росада. Народу навалит! Приходи, познакомлю кое с кем. А уж те, кто тебе нужен, точно туда придут — вот и будешь выбирать! А про картинку — это ты лихо вернул! Чья, говоришь, картинка?

Рембрандта. Эскиз к картинке.

Ну да, ну да. Эскиз, значит... На миллион? А самой картинки, значит, нет?

А сама — в музее Амстердама. Там и эскиз этот висел до войны.

Ну да, до войны, значит, висел... О хозяине попозже поговорим? Ну и хорошо. Все. Вышло твое время — мне к внукам пора. Заглянешь завтра, часиков в девять вечера на ужин? Обещаю тебе знаменитый колумбийский бандеха пайса. Это, знаешь, говяжий фарш с сосисками и бобами с бананами и авокадо. А потом жена сделает маисовые блины с кокосовым маслом и горячий шоколад с сыром и хлебом. Согласен?

Слюни уже потекли, сеньор Хорхе!

Слюни-то подбери, подбери. А то собаки след возьмут. Ну, прощай. — Старик охнув поднялся и пошлепал к выходу.

У самых ворот его ждали два парня и настоятель церкви. В руках у настоятеля был стакан с разбавленным вином. Хитрый старик. Уважают его здесь и, ошибись я сегодня в предложении, он выпьет за упокой моей души, а не за здоровье. Ничего личного...

Рискую. А что делать? По-другому здесь нельзя. Работать труднее всего именно в Южной Америке, если не знаешь ее законов. А законов здесь много и их надо знать. В Европе: заплатил деньги — человек твой. А здесь не так: деньги сами по себе ничего не значат, даже, если их очень много. Здесь важно, как ты их предлагаешь, кому и за что. Одна ошибка — деньги, конечно, возьмут, но и душу и тело — тоже.

Ладно, через два дня узнаю про всех, кто сюда попал за последние шесть месяцев любыми путями и в любом качестве. Если я не ошибся в подсчетах — он должен быть уже здесь. Потанцуем? Как насчет танго «Любовь и Кровь»?

Лаура сидела в кафе в центре Берлина перед полной чашкой кофе и рисовала ложечкой на скатерти невидимые узоры. Письмо Конраду отправлено — скоро будет приговор. Зачем? Зачем все это? Все эти годы она ни разу не задала себе этот вопрос. А сейчас? Что-то не так? Да нет, все как всегда: деньги, развлечения, мужчины и женщины и опять деньги, которые сваливаются на нее, как неба. Так в чем же проблема? Запуталась. Совершенно не понятно, что же дальше. Она видела не раз, как исчезали люди, которых касалась она руками и губами. Точнее сказать, она этого не видела — просто они исчезали и все. Ее это беспокоило? Абсолютно нет! Пару раз она задала вопрос Йоганну, что с этими людьми и получила короткий ответ: «Тебе это не понравится». Она предпочитала не знать. Но день за днем становилось страшнее: если со всеми так — значит, и с ней могут так же? Уехал муж в очередную командировку и вот уже две недели, как нет от него ни звука. Спросить у Бойзена? А если он ответит так же? Уехать? Куда и как? Она даже по Берлину ездила только после разрешения доктора. Она больна. Чертов доктор! «Согласись, если он скажет лечь на улице и раздвинуть ноги, ты будешь лежать, зажмурившись от страха, пока он не скажет уходить! Ведь так?» Конечно, так. Стыдно и страшно.

Вот скоро исчезнет и Дастин. В чем он виноват? В том, что просто молодой дурак? А если его предупредить — пусть уезжает. Все ему рассказать: и про Бойзена, и про аргентинского дядюшку, и про гестапо, которое за ней следит вот уже который месяц? А откуда я знаю, кто против кого теперь играет? Казалась себе Матой Хари и забыла, как закончилась ее жизнь. В последнем письме Конрад написал, что я должна на четвертом месяце беременности уехать во Францию и там родить. Почему не раньше? За эти четыре месяца может произойти все что угодно. «А что если не рожу? Выкидыш там или еще что-нибудь? Надоело. Страшно. Как он написал: береги себя! Звучит, как угроза. Кто должен меня отправить отсюда? Бойзен или гестапо? А Эльза? Что будет с ней? Ни одного ответа. Сплошные вопросы! Она ведь и про беременность Эльзы написала, а может зря? У него теперь есть выбор: она или Эльза. Идиотка безмозглая — ну кто ее просил все рассказывать? Сама теперь и виновата в том, что обязательно случится. «Боже, как я боюсь этой беременности. Как я боюсь рожать!! Боже, Боже! Ну зачем?» Лаура встала и, оставив рядом с чашечкой две марки, вышла на улицу. «А если Конрад и Бойзен знают все и играют в одну и ту же игру?» Вопросы, как ветер, трепали нервы, как прическу. Впервые за эти годы Лаура не смотрела на себя в витрины магазинов — ее отражение ее пугало, как будто она боялась, что оно сейчас повернется и уйдет в другую сторону, оставив ее одну на этой улице. Бойзену нужен Дастин. Конраду нужен ребенок. А она? Кому нужна она? Нужна была мужу — он ее правда любил. Где он теперь? Скорее всего, она нужна гестапо. Господи, как жутко на сердце!

Лаура шла на почтамт. Письмо от хозяйки той милой квартиры в Париже, где она так счастливо жила, наверное, уже ждало ее. Кто бы ни проверил — письмо было настоящим. На самом деле, сегодня, к ее удивлению, было не письмо, а телеграмма: «Милая Лаура! Я так счастлива, что у тебя будет ребенок! Можешь приезжать вместе со своей служанкой — места хватит всем!» Без подписи. Ну, вот. Теперь остается сказать об этом Бойзену. Что он ответит? Хочется поскорее уехать...

...Дастин стоял на улице уже пять минут. Из-за поворота выехала автомашина и аккуратно остановилась рядом и из двери выскочил Йоганн Бойзен:

Простите, дорогой мой мистер Макдауэл! Даже в субботу на работе столько дел. Садитесь, пожалуйста. Давно ждете? — Дастин сел в машину.

Ничего страшного, я только что вышел из дома. Да и вечер прекрасный.

Поехали скорее. Нет никакого терпения ждать — так хочется услышать этот оркестр. А Вы уже послушали запись? — Бойзен резко надавил на акселератор и мощный автомобиль сразу начал набирать скорость, отчаянно вырываясь из города.

Да. Вчера на вечере у посла все вместе слушали. Посол страшно ругался потом. Говорил, что это какая-то какофония вместо музыки.

Ну, да. Они уже люди другого поколения. Я Вам точно говорю: вот поставлю своим друзьям — те поймут. Просто у нас интересы общие. А стоит мне дать послушать своему начальству, сразу пойдет нить о тлетворном влиянии Америки и Англии, о падении нравов, о разврате, о том, что молодежь, какая-то слишком молодая, ну так далее. Они все одинаковые — эти старики. Ну, ничего, когда-нибудь мы с Вами тоже будем ворчать на внуков! Уверю Вас, милый Дастин. А что это у Вас за одеколон? Английский?

Нет. Это подарок Лауры. Прислала вчера с курьером.

Что-что, а выбирать мужчинам стиль она умеет. Жалко, что не мне досталась эта женщина! Думаю, мой милый Дон Жуан, Вам больше повезло, а? — Бойзен хитро прищурился и, оторвав правую руку от рулевого колеса, потрепал Дастина по плечу. Странно, но Дастину это не было неприятно. Еще тогда, в ресторане, что-то между ними проскочило. Взгляд или интонация, с которой с ним говорил Йоганн — что-то такое неуловимое. Машину резко тряхнуло на повороте.

Держись крепче за руль, Йоганн! — Дастин не заметил, как перешел на «ты».

Ну, наконец-то! Слышу голос не мальчика, но мужа. Ты назвал меня по имени! Ушам своим не верю! Этак и до брудершафта недалеко. Выпьем на брудершафт, мой дивный Дастин? Под музыку тлетворного и развратного джаза — будем сами собой сегодня! Идет?

Давай! — Неожиданно у Дастина еще лучше стало настроение. — Знаешь, а меня в Лондон отсылают на несколько дней.

А зачем? Когда? Если, конечно, это не секрет? — Кто-то, а Бойзен знал об этом еще неделю назад, что так будет. Кьюз начинал вторую часть операции «Шотландец», о которой не знал даже английский посол.

Говорят, через неделю или, может быть, даже раньше.

Слушай, Дастин, а привезешь мне шотландского виски несколько бутылок. Здесь что-то стало с этим трудновато.

Какие проблемы! Из самых древних погребов Эдинбурга — я тебе обещаю.

Окей. Скоро приедем. Смотри, если конечно, что-нибудь увидишь в этой темноте, какая красота кругом. Люблю этот район пригорода Берлина. Тут спокойно и тихо. Сплошные инженеры и интеллигенты — тут их загородные дома. Начальники сегодня здесь селиться не любят — им подавай современные виллы и коттеджи. Вон, смотри. Этим домикам по сто лет. Говорят, что где-то тут жил Гейне. Хотя, скорее всего, никогда он тут не жил — врут все! Да и какая нам с тобой разница? — Бойзен съехал с дороги и остановился у невысоких ворот, заросшего зеленью домика.

Они вошли в дом, неярко горел свет, а в камине потрескивали дрова. Было очень чисто и уютно. Мебели немного, в основном только самое необходимое и поэтому было свободно. Служанка, вероятно, ушла недавно — накрыт был стол, горели свечи.

Хочешь, посидим сначала в саду? — Йоганн отодвинул картину с изображением какого-то мифологического сюжета (Дастин был слаб в мифологии) и открыл ключом сейф. — Приходится самое важное прятать в сейфе. Хотя, конечно, уже никто не ворует — полиция сейчас навела порядок. Но еще года три-четыре назад здесь без сейфа ничего нельзя было оставить. Да ты садись! Я сейчас достану магнитофон, потом налью выпить, а поедем в саду.

А что это за картина? — Дастин сел в кресло.

А я не знаю. Так, купил в лавке художников в Берлине. Просто понравилась. Что-то из германского эпоса — «Валькирии, соблазняющие благородного рыцаря Генриха фон Эшенбаха». Я бы поддался им, а он им собирается головы рубить! Смотри, какие красотки, только глаза бешеные, как у беременных коров! — Они расхохотались.

Дорогая?

Нет, что ты! Это копия с какой-то гравюры. Но, все равно — здорово, правда? Ты, что будешь пить? Есть водка, вино и французский коньяк.

Лучше вино.

Лучше, чем коньяк?

Что?

Шутка! Я говорю: может лучше коньяк, а потом вино, а потом — водка? Может, в таком порядке? Надо же когда-нибудь двум приличным выпускникам Кембриджа расслабиться! Ты ведь не торопишься? Все равно уже поздно — имеем право. Тем более, что завтра воскресенье. Сходим утром искупаться на речку. Давай, Дастин, ну же! Если ты меня боишься, то у тебя отдельная комната для гостей. Ну, давай! Не развалится же ночью без тебя твое посольство, тем более, что все короли, включая английского, по ночам спят. А мы будем пить и смотреть, как справится этот психованный Генрих с тремя красотками!

Уговорил. Помочь тебе?

В чем? В наливании этого пойла в стаканы? Давай через раз: один раз ты наливаешь, один раз я и так до момента, пока один из нас наливать не сможет! Вот он и проиграет и выполнит первое желание другого, если оно к тому моменту конечно еще будет. Идет?..

...Джаз мягко разрезал ночной воздух через открытые двери веранды. В саду потрескивал костер, на котором жарились небольшие кусочки свинины на ребрышках. Йоганн поливал их белым вином, а еще выдавливал на мясо томаты и лимон.

Что у тебя с Лаурой? — Они тихо разговаривали. Хотелось тихо разговаривать. Тишине не мешал даже джаз, который играл сейчас какую-то лирическую пьесу. — Что-нибудь серьезное?

Да нет. Просто так. Давай не будем об этом. — Дастин совсем не хотел говорить на эту тему.

Ну и хорошо. Она, конечно, красивая, но, по-моему, не в себе.

То есть?

Ну, чокнутая какая-то. И служанка ее — эта, как ее?

Эльза.

Вот-вот. Похожа на разбойника.

Дастин опять отчетливо вспомнил тот вечер у Лауры — точно, они его просто трахнули обе и все! Развлеклись, как две стервы. В глазах изображение слегка сдвинулось — Дастин чуть-чуть потрянул головой — все поправилось.

Эй, там, на мостике! Как насчет добавить еще по одной? — Голос Йоганна доносился откуда-то сбоку. Дастин перенаправил фокус и попытался улыбнуться.

А мне, кажется, хватит.

И мне, кажется, хватит еще по одной, а то и по две, а то и по три. К черту трезвые мысли! Или мы не кембриджские орлы? Давай стакан, мой милый Дастин! Давай нальем и выпьем на брудершафт за нас, за наших несостоявшихся детей, за тех, кого мы еще не полюбили и за тех, кого, слава Богу, уже разлюбили! Выпьем стоя! — Йоганн поднес два больших стакана с чем-то красным и ужасно мутным.

Что это?

Это — кровь Богов! До дна! На дне — истина, а может и нет, кто его знает. Вот допьем и узнаем.

Они выпили и Йоганн притянул к себе голову Дастина. В голове у Макдауэла совсем было пусто, но не настолько, чтобы не понять, что поцелуй Бойзена был не совсем традиционным. И достаточно пусто, чтобы не отойти и ответить.

Ты очень красив, мой юный английский друг. Ты настолько красив, что мне хочется немедленно написать твой портрет. Пойдем в комнату и прихватим с собой мясо. Ты, как древнегреческий Бог, будешь лежать обнаженным на коврах и есть руками мясо, а я тебя буду рисовать. Я даже напишу капли жира, которые текут по твоим рукам. А ты мне за работу дашь немного мяса и вина. Смотри, Дастин, на эту луну. Она прекрасна!

Они, обнявшись за плечи, перешли через веранду в комнату. Йоганн посмотрел на часы и вспомнил об этом смазливом Мигеле. «А, ну и пусть себе страдает в одиночестве. Я на

работе. Мне нравится эта работа! Гитлеру — ура!» ...Утром, когда Дастин еще спал, доктор Бойзен сидел на веранде. Что-то вчера такое произошло, что слегка выбило его из колеи. Йоганн не думал, что его еще что-то может сильно зацепить. Дастин был так ласков и искренен ночью, а сейчас спал, как ребенок. Бойзен налил себе холодного апельсинового сока: «Только не сделай глупости, доктор! Это минутная слабость и ты здорово можешь за нее поплатиться, если будешь считать ее чем-то серьезным!» Разум говорил одно, а на душе было неуютно. «Его же можно еще длительное время использовать! — Говорила Душа. — Зачем с ним расставаться? Тебе ведь было с ним лучше, чем с Мигелем? Оставь его себе. Он же никому ничего не расскажет, потому что ничего так и не понял!» Но Разум спорил с яростью: «А если он узнает про Лауру и в нем разыграются отцовские чувства, или он пойдет к Кьюзу, или Кьюз придет к тебе? А что если Кьюз придет к тебе или сообщит о том, как ты пользуешься служебным домом и трахаешься в нем с английским дипломатом, который скоро будет предан в Англии суду за шпионаж в пользу Германии. Что тогда? Сожрут тебя валькирии?» К черту! Но, что же делать? Кажется, он влюбился? Смотри, доктор, это не лечится! Вот так, впервые за свою жизнь, Йоганн Бойзен не знал, как поступить. А решать надо сейчас, потому что сегодня в полдень он должен позвонить Кьюзу и сообщить, что запись на диктофоне сделано четко и качественно. Эта запись в понедельник в семь утра ляжет на стол Канарису и через час руководитель абвера доложит Гитлеру о том, что Англия, Франция и Италия не будут ничего предпринимать и что операция «Зимние каникулы» может начинаться. Девятнадцать батальонов вермахта и тринадцать батарей войдут в Рейнланд и никто ничего не сделает, чтобы их остановить. Это будет позже и Бойзена уже не будет касаться, но вторая часть намеченного плана по выявлению английского шпиона разведкой МИ-5 должна произойти сразу, как только из канцелярии Гитлера произойдет организованная утечка и английские дипломаты узнают, как была сделана запись тайного секретного разговора на закрытом совещании у посла Англии. Кьюз разоблачит германского агента, ударит по послу, с его добрыми чувствами к Макдауэлу, и сообщит в Лондон, что дезинформация прошла успешно. Что сделает английское правительство потом, не имеет никакого значения, потому что Гитлера все равно уже не остановить. Бойзен получит пост в абвере и начнет активно работать на англичан, потому что понимает, что Гитлер не вечен. А потом? Что же потом? Ах, да, Лаура! Так ведь с ней все еще проще. Жена еврея! Какие тут могут быть вопросы? Кажется, проснулся Дастин. Ну, что же, пойдем купаться. В конце концов, и он, и Бойзен с удовольствием провели время, хотя немного шумит голова. Но, это не беда. Как она начнет шуметь скоро у Дастина Макдауэла — помилуй нас Господи! Доктор Бойзен надеется об этих ощущениях никогда не узнать.

Милый мой Дастин, хочешь через неделю, в следующее воскресенье, мы снова встретимся здесь? Я тебе оставлю ключи и ты сможешь приезжать, когда только захочешь — я всегда буду рад тебя видеть!..

...Легко давать любые обещания, когда знаешь, что никогда их тебе не придется выполнять. Легко быть тем, кто прощается и уезжает — его ждут новые приключения. А

те кто остается? Ну кто же тому виной, что им не повезло и они не смогли купить билет в обратную сторону? Видимо, на все воля Божья, коли так случилось и тут уж ничего нельзя поправить...

...За тысячи километров от Берлина, в Буэнос-Айресе, на улице Коррьентес, в небольшой, но очень уютной комнате, сидел пожилой человек, которого все звали Хуан Мария Эскабадо. Было очень жарко — он пил аргентинский лимонад: выдавливал в ледяную минеральную воду крупные кусочки лимона. Все сложилось как нельзя лучше — операция «Донор» вошла в заключительную стадию: «Пусть только эта сучка поскорее родит. И Эльза как нельзя кстати залетела! Умная девочка, давно хотела в этом поучаствовать и додумалась — как. А этот мальчик хоть и педик, но востер — двух баб сразу обрюхатил! Ни фига себе, педик. Ну ладно. Пора этих блядей вывозить, а то, чего доброго, доктор поторопится и кончит раньше всех!» Каламбур Конраду понравился и он расхохотался. А, все-таки, до чего же развелось педиков на белом свете — ходи да оглядывайся.

31.

«Я всего четыре месяца здесь, но уже люто ненавижу их. Маньяна! Кто придумал это дурацкое слово — Маньяна?! Куда не обратишься — Маньяна! Завтра! Все завтра! Маньяна! Этак — с улыбочкой: Конечно, Сеньор! А как же, Сеньор! Но только — завтра, Сеньор! Маньяна, Сеньор! Кто сказал, что у нас в России кругом сплошные бюрократы? Кто сказал, что у нас все за взятку и с черного крыльца? Да здесь, в забытой всеми Богами вместе, Аргентине — бюрократия о-го-го какая! Нам все это и не снилось. Здесь только за взятку и с парадного крыльца, потому что взятка здесь — это Закон вежливости и благодарности! Сегодня ваши денежки, а маньяна — наши стульчики! Придурки, идиоты, лентяи, хвастуны и бездельники! Маньяны хреновы! Маньяки!» — Трошин явно был не в себе. Жара, усталость и раздражение — всего слишком много, чтобы ничего не получилось. Но ничего и не получалось. Никакого Конрада — даже намек на его присутствие. В городе Буэнос-Айресе хорошо, если есть что-нибудь около миллиона человек. Да нет, наверное, и того меньше. Никакой Остап Сулейман, как его там, Берта Мария Бей ничего бы не мог сделать. Сюда надо фокусников дивизии три выслать, чтобы разобраться в том, что здесь творится! Гудини просто отдыхает перед факирами из мэрии и правительства. Вчера пытался получить интервью в канцелярии Министерства иностранных дел Аргентины. Получил десять минут аудиенции у помощника начальника канцелярии по работе с иностранными корреспондентами:

Добрый день, сеньор помощник. Я независимый немецкий журналист Клаус Мозель. Мне бы хотелось узнать позицию МИДа Аргентины по вопросу английского предложения по объединению Германии.

Очень хорошо, сеньор Мозель, что Вы обратились к нам. Какой у Вас вопрос?

Мне бы хотелось получить официальную точку зрения Вашего МИДА по вопросу английского предложения по...

Очень хорошо, сеньор. Мы Вам ответим просто и коротко. Все, что касается действий английского правительства, которые едва ли можно считать противоречащими букве международного положения о равноправии всех вольноопределяющихся наций и народов, чья воля и желание быть сохраненными в том положении, которое определено Конвенцией о суверенитете малых наций и отдельно буквами ряда положений о союзе стран Южной Америки в некоторых политических взглядах, не дает нам право быть догматиками. Но тем не менее, мы не можем не утверждать, что некоторые отдельные шаги в нескольких направлениях развития возможных международных конфликтов и их урегулировании, которые вполне буквально понимаются нашими британскими коллегами, могут оказаться достаточно неправомерными в юридических аспектах этих не совсем конструктивных политических технологий. В любом случае, мы всегда находимся в центре событий по отношению к взглядам передовых государств, которые хотят быть вместе с общими интересами некоторых стран, чье экономическое и политическое положение требует пристального внимания и поддержки со стороны передовых правительств, которые смотрят чуть дальше вперед. Вы же не думаете, что наше Правительство может отойти от некоторых первостепенной важности вопросов, стоящих на повестке дня перед всеми здравомыслящими людьми, которые четко и точно понимают основные задачи нашего времени. В любом случае, спасибо Вам за Ваш вопрос и мы всегда готовы ответить Вам и устно и письменно, четко объяснив основные принципы нашей внешней политики. До свидания, сеньор Мозель, очень приятно было с Вами познакомиться!..

Каково? Трошин вышел на улицу с умным видом и сел в такси. Такие визиты в аппараты различных ведомств Аргентины были крайне необходимы. Правда, после них хотелось взять этих чиновников за головы и долго ими стучать по перилам их министерств, но Сергею надо было создавать видимость серьезной и напряженной работы в полном взаимодействии с официальными источниками. По другому здесь нельзя. За эти месяцы Сергей тщетно пытался выйти на след Конрада. Он не хотел задействовать вариант поддержки советского резидента Данилина. Что Трошин имел? Первое — адрес, по которому ранее жил советский нелегал Конрад. Это было в архивах МГБ и Трошин воспользовавшись этой информацией, попытался не напрямую, а издали выяснить судьбу резидента советской разведки. Позвонил по номеру телефона и, как и ожидал, услышал, что никакого сеньора Эскабадо здесь нет очень давно. Значит, нет. Сергей был рядом с домом на авенида Пьедрас, где жил Конрад, сидел в кафе «Ла-Пас», слушал болтовню соседей, которые узнав, что он — журналист из Германии, все пытались высказаться на тему Гитлера и немцев вообще, потом все их разговоры перерастали в перепалки между

собой и они уже переходили на личности и выясняли кто из них за англичан, а кто против. Сергей уходил раньше, чем могло начаться более интимное выяснение отношений с использованием колющих и режущих предметов. Аргентинцы были столь возбудимы и горячи, что неоднократно Трошин ловил чашечку кофе, готовую выплеснуться на его хлопчатобумажный костюм, после резкого удара кулаком по столу возмущенного собеседника. Пока Сергей привык к тому, что аргентинцы вовсе даже не злятся, а просто так себя ведут — это их натура и манера общения, он неоднократно думал, что вот-вот свидетели их разговоров вызовут полицию.

Сегодня он сидел в номере гостиницы и соображал, что делать дальше. То, что Конрад исчез и, как говорят его бывшие соседи, подался на заработки в Европу, было установленным фактом — Конрада в Буэнос-Айресе нет. Можно наслаждаться жарким солнцем, купаться в океане, можно даже привыкнуть к ихнему чифирю — парагвайскому чаю мате. Отрицательный результат — тоже результат. Просто он напишет в заключении по делу, что такой агент исчез и новая связь с ним, после его выхода на контакт, представляется «угрозой для безопасности страны». Все можно, если бы не одно «но». Сегодня рано утром он все-таки связался с сотрудником советской торговой миссии сеньором Данилиным и встретился в одном из кафе в районе богемного квартала Сан-Тельмо. Он попросил назначить встречу по контактному телефону советской миссии, который конечно прослушивался аргентинской полицией. Это вполне вписывалось в легенду журналиста Клауса Мозеля, выяснявшего проблему возможного объединения Германии. Вполне логично, что немецкий журналист хочет знать точку зрения Советов.

Я очень рад, что мы встретились. — Данилин был очень похож на аргентинского гаучо.

Вы давно здесь, сеньор Данилин? — Поинтересовался Сергей. — Как Вам эта страна?

Ничего. Мне приходилось бывать в странах и посложнее, поверьте. У Вас есть ко мне вопросы? Из Москвы пришел приказ оказывать Вам посильную поддержку по теме, которую Вы сами мне обозначите.

Что Вас так напрягает, Михаил? — Трошин делал вид, что пишет что-то в блокноте на случай, если кто-нибудь заинтересуется темой их встречи и разговора. Он делал вид, что пишет, хотя водил ручкой по уже ранее заготовленному в гостинице тексту в его блокноте.

А как Вы думаете? Что должен я чувствовать, когда из Москвы приезжает инкогнито, задача которого мне неизвестна, цели непонятны, а мне — резиденту разведки без объяснения причин приказано подчиняться и не задавать никаких вопросов? Вас бы это на моем месте не волновало? Ведь то, что происходит в конторе вообще никому не понятно. Я держу здесь все нити и вот — являетесь Вы и спрашиваете, что это я дергаюсь?

Вас Михаил действительно мои задачи совершенно не касаются. Речь не идет ни об инспекции, ни о какой-либо проверке Вашей работы. Разве Вы не знаете, как это у нас делается? Вас бы вызвали в Москву в отпуск и все. Вот я и спрашиваю: Вы здесь, Вас никто не дергает и все в порядке, чего Вы переживаете? На Вас вообще лица нет. Лучше помогите мне в одном деле. Я Вам вкратце описал свою легенду — вот ее и придерживайтесь в случае чего. Меня интересует Конрад, что Вы о нем знаете?

Это было еще до меня. Был такой человек. Закрытый очень. Какой-то темный. Мой предшественник — светлая ему память — говорил с ним пару раз по телефону. Есть кое-какие записи в архивах о том, что Конрад якобы занимался трикотажем, погорел, занялся политикой, имел кое-какие связи в Германии. Потом торговал с Голландией — еще до войны это все было. Вообще-то, почти ничего. Хотя, я предполагал, что кто-то вроде Вас скоро появится здесь...

Почему? Из-за подброшенных писем в посольство?

Да, как Вам сказать... Письма письмами, но не только в этом дело. Попадали-то они ко мне каким-то странным образом. Сажу в ресторане с семьей, поели, приносят счет, открываю — бац, письмо! Спрашиваю официанта: Ваше? Нет, говорит, это Вам просила передать сеньора, которая сидит у бара. Смотрю — никого нет.

Это были те самые первые послания Конрада о попытках американцев сорвать переговоры по объединению Германии?

Ну да, те самые. Знаете, самое странное, что потом происходило на самом деле именно то, что было написано в этих письмах. Даже фрагменты речи Эйзенхауэра и премьера Британии.

Вам, Михаил, никогда не приходило в голову, что Конрад — двойной агент?

И даже тройной, а может и того хуже — его вообще нет.

Вот и я так же думаю. Не играет ли с нами Вашингтон. Не переметнулся ли Конрад к ним?

Не-а. Не похоже.

Почему? А где он тогда был эти десять лет?

А Вы, сеньор Мозель, сами подумайте. Если хотите знать мое мнение, то он был в нацистской Германии.

Трошин почувствовал, что Данилин, скорее всего, может быть прав. Тогда просто объясняется его новое появление здесь в Аргентине. Не уверенность, а именно какое-то чутье Данилина подтвердила версию самого Сергея, что Конрад до войны был тем самым связным тайным звеном между НКВД и СС, Сталиным и Гитлером и работал по схемам сверхсекретных политических операций между СССР и Германией. Это подтверждало все те, найденные Трошиным в Москве факты тайного сговора коммунистов и нацистов. Слишком их цели и методы интриг и провокаций были похожи. Потом, после разгрома фашистов, Конрад оказался между двух стульев и затаился здесь в Аргентине, так как появляться на свет было просто опасно для его жизни. Видимо, он выбирал на кого работать, кому продать ту тайную политическую информацию, которой он владел. За эти годы ситуация внутри НКВД столько раз менялась: людей расстреливали без суда и следствия пачками, сажали туда, откуда выхода не было, приходили новые хозяева, которые играли в свои игры, а документы исчезали вместе со старыми. Все так смешалось, что концов операций, начатых и проведенных при разных хозяевах, найти было просто невозможно. Люди сами уничтожали документы, когда чувствовали, что под ними начинало гореть. Никто же не хотел быть обвиненным в шпионаже на основе секретных

документов НКВД. Менялись руководители, менялись названия конторы: ОГПУ, потом НКВД, потом МГБ, теперь КГБ, а агентурные сети и центры проваливались и выменивались хозяевами страны из ЦК партии на удобную им информацию и куски политического пирога. Так долго продолжаться не могло и секретные службы, вместо работы на саму страну, начинали работать на каких-то конкретных людей в правительстве этой страны. Но и это тоже не могло продолжаться долго. Существует кодекс чести даже у воров, а у диверсантов и провокаторов, которых для приличия называют разведчиками, он тем более есть.

Никогда еще секретные службы не теряли настолько свою власть и контроль за ситуацией в СССР и в мире, как в период прихода наверх Хрущева. Все могло привести к катастрофе для страны на политической арене. Тем более, что КГБ уже здорово привыкло к тому, что все происходящее в мире и в стране, делается только с его ведома. Отучиться от этого и отвыкнуть невозможно, кто бы ни пришел к власти в СССР.

Слушайте, Михаил, а когда было последнее письмо?

Знаете, Вам не понравится то, что я сейчас скажу...

Давайте только не как в кино, а?

Три дня назад, утром.

Каким образом?

Сын нашел в портфеле.

Что?!

Ну да. Пошел в школу, открыл дневник и увидел письмо на мое имя. Учительница мне позвонила и сказала, что у моего сына письмо мне от какого-то Клауса Мозеля... То есть, от Вас, мой дорогой ревизор из Центра. Вот такие вот дела.

Повисли пауза. Трошин не мог придти в себя. Как же это? Каким образом и кто просчитал его так быстро? Это уже скорее похоже даже не на игру, а на издевательство! Кто-то знает, кто он и наблюдает. Мало того, шутить изволит!

Послушайте, Михаил. Мне необходимо понять, от кого эти письма и как они попадают к Вам. Получается, что про Вас тоже все кому надо знают?

Ну это же не такой секрет. Я ведь вроде ширмы здесь. Кто же не знает, что я официально представляю КГБ? Правда, в последнее время меня начал доставать наш Внешторг. Говорит, что финансирование на содержание точек сокращено в связи с демократическими веяниями в стране. Извольте, товарищ советский шпион, заодно торговать и тракторами, раз временно диверсии прекращены.

Вы человек с юмором, Миша! Так как же к Вам попадают письма Конрада?

Думаю я над этим, думаю. А вот как он про Вас узнал, если не из Москвы, а?

Из Москвы?

А как еще? Просчитал Вас здесь, что ли? Где Вы наследили? Или легенда хромает, так нет — все в порядке — я за Вами следил. Все четко.

Вы следили? Вы же не должны были знать обо мне! Как Вы меня отслеживали? Откуда Вы узнали о моем приезде?

Слушайте, а как Вас зовут, а то это хренов Мозель мне не нравится.

Сергей меня зовут.

Так вот, Сережа. Дело в том, что никто мне не сообщал, что Вы инкогнито, понятно? Тогда бы я сделал вид, что я о Вас ничего не знаю, но прикрывал бы издали. Ваше отбытие из Москвы прошло в протокольном порядке по всем моим каналам. Никто даже и не дернулся, чтобы засекретить эту информацию. Сергей, это наверху все меняется, а у нас все остается по-прежнему, понимаешь? Давай на «ты»? У меня нет никаких сомнений, что о тебе Конрад, или как там его, знает из Москвы. Где-то там его человек. Кто это? Не знаю. Но кто-то ведь играл с фрицами? Вот и думай. Теперь я знаю, что и близко не должен общаться с тобой, если только ты сам не выйдешь на меня, понял? Отдыхаю и наблюдаю издали. Мне-то кажется, что управления между собой играют. Иностранное управление, пока ты ездил, уже модернизировано и прекратило свое существование в прежнем его виде, понял? Вот кто ты теперь? Кому принадлежишь? А если тебя вообще сейчас сдадут за фунт табаку? Черт знает что!

Ни фиги себе известие. — Трошин просто не мог понять, что же происходит. — Слушай, и все-таки, как письмо попало к твоему сыну?

Ну есть тут одна догадка...Они же учатся не на территории посольства. Их же возят в городок. Ну вот, как я выяснил, шофер автобуса был новым. Фирма, которая обслуживает посольство присылает утром автобус, который возит детей в городок в школу и обратно к трем часам дня. У нас же денег нет на собственный автобус и собственного шофера! Ну вот я и думаю, что он подкинул. Я пытался выяснять у них про этого шофера, но если ты уже обратил внимание (я-то здесь четыре года, так что — привык!) — выяснить у аргентинцев что-либо просто невозможно. Спрашиваю: как зовут шофера? Которого? Вчерашнего. Вчерашнего? Да, вчерашнего! Маньяна! Что, завтра? Будет завтра? Нет, говорят. Завтра будет тот, кто сможет ответить на Ваш вопрос. Назавтра прихожу: пришел тот, кто мне ответит? А Вы кто и зачем? Я из посольства по поводу шофера! Какого шофера? Позавчерашнего! Это, что ли два дня назад? Его нет! Кого? Шофера? Нет, того кто сможет Вам ответить. А когда он будет? Кто, шофер? Нет, тот кто мне сможет ответить!! Маньяна! Ну и таком духе уже три дня. А ведь дальше ходить уже небезопасно, потому что они всерьез начнут дергаться — кто и зачем интересуется их гражданином, понимаешь?

Послушай, Михаил, кажется ситуация такова, что мне действительно придется действовать в одиночку, чтобы и тебя не подставить!

Ага! Лучше скажи, чтобы быть подальше от меня. А ну, как мне прикажут тебя сдать? Знаешь, мы из одной конторы и мне не хочется во все это играть, но я должен. Давай так: если я тебе буду нужен, запиши телефон и позвони Лолите — шлюха тут одна есть. Кстати, классно работает, советую. Помогает расслабиться. Если у меня что-то будет я через нее сообщу, а ты проявляйся каждые два дня в полночь по телефону. Эта девка работает на аргентинскую полицию, ну я им кое-что и подкидываю про империалистов, особенно про англичан. Ну, а они мне тоже кое-что. Так и живем. А теперь — разбежались, а то интервью затянулось! Адиос, Клаус!

Данилин расплатился за кофе и лимонад, встал и пошел по улице, а Сергей смотрел ему вслед и не мог понять: что же на самом деле произошло. Как его просчитал Конрад? Трошин не верил в стукача в Москве. Нет, это здесь он как-то лажанулся! Как и где? Или не лажанулся, а просто Конрад ждал его здесь? Точно! Ждал и дождался. И дал понять, что знает, кто он. Но не выдает, значит хочет встречи. Почему же тогда через Данилина? Да просто знал, что я его так не найду — никаких зацепок, вот и вышел сам. А Данилин? Он, что тоже играет и нашим, и вашим? Судя по разговорам, парень хорошо соображает. Ну, что же, будем ждать официального предложения о встрече. Кажется, что долго ждать не придется.

Трошин вернулся в гостиницу около семи вечера. Портье протянул ему ключи и уже в спину, когда Сергей шел к лифту, окликнул: «Сеньор Мозель! Вам тут есть послание!» Трошин вернулся, взял красивый, золотой краской отпечатанный конверт, открыл и увидел официальное приглашение на правительственный бал, который дает во дворце Каса-Росада Президент Республики Аргентина. «Чего это вдруг?... Если только это не именно то, чего я ожидаю!» Маньяна, Сергей. Завтра будет видно...

32.

Я получил от сеньора Хорхе то, что ожидал. Передо мной на девственно чистом столе (я специально все убрал, чтобы сосредоточиться на этом листе, как на иконе) лежал список из двадцати восьми наиболее заметных человек, которые приехали в Аргентину за последние полгода и по каким-то причинам здесь задержались до сего дня. Из них легко можно было вычесть двенадцать человек дипломатических работников различных посольств, под видом которых не мог приехать посланник КГБ, потому что свободы маневра в этом статусе слишком мало. Оставалось всего шестнадцать...

...Голова как-то плохо считала сегодня. Может солнце мешает думать. Лезут в эту глупую голову всякие неприличные мысли, особенно, когда под окнами в ситцевых платьях, изнывая от жары и расплескивая по сторонам запахи духов, идут сотни изгибающихся от желания женщин. Думаю, что там, где холодно все, а особенно женщины, потому такие неинтересные, что их гормоны заморожены и есть только одно желание — спать в теплой одежде. Поэтому, когда восходит теплое солнце — они его боятся. Они боятся вдруг стать другими — им удобнее бояться, чем любить. Так безопаснее. Солнце будоражит низменные фантазии и инстинкты, а люди доверяют инстинктам только у собак. Они и назвали их низменными, потому что страх быть желанными пересиливает само желание. Они с презрением называют желание похотью, но готовы отдаться безо всякой любви любому дрянному человечешке за печать в паспорте, дешевое золотое колечко и право жить в чужой квартире. Они думают, что так неотразимы в своей скуке, серьезности, деловитости и недоступности. Они думают, что это — достоинство. Проходит

время и эта самая недоступность становится единственной отличительной и характерной чертой этих женщин и они превращаются в уже никому не интересных особей женского пола. А за этим следует ответная и адекватная реакция мужчин — абсолютное безразличие к той, которая сама себя не хочет чувствовать желанной. Гордиться своей недоступностью и закрытостью, чувствовать себя единственной носительницей Великой сладкой тайны — полнейший идиотизм! Господь был прав, когда говорил, что гордыня — самый непростительный грех. Иди в монахи и скройся от людей, если лишена таланта быть прекрасной и желанной! Твой ум, которым только ты гордишься, заметят лишь тогда, когда заметят твои ноги, задницу и грудь. И это справедливо, потому что это — красиво, а значит, прекрасно! Потому что умом берут мужчины, которые вынуждены хоть что-нибудь выбрасывать на рынок, ибо ничего другого у них нет. Они просто доильные аппараты, хотя думают о себе слишком высоко. Они лезут наверх, просто для того, чтобы быть заметнее, свершают подвиги и почти достигают совершенства в мирских делах, а погибают из-за любви к обыкновенной женщине! Все в этом мире происходит из-за женщин. Все войны начинаются из-за них — из-за желания самца самоутвердиться или из-за денег, которые всегда были нужны, чтобы покупать на них удовольствия, главным из которых, конечно же, всегда была — Она. Правда, сегодняшние мужчины больше похожи на евнухов — их войны между собой начинаются уже не из-за дам. Они теперь выясняют, кто из них друг друга любит, а кто — нет.

...Шестнадцать человек, из которых восемь женщин. В любое другое время я бы заинтересовался ими и постарался выяснить, кто есть кто, но не сейчас. Прошло время экспериментов, когда разведки пробуют дам в работе на своих тайных фронтах. Прошло время, потому что не подтвердило оно, давно живущего тезиса о том, что женщины хитрее, изворотливее, циничнее и морально неустойчивее, чем наш брат, поэтому им все доступнее. То есть — все это так, но только эти качества в разведке нужны лишь тогда, когда враг в твоих руках и его надо поймать. Вот в качестве инструмента, такого изощренного орудия пыток, женщина как раз на месте, а на стадии поиска, анализа и идеи — женщину надо держать на лугах, где много сочной травы, ягод и солнца. Пусть становится еще прекраснее, пусть лелеет свое тело и умасливает его маслами, и истекает соками любви, тогда на эти запахи сбегутся те, кто тебе нужен. И они станут глупыми и мягкими животными, которых ведет одно только обоняние. А женщина умеет завести любое животное и в рай, и на скотобойню, где ждешь его ты. Кстати, Вы не замечали, что почти все Великие творения в мире созданы мужчинами, которые почти (ай-яй-яй!) не замечали женщин? Вот они и избежали печальной участи быть разделанными мясниками на филе. Мужчины все усложнили, а женщины остались такими же, как и были в доисторические времена — они все меряют количеством оргазмов.

Когда ты относишься к жизни проще — ты выглядишь лучше. Когда ты случайно находишь свою половинку, тогда тебе не надо строить из себя Бога — ты просто остаешься тем, кто ты есть на самом деле. И делаешь то, что ты считаешь нужным для себя и это принимает органичным и своим та, которая навсегда рядом с тобой. Когда ты верен сам

себе — ты верен ей, но только не наоборот! Как долго буду я так думать — никто не знает, но настоящим является только то, что происходит со мной сегодня. Все остальное — фантазии и планы, которым сбыться если и суждено, то не сейчас. И выбрось это из головы — твое завтра будет таким, какой ты есть сегодня. А сегодня ты стал таким, каким ты был вчера. И хватит думать о себе лучше, чем ты есть на самом деле. И в этом тоже нет загадки — ты просто олух, если думаешь, что кто-то живет ради тебя! Ты — негодяй, если заставляешь кого-то жить ради себя. Отпусти на волю всех и тебя никто не тронет. Ты просто слишком много хочешь перед смертью, а это очень вредно — трудно и страшно будет уходить!

...Стайки девчонок пролетели под окном и я вернулся на эту землю. Меня всегда оживляли только они. Я не люблю людей, но женщины — не люди! Они живут не логикой, которая вредней других лекарств, а чувствами и желаниями. Вы же знаете, что я прав, но боитесь в это поверить. А знаете, потому что Вам хорошо известно чувство сладкой полусмерти, когда два тела вдруг начинают вибрировать в унисон и Вы забываете про свои маски в шкафу. Вы не хотите той пустоты, которая наступит потом, но Вы ее обязательно получите, потому что Вы просто глупые люди, которые не хотят быть ближе к Богам. Про Вас уже все написано в той книге, которую Вы не умеете читать...

...Итак, осталось — восемь. Из них только трое меня заинтересовали, потому что только они могли ходить, где угодно, спрашивать о чем угодно и быть приглашенными в дома, где собираются сильные мира сего. Трое приехавших были журналистами, а другие пять — скотоводами и мелкими коммерсантами. Журналисты — это прекрасно! Журналисты — это люди без совести, которым важно первыми успеть к твоей беде, чтобы ты не успел смыть кровь с лица своей матери. Если бы у меня была задача влезть в чужой дом, я никогда бы не воспользовался дверью, потому что по дороге от входной двери до спальни, где хранятся все интимные секреты хозяев, слишком долгий путь. Кто эти трое?

Чарльз Бретли. Сотрудник Би-би-си. Радио и телевидение, газеты и шпионаж. Слишком известная фигура, чтобы меня искать. Мне нужен кто-то поспокойнее, чем этот напыщенный господин, с резко изменившейся с возрастом фигурой.

Томмазо Бадаламенти. Его все время выгоняют из баров всех стран Европы, за то что он напивается до состояния «не стояния» и кричит, что Муссолини его предал. Когда он трезв, он скушен еще больше. Я знаю его лет десять. К счастью — не лично, а только по фактам его биографии. Он по-настоящему талантливый журналист, который искренне не понимает, что происходит вокруг него, поэтому пишет очень интересно. Я обязательно с ним выпью, когда все это закончится, но только по одному литру кьянти, которое он уважает больше, чем Муссолини.

Клаус Мозель. Журналист из ФРГ. Читал его публикации в некоторых газетах. Исследует проблемы видоизменившихся германцев. Мало знаю о нем. И это уже плохо. Не люблю мало знать. Но у сеньора Хорхе очень хорошо поставлена служба безопасности. Курьер, которым оказалась милая леди на велосипеде, привез конверт с фотографиями этих персонажей.

Я сел на балконе, закурил недорогую, но хорошую кубинскую сигару «Эль Вэгуэро» старой фирмы «Табакалерио Мартин», открыл конверт и расстроился. Все эти три лица мне знакомы. Я знаю всех троих, даже Мозеля. Значит, маловероятно, что Он — кто-то из этих троих. Не мог же я знать в лицо агента КГБ? Глупо посылать на такую операцию человека, который уже засветился, а агенту доверять эту работу вообще нельзя (если, конечно, у них совсем не кончились мозги). Стоп. Хорошо. Откуда я знаю англичанина и итальянца, я знаю. А вот откуда я знаю немца — я не знаю! Слава Богу, что я хоть это знаю.

Как молния в голову посреди чистого неба и жаркого солнца: Амстердам, мелкий дождь и я иду в китайский салон госпожи Николь... Навстречу приличного вида господин. Раскланиваемся и уступаем друг другу дорогу... Вот, где я его видел единственный раз месяца три назад! Немец в Голландии — ну и что такого? Очень надо позвонить... Как ни странно, соединили почти сразу.

Здравствуйте, мой Эйхельбаум! Как у Вас там погода? Идут ли дожди в забытом Богом королевстве?

Кто это? Ах, да! Вы еще живы?

Какой противный вопрос! Этак наша любовь может закончиться, не начавшись! Вы мерзкий старикашка, Вы помните, что мне должны?

Помню ли я? Говорите скорее, я обедаю.

Суп стынет? В Вашем возрасте надо есть не жирный суп, а протертую морковь и обязательно без сахара: от сахара у Вас случится диабет, потом артрит, артроз, панкреатит, потом...

Хватит! Говорите, что хотите, но я ем не жирный суп, а простоквашу!

От молочного у Вас начнется диатез. Все, что мне от Вас надо — это срочно узнать: с какими изданиями в Голландии и Германии работал журналист Клаус Мозель. Знает ли его кто-нибудь дольше трех месяцев. Я позвоню Вам через два часа. Берегите челюсть — от простокваши она может размокнуть!

Эти два часа я проведу в самом знаменитом в Буэнос-Айресе кафе «Тортони», где собираются поэты, писатели, художники и другие отпрыски столичной богемы. Сюда, говорят, в двадцатых годах часто заходил Хорхе Луис Борхес. Обожаю! Там слушали новые произведения, баловались кокаином и обсуждали мужчин и женщин. Там старые красные кожаные кресла, зеркала в позолоченных рамах, отражающие призраков, канделябры с плачущими свечами, звуки танго и запах зноя, пот и слезы, все вперемешку заставляют любить по-особому: дерзко, яростно и навсегда! Я буду болтать на разные темы с остатками тех, кто еще может помнить и любить. Я выкурю сигарету и посмотрю на женщину в углу, которая ждет своего героя. А потом я уйду, чтобы не остаться в сказке, ибо возвращение тяжелее, чем бегство от самого себя. Я слишком привык быть собой, чтобы проиграть себе эту жизнь. Два часа — и все кончено. Я жив и только сладкая истомка поселилась где-то в уголке моего тела. Говорят, что душа и тело неразделимы? Пустое! Я всегда нахожу их поодаль друг от друга. Поверьте, лучше не мешать им жить отдельно — тем приятнее их редкие встречи!..

Ваше Превосходительство! Ваше время истекло!

Вы пользуетесь мной, как секретаршей, а я старше Вас вдвое! Что Вы меня гоняете? Вам не стыдно?

Я Вас гоняют от обеденного стола к письменному и еще за это плачу, так что, побойтесь Бога, если он рядом с Вами — Вы сделали, что я просил? Обратите внимание: просил, а не приказывал, мой генерал!

Никто такого человека не знал и не знает. Читали его статьи, которые вышли во Франции месяца четыре назад по проблеме объединения Германии. А, кстати, где Вы, Дон?

У Вас на бороде, Ваше Сиятельство! Это — точно?

Абсолютно.

Ну, тогда, зиг хайль!

Вы с ума сошли! — фальцетом прошипел он и повесил трубку.

А что же делал милый журналист Мозель в Амстердаме три месяца назад, если у него ни там, ни в соседней Германии не было никаких дел? Девочек не трахал, опиум не курил, работу не работал! У Эйхельбаума в кармане вся криминальная полиция Голландии — они бы его заметили где-нибудь. Страна после войны стала еще меньше. Так что он там делал? Ехал сюда? Так оно получается по времени. А что же такими кругами? Светился. Это мы понимаем, мы не глупые. Так, так, так. Ай, как нехорошо! Что же Вы, герр Мозель не зашли до сих пор? Еще раз надо позвонить...Дзинь-дзинь-дзинь Алло?

Сеньора Хорхе, пожалуйста.

Кто его спрашивает?

Сеньор Антонио Сото.

Секунду, пожалуйста... (И через минуту.) Да, Антонио! Ты оторвал меня от игры с внуками в паровозики!

Простите, сеньор Хорхе, но не окажете ли мне еще одну любезность? Вы, случайно, не знаете: пригласили ли на президентский бал приехавших журналистов?

Я знал, что тебе это будет приятно и уже пригласил десять человек от имени и по поручению Президента и его суч..., извини, жены.

Вы когда-нибудь ошибались в своей жизни, сеньор Хорхе?

Да, Антонио! Когда в прошлую пятницу играл с женой в монополию. Никогда не играй с женами в азартные игры — они юмора не понимают и им приходится платить по-настоящему. Будь здоров.

Я Вам очень обязан, сеньор Хорхе!

А как же, Антонио. Конечно, теперь ты мне обязан. До встречи на балу. — Сеньор Хорхе был забавным человеком.

Так вот какой ты, Клаус Мозель! Интересно, что ты будешь делать, когда я поставлю на уши резидента КГБ, чтобы первым надоедать тебе начал он?

Уже через три дня я с наслаждением наблюдал за своим отражением в зеркале. Оно выражало полное пороссячье удовлетворение от того, с каким напряжением два советских

человека — резидент и шпион — разговаривали в кафе, имитируя деловое благодушное незатейливое интервью...

...Гремела музыка, залы дворца Каса-Росада были полны. Какие женщины, что за наряды! Еще была совсем свежа память о прекрасной Эве Дуарте, которая блистала в этих декорациях и дамы, шушукаясь и брезгливо морщась, преклонялись перед ней — королевой тротуаров в прошлом и властительницей судеб их мужей в настоящем. Но скоротечна слава человеческая — глупо и трагично в тридцать три ушла законодательница моды на женскую политику в Аргентине, а балы, как были, так и остались. Всю свою короткую жизнь Эва Перон снимала ненастоящее кино про себя и сейчас этот дворец был похож на декорации к очередному дешевому фильму, где я играл роль злодея, а немецкий журналист Клаус Мозель, который прислонился вон к той колонне, роль благородного детектива. Хотя скоро мы можем поменяться ролями.

Здравствуйте уважаемый герр Мозель! Разрешите представиться — Антонио Сото. Аргентинская недвижимость, банковские операции, аукционы и любовные интриги. Мне, вон оттуда, показала на Вас пальчиком секретарь посла Великобритании. Она говорит, что Вы — зануда, а мне лично нравятся зануды.

Очень приятно познакомиться сеньор Сото. Я не мог о Вас раньше слышать?

Судя по рассказам о Вас, в сферу Ваших интересов не входит недвижимость. Как мне говорили, Вы занимаетесь проблемой Германии. Мне она тоже близка...

Вот как? И каким же образом?

А самым простым. Жутко люблю продавать роскошные квартиры в самом центре Буэнос-Айреса богатым евреям и беглым нацистским генералам. Причем, желательно, в одном доме!

Вы — садист?

Нет, что Вы, герр Мозель! Я абстракционист. Я точно не помню, кто это сказал... Кажется, кто-то из французских художников: «Я только смешиваю краски, а дальше, пусть они договариваются между собой сами!» Я всего лишь восстанавливаю историческую справедливость.

Вы аргентинец, сеньор Сото?

Вы спрашиваете, давно ли я здесь живу? Я — наполовину испанец и наполовину итальянец, то есть полукровка, как почти все вокруг. Хотите, я буду Вам чем-нибудь полезным? Познакомлю Вас с кем-нибудь здесь? Сегодня в этом дворце собрался весь город. Следующий раз такое собрание мерзавцев будет ровно через год!

А почему Вы решили, что можете мне быть полезным? И Вы, как я посмотрю, не жалуете этих господ?

Я скучаю, сеньор немецкий журналист. Дела идут слишком хорошо, чтобы я захотел что-то менять и мое присутствие в офисе практически не нужно. Я изредка думаю, что мои секретари и помощники уже должно быть решили, что меня уволили. Правда, если только они забыли, что хозяин тоже я. Я не могу себя уволить — у меня не хватает на это духа и силы воли! Вот в чем проблема!

А Вы многих знаете в этом городе? Может быть, Вы и вправду сможете мне помочь познакомиться кое с кем из бывших наци? А то мне нужен материал по поводу объединения Германии, а все, с кем бы я ни говорил на эту тему, шарахаются от меня, как от прокаженного.

Вы спрашиваете наших чиновников об объединение Германии? Великолепно, герр Мозель! Более непопулярной темы в Буэнос-Айресе Вы не могли бы отыскать! Да это же «идея фикс» наших местных «фюреров»! Ничего себе у Вас работка! Ходите по острию ножа, причем совершенно в прямом смысле — это же Аргентина, а не Москва!

А причем здесь Москва? — глаза Клауса Мозеля насмешливо сощурились.

Москва? Не знаю. Наверное, потому что там жутко холодно и даже, говорят, звери насмерть замерзают! — Я ткнул его кулаком в живот. Журналист опешил.

Что такое, герр Мозель? Я, кажется, показался Вам слишком грубым? Пойдемте лучше выпьем... Слушайте, а, черт с Вами, шалить так шалить! Растревожим это вонючее немецкое болото! Это...Простите, я забыл, что Вы тоже немец. Но не будете же Вы в конце концов обижаться на торговца недвижимостью? У нас тут все проще, чем в Европе. Веселее и проще.

Да, ладно, не проблема. Так, говорите, Вы согласны меня с кем-нибудь познакомить?

Ага! И прямо сейчас. Идемте, герр писатель. — Мы поднимались по ступеням широкой лестницы, которая ведет в верхнюю залу.

Меня волновал только один вопрос: он — киллер или приехал разобраться — кто такой Конрад? Есть у него приказ убить Конрада или нет? И ответить себе на этот вопрос я должен очень быстро, потому что у меня есть кое-какие планы в отношении этого писателя. В любом случае, его и мое время пошло не на дни, а на часы и минуты.

33.

Как хотите, сэр, но таковы факты! Я ничего не могу в этом деле изменить. Я понимаю, что Вам нравится этот молодой человек, но, повторяю, это — факты! — Мередит Кьюз атаковал без тени сомнения в собственной победе. — Сэр! Наш источник в гестапо сообщил, что вчера в одном из служебных домиков доктора Йоганна Бойзена наш атташе по культуре неплохо провел время с вечера до утра. Мы слишком хорошо знаем сексуальные пристрастия этого немецкого чиновника. Он — гомосексуалист! Но, этого было бы недостаточно, чтобы наша разведка занялась этим вопросом. Как Вы знаете, нас совершенно не волнуют интимные подробности жизни наших дипломатов. Это вопрос этики, морали и соответствия званию сотрудника МИДа двора Его Величества. Это — Ваш вопрос, сэр. Повторяю, дело не в этом! Источник сообщил, что сегодня утром

руководитель абвера продиктовал совершенно секретное послания Гитлеру, касательно реакции Англии, Франции и Италии на резкое увеличение численности вермахта. Точный текст записки мы не сможем получить, но некоторые фрагменты известны. Я цитирую: «В соответствии с информацией нашего агента, полученной нами непосредственно из английского посольства, Англия, Франция и Италия не предпримут никаких ответных мер в ответ на возможные шаги Германии по увеличению численности своей армии и продвижению оперативного плана «Зимние каникулы»...» И так далее, господин посол! Простите, но Канарис процитировал именно Вашу речь на позавчерашнем закрытом совещании. Мне удалось узнать, каким образом произошла утечка.

Посол Его Величества сидел молча и неподвижно. Его глаза смотрели прямо в глаза резиденту английской разведки. Он прекрасно понимал, что за этим последует — он полностью в руках этого слизняка. Конец истории и конец жизни. Не его — он еще протянет лет пятнадцать. Это был конец короткой жизни Дастина Макдауэла.

Как Вы об этом узнали, Мередит? — Голос не должен выдавать. Нельзя, чтобы этот человек понял, что он испугался. Макдауэл — это только начало. Он будет добивать: Лаура, письма, подарки, дипломатическая почта... Все только начинается. Но его связи и сорок лет непорочной службы — не фунт табаку! Этот ретивый капитан заблуждается: разведку бояться, но не уважают, поэтому — мы еще посмотрим. — Итак, капитан! Как Вы об этом узнали?

Помните, мы слушали магнитофонную запись, которую Вы предоставили Макдауэлу по его просьбе? Я проверил этот магнитофон на следующее утро. Воспроизводящая и записывающая головки были совмещены и запись нашего совещания производилась одновременно с воспроизведением музыки.

Где взял этот магнитофон Макдауэл? Вы выяснили?

Вы это тоже знаете! Его презентовал ему доктор Бойзен. Вы сами предложили послушать на совещании эту пленку с музыкой.

Осторожнее, мистер главный шпион! Вы говорите, что я знал об этой записи? — Посол улыбнулся краешком губ.

Отнюдь, сэр! Но...

Мистер Кьюз! Вероятнее всего, Вы неплохой офицер, но мне кажется, что Ваша игра зашла слишком далеко! Кажется, Вы готовы обвинить в измене родине Посла Его Величества?

Нет, сэр!

Кто Ваш источник в гестапо?

Прошу прощения, сэр, но Вы же знаете, что эта информация не входит в компетенцию посла!

В обычной ситуации, мистер Кьюз! В обычной! Но сейчас Вы собираетесь послать на виселицу молодого дипломата королевского двора. Вы ставите под сомнение решение о его назначении в наше посольство высшими чинами Министерства иностранных дел Великобритании. Его назначение подписано Премьер-министром Черчиллем! Капитан! Вы

соображаете, что Вы делаете? Вы уверены в том, что получите личную благодарность Короля при Вашей жизни? Вы уже кажетесь себе адмиралом? — Посол уже стоял на расстоянии вытянутой руки от офицера Кьюза.

Господин посол! Я не предполагал, что эту ситуацию Вы решите повернуть таким образом!

Любую ситуацию можно повернуть любой стороной к любому ее участнику! В этом и заключается наша работа. — Послу пришло время спасать самого себя. Дастин — молодой идиот, тупоголовый педик и просто ребенок. Его жизнь — гарантия жизни посла!

Кьюз почувствовал, что посол начинает его переигрывать. Этого допустить было никак нельзя, потому что тогда, все задуманное рухнет. Кьюз решил играть ва-банк:

Сэр, позвольте рассмотреть эту сложившуюся ситуацию именно так, как Вы и предлагаете: в соответствии с моим видением происходящего. Первое: многим достаточно хорошо известна Ваша слишком близкая для посла Его Величества связь с госпожой Лаурой Дейч. Второе: Вы лично при свидетелях дали разрешение (и даже, если хотите, указание) Макдауэлу идти с ней же на контакт. Вопрос — зачем? Мои данные подтверждают, что у Дастина и Лауры также была интимная связь. Следовательно у Вас одна любовница на двоих. Третье: давно установлено, что Лаура Дейч находится под откровенным наблюдением гестапо и общается с высокими чинами из германской разведки. Четвертое: Лауру Дейч неоднократно видели в обществе доктора Йоганна Бойзена, который и передал этот магнитофон Макдауэлу. Вопрос: Вы сами смогли бы поверить в странное течение обстоятельств и абсолютную случайность этих фактов? Вывод, который сделаю не только я, но и любой Ваш начальник: Вы использовали Макдауэла в собственной игре против Великобритании и теперь, чтобы сохранить свою жизнь, Вы вынуждены его спасать. Не так ли?

Сэр Патрик Ллойд, чрезвычайный и полномочный посол двора Его Королевского Величества в Германии, постарел за эти десять минут, наверное, лет на двадцать. Все куда-то ушло: желание возражать и спорить, силы бороться за собственную жизнь... Как же он устал за эти десять минут. Он сел в кресло, налил себе немного виски и взял сигару.

Скажите, Мередит, такая штука, как — честь, Вам никогда не мешала жить? Вы спокойно спите, когда создаете врагов и предаете друзей? Вам знакомо чувство совести?

Честь разведчика? Вы под этим выражением понимаете — честного шпиона? Человека, которому очень стыдно лазить по чужим карманам, копаться в чужом белье, читать чужие письма, подглядывать, подслушивать, подсматривать, чтобы обезопасить от возможных, потенциальных, случайных и намеренных врагов свою страну — Вы про это? Вы говорите о морали? Скажите, посол, а врать, что все хорошо, когда все плохо, говорить одно, а делать другое, прикрывать действия своего правительства и изобретать ложь, спрятавшись за словами о благе для своей страны? Разве не это Вы называете своей работой? Разве мы с Вами делаем не одно и то же дело?

Мередит Кьюз мог уничтожить посла уже сегодня. Он был готов к этому — победа над этим напыщенным человеком, который всегда мешал его продвижению по службе,

который всячески показывал ему, как они отдалены друг от друга, который презирал и его самого и то, чем он занимался — была так близка... Но, тут сработала профессиональная черта разведчика — а зачем, собственно его уничтожать? Он и так уже труп: еще живой, пожалованный титулом «сэра», облаченный связями и обласканный вниманием и уважением, добропорядочный гражданин и родственник королевской семьи. Вот она — удача. Нет, Кьюзу не стоит его уничтожать. Пусть продвигается по службе, пусть эта операция будет их совместным плодом больших усилий. Чем выше он поднимется еще, тем выше он потащит за собой и его. Зачем Кьюзу создавать себе врагом в собственном тылу? Разве их у него мало? Наоборот, он поделится победой с послом и станет связующим звеном между МИДом и МИ-5, которые враждуют очень давно. Он станет своим человеком в Министерстве иностранных дел, что только будут приветствовать в разведке, он укрепит свои позиции, а посол... Ну, что же, посол? Будет жить, ненавидя Кьюза, и продвигая по служебной лестнице. Просто, ему почаше надо будет напоминать, кто он — этот старик. Чего стоят все его разговоры про мораль и совесть, если именно они — дипломаты — прячут правду. Именно они развязывают руки военным, а когда начинаются убийства, пытаются сделать вид, что ищут выход из ситуации. Они делают граждан своей страны заложниками своей политики и для того, чтобы держать дипломатов в узде, люди из разведки добывают правду, которой дипломаты боятся. Политика сдерживаний и противовесов не для внешней политики: каждый день в каждой стране идет тайная война за власть и побеждает в ней тот, кто хитрее и изворотливее. А методы значение не имеют. Какая разница, как ты докажешь, что ты прав? Прав — и все! Сегодня прав Мередит Кьюз и пользы от мертвого посла не будет. Будет польза от трясущегося от страха, полуразрушенного старика, который любит своих детей и внуков. Разве он захочет сломать жизнь наследникам его титула? Вот в этом вся правда: чистая и целая собственная шкура!

Господин посол! Я предлагая Вам сделку — мы с Вами провели удачную операцию и нашли врага. Вы будете делать свое дело, а я свое и каждый получит то, что хочет. Я готов забыть о нашем разговоре до того момента, пока Вы сами о нем не вспомните. Разве мы делаем не одно дело? Стоит ли ставить на карту всю Вашу жизнь из-за глупого юнца? Стоит ли его жизнь Вашей? Вы еще очень много можете делать для страны, а он? Я доложу своему руководству, что с помощью нашей совместной операции, в абвер внедрен канал доступа дезинформации. Чтобы подтвердить достоверность этой информации для Германии — юноша должен быть признан виновным английским королевским судом. Действия же нашего правительства пусть остаются на его совести — мы все делали правильно. Вы согласны с моим предложением?

Разве у меня есть выход? — усталым голосом спросил сэра Патрик, когда-то в прошлом, честный и хороший человек. — Только одна просьба, мистер Кьюз! Я не хочу видеть то, что случится дальше. Завтра я уезжаю во Францию и буду отсутствовать пять дней. И еще одно, но об этом позже. Делайте свою работу...

Вы забыли сказать — грязную работу. — Усмехнулся Кьюз.

Теперь мы оба в одной и той же грязи. Уходите, пожалуйста, я все сделаю, как Вы считаете нужным. Видимо, наступило Ваше время. Смогу ли я в нем жить — не знаю.

Сможете, сэр! В грязи легко испачкаться, но она не смертельна. Врачи говорят, что грязь даже спасает от солнечных лучей! Будьте здоровы, господин посол, и удачной Вам поездки. Я все необходимое подготавливаю. В конце концов, именно я отвечаю за Вашу безопасность!

Когда офицер вышел, сэр Патрик подошел к своему письменному столу и открыл нижний ящик. В глубине его лежал револьвер, подарок министра обороны к юбилею. Посол знал, что когда-нибудь ему придется воспользоваться этим подарком. Он взял его — металл приятно лег в руку и посол почувствовал странное ощущение: неужели эта небольшая и грубая вещица и есть то, ради чего он столько трудился, жил, любил и растил детей?..

...Понедельник не всегда бывает самым трудным и плохим днем. По крайней мере, не этот понедельник. В девять тридцать утра в приемной капитана Канариса было уже много посетителей. Суэта, папки, доклады, телефонные звонки и усталые лица. Такое впечатление, что было не утро, а конец трудового дня. Абвер трудился вовсю: новая организация должна была доказать свое право на существование и свою крайнюю необходимость Германии. Все знают, сколь переменчив характер Гитлера — вчерашние пристрастия уступают место новым фаворитам и занять место рядом с фюрером — задача не из простых.

Донесение, которое поступило еще два часа назад в канцелярию канцлера могло возвысить Канариса до заоблачных высот, но могло и сработать против него, если данные окажутся недостоверными или не своевременными. В этой игре важно не только качество данных разведки, но и момент их подачи начальству. Часто приходилось выжидать, чтобы не попасть под плохое настроение руководства, ведь тогда вся работа может оказаться «пшиком». Любой малозначительный, на первый взгляд, фактик всегда можно подать с шиком и немалой выгодой для себя, поэтому Канарис нервничал. Если все пройдет гладко (а именно сегодня обсуждался план кампании в Рейнланд!), то его докладная записка произведет на фюрера неизгладимое впечатление. Ведь эту кампанию придумали и разработали исключительно ради удовлетворения имперских амбиций самого Гитлера. На самом-то деле, сейчас провоцировать Европу не стоило. Это, по меньшей мере, было крайне несвоевременно и совершенно глупо! Германия превыше всего — этот предвыборный лозунг многим уже не терпелось воплотить в жизнь...Но, черт побери, как же они все торопятся! Канарис понимал, что единственная надежда на то, что все может пройти гладко, это непонимание того, что же происходит в Германии на самом деле, что это уже не шутки, что немцы всерьез поверили Гитлеру и ему отступать некуда, потому что, в ином случае, ему придет конец. Гитлер сам стал заложником своей ситуации.

«Интересный человек этот доктор! И откуда такое рвение? Хочет выслужиться, ладно. А откуда такие связи? Только гестапо может поверить в его игру — на самом деле, все это выглядит очень странно. Чего бы это англичане так повелись на его провокацию? В Лондоне придурков ровно столько же, сколько и в Берлине — у нас же не соревнование:

«Кто хочет стать идиотом»? Он работает на гестапо? Или на англичан? Если первое — неплохо. Используем. Если второе — еще лучше. В любом случае, если все пройдет хорошо, получит свой кабинет из орехового дерева, но дальше Англии не пойдет. Вот и будет крупным специалистом по эквилибристике — пусть крутится между нами — там посмотрим. Хотя, такие, как этот Бойзен не тонут»...

...Самолет посла вылетал с аэродрома Берлина в два часа дня. В половине второго на его борт поднялась женщина в строгом черном костюме. С ней не было никакого багажа. В документах значилось, что это мисс Элизабет Макгвайр — личный секретарь посла Великобритании сэра Патрика Ллойда. Про этого секретаря знал только сам посол и офицер британской разведки Мередит Кьюз. Вывоз из Германии этой дамы — было условие, которое поставил посол капитану. Спасти хотя бы Лауру — все не так страшно дальше жить — вот в чем была цель сэра Патрика. Кьюз пошел на это: куда она может деться? Да и не нужна была она ему. Хотя... Нет. Не нужна! Хуже обстояло дело с самой Лаурой — она совершенно не хотела ехать. Это показалось Кьюзу очень странным, но так не казалось самой Лауре. Ее отъезд из Германии вместе с Эльзой должен был произойти совсем по-другому — в соответствии с планом Конрада. И в эти планы не входило бегство на самолете посла, да еще и при участии этой мерзости — Кьюза! Что было делать? Делать было нечего, Лаура не могла связаться с Конрадом, но решила, что если она согласится, то Конрад скорее приобретет, чем потеряет. Она свяжется с ним из Парижа, а если Бог даст, то может быть и не свяжется! Просто — исчезнет! Глупые мечты. Становилось слишком жарко.

Лаура не могла знать, что в Берлине достаточно агентов НКВД, которые не спускали глаз с нее и Конрад получил сообщение о ее отъезде еще до того, как самолет стал выруливать на взлетную полосу. А в аэропорту Парижа, после прохождения паспортного контроля, к Лауре подошла женщина и что-то сказала по-французски:

Что ей надо? — поинтересовался сэр Патрик.

Она спросила, где здесь дамская комната.

На самом же деле, дама очень тихо сказала: «Мсье Конрад очень Вами доволен». Ну, что же — к лучшему. Все к лучшему. Думать самой, как дальше жить, Лауре не очень хотелось, потому что к этому пришлось бы очень долго привыкать. А Конрад решил, что раз посол ее не бросил, то и ребенок может оказаться его дальнейшей заботой и о судьбе результата операции «Донор» можно теперь не беспокоиться: этот «результат» получит хорошее образование и содержание. В Москве, в бухгалтерии НКВД только будут рады, что не придется тратить валюту. Черт возьми! Как это все очень мило!

Незаконнорожденный отпрыск сэра Патрика Ллойда — будущий студент Кембриджа, будущий чиновник МИДа или правительства (о чем можно было не волноваться, даже если родится девочка!) и будущий агент НКВД?! Вот это легенда! Более глубокого внедрения не проводила ни одна разведка мира. Эта операция могла возникнуть только в голове какого-то гения. Кого? Кто же это теперь узнает?..

...Посол не застрелился. Он подарил этот пистолет капитану Мередиту Кьюзу. В мастерской сделали тонкую золотую пластинку, которую вставили в слоновую кость рукоятки: «Капитану Кьюзу за доблесть, ум и отвагу от Посла Его Величества сэра Патрика Ллойда». И с этого момента началась война между послом и капитаном Кьюзом. Война настоящая — не на жизнь, а на смерть. Сэр Патрик не прощал оскорблений...

...Дастин Макдауэл сидел в зале ожидания берлинского аэропорта и смотрел, как на взлетную полосу выруливает самолет на Париж. Его командировка в Лондон началась сегодня и он был в предвкушении встречи с однокурсниками, которые будут слушать рассказы о трудной работе в пасти самого Гитлера.

Мистер Макдауэл, пройдите, пожалуйста, на посадку. — Милая белокурая немка стояла перед ним с его посадочным талоном в руке.

Спасибо, фрейлейн. Через сколько я буду в Лондоне?

Через пять часов, мистер Макдауэл. Приятного полета.

Дастин с нетерпением ждал встречи с родной землей. Столько всякого случилось с ним за это короткое время, что впору было писать роман. Но это — едва ли, потому что в лондонском аэропорту Дастина ждали сотрудники английской разведки МИ-5. Правда, без нетерпения. Для них это была рутинная работа — им никто не сказал, кого они встречают. Они пили пиво в баре, приехав, как и положено, в час отлета самолета из Берлина, чтобы видеть все, что происходит в аэропорту Лондона и всех, кто там за это время будет появляться.

Потом будет заседание военного трибунала, правда, без участия Дастина Макдауэла, которого застрелят при попытке к бегству по дороге из аэропорта на свою квартиру на окраине Лондона. В «Таймс» появится статья о разоблачении немецкого шпиона. Конец истории и конец короткой жизни. Так бывает. Но, чей-то конец — всегда чье-то начало. Через семь месяцев в парижской клинике у английской незамужней леди родиться девочка. Хорошенькая! Правда, роды будут слишком трудными, придется делать кесарево сечение, но мать спасти не удастся. Говорили, какая-то инфекция. Не повезло. Просто стечение обстоятельств.

34.

В номере гостиницы был маленький бар. Сергей открыл бутылочку водки «Смирнофф» и выпил, закусив кусочком лимона. Быстро привыкаешь к хорошему. Можно себе представить, чтобы в Москве вот так вот, водочку и лимончиком? Сочтут за подлеца. Давай ее огурцом, капустой, но лимоном? Он посмотрел вокруг себя: стены, дверь и два окна. Чем это все отличается от его квартиры на Малой Никитской? Ничем. Даже на завтрак подают те же яйца, только с улыбкой. За окном солнце — и это бывает. Машины

гудят, а то, что валяется в спальне — служебная необходимость. Она куда приятнее Натальи — хоть бы раз за ночь сказала «не хочу». Все хочет, за что ты готов платить. Вчера они вышли на улицу с этим Антонио Сото и прошлись по парку президентского дворца, освещенного ярко горящими факелами. Антонио, как и обещал, познакомил его с несколькими господами из посольств США, Англии и министерства иностранных дел Аргентины. Все милы, но только закоренелый идиот не мог бы понять, что выбор сеньора Сото пал на профессиональных сотрудников разведки. В этом трудно ошибиться: рыбак рыбака видит издалека. Специально он их выбрал для него или случайно? Хороший вопрос. Сергей бы сказал, что специально, потому что за вульгарной манерой общаться и маской придурка, явно проступала физиономия неглупого человека. (Ну и на том — спасибо!) Как он сказал вчера? «Недвижимость и интриги». А чем он на самом деле занимается? Надо выяснить у Данилина. Слушай! Сегодня же день отчета в Москву! Надо будет сделать сегодня к вечеру статью. Связь была придумана очень простой, если не сказать — банальной. Сергей отправлял телеграфом текст статьи с определенным набором кодовых слов в Швейцарию в издательство «Ле Петит Монд», которое публиковало его в следующем номере своей газеты. Ну и дальше, все кому это надо, читали. Кстати, он от редакции за это еще и деньги получал. Статья выйдет шикарная: про президентский бал, про всех, кто там был, про еду, про дам и их наряды. Пусть Симанович подавиться своей манной кашей на воде, которую он ест каждый день, чтобы не болел желудок. Он, видимо, в тридцатых годах «жирного» переел, вот и мучается на постном. Так что, завтра резидент в Швейцарии прочитает и передаст выборку из статьи в Москву.

Сергей вчера после того, как простился с Сото решил пойти прогуляться и позвонить Данилину, в смысле, Лолите. По голосу показалось — томная такая девица. Данилин говорил, что стоит попробовать, ну и Сергей подумал: почему бы и нет? Спросил: имеет ли смысл говорить по телефону или можно зайти, но девушка сказала, что готова сама зайти — у нее как раз есть время. (У нее есть время после полуночи — ага! Очень занятая девушка.) Для нее он был немецким корреспондентом, поэтому она молча вошла в номер, молча села и, видимо, приготовилась к опасным для жизни извращениям. Кто его знает, чем он занимался во время войны? Говорят, что местные девицы не любят немцев — они их боятся. Сергей коротко сказал, что он хотел передать Данилину и, улыбнувшись, замолчал.

Что? Так и будем сидеть? — спросила девица.

Не понял. Есть предложения?

Я на работе. Ваш друг Вам не сказал, что я передаю Ваши послания, а Вы мне платите в тройном размере? В стоимость услуги может быть включен секс, а может быть и не включен — стоимость от этого не меняется. А если не предупредил, то мне все равно — визит должен быть оплачен, если Вы не хотите, чтобы я позвала полицию.

Вот гад, Данилин! Не предупредил, что я попадаю на деньги!

И сколько?

В долларах — сто пятьдесят.

Однако!

У сеньора нет денег? Сеньору занять на два дня? Отдадите с процентами.

А процентов много ли, милая?

Двести процентов.

Родная, у меня есть деньги, только я вот не решил: нравишься ты мне или нет.

Кажется, мы не в церкви — Вас никто и не просит смотреть. Можете положить деньги на столик, лечь и закрыть глаза. Можете представить свою жену, можете...

Вот жену я представлять не буду, потому что для тебя это может очень плохо кончиться.

Сеньор боится ужасов? Я буду с Вами разговаривать по-испански, чтобы Вам случайно не представилась жена.

Трошин подумал: все равно же платить деньги! Тем более, он не сотрудник советского посольства, а если он откажется от услуг, черт знает кому она может растрепаться про немца, который не хочет — такое редко бывает, потому что здесь все хотят! Он лег, она начала работать. Работала и что-то болтала по-испански.

Слушай, Лолита, или переходи на любой другой язык, или заткнись, а то я все понимаю про себя.

Ой! Я-то думала, что немец не говорит на нашем языке.

Ну, да! Особенно, немец, который работает в Аргентине.

...Врут все про креолок, которые, говорят, доводят мужчину до небес за руку! Обычная шлюха, только иностранная. И чесноком от нее пахнет, как от нашей. В общем, утром я собрался уходить на встречу с сотрудником американского посольства, а ей пора было к Данилину. Где уж они встречаются — я не знаю, но ответ она мне передаст завтра.

Слушай, креолка, а кто платит за ответное послание? — вопрос меня крайне интересовал.

И тот, и другой. Я же делаю две работы: он передает, а ты получаешь.

Лолита стояла на одной ноге и натягивала черное платье, размером с носовой платок. Белья не наблюдалось. Надо идти. Все-таки, я мужчина, даже если и советский мужчина на службе у государства. Желание ведь еще никто не отменял? Правда, в Москве поощрялось не желание, а здоровое влечение к проверенным членам партии, а не к юным шантажисткам с неопределенным цветом кожи. Леопард Симанович от зависти бы взвизгнул и застрелился.

Когда я вышел из гостиницы и пошел вниз по улице, то вдруг увидел в кафе на углу авенида Коррьентес Антонио Сото, который сидел за столиком, пил лимонад и читал утреннюю «Ла Насион». Я направился к нему. Он поднял глаза от газеты:

Здравствуйте, Клаус! Что-то Вы какой-то помятый? Вы вчера случайно не заходили к кому-нибудь по дороге в отель?

Нет. Все было с доставкой на дом.

А водка с утра? Это не по-немецки.

Ну и нюх же у Вас. Слушайте, Антонио, мне приходилось работать и в России.

Перестаньте отравлять мне жизнь Вашими замечаниями.

Голову с утра надо лечить холодным шампанским, а не водкой. Тем более, что хорошей водки здесь нет. А в России Вы где были? Под Москвой, в сорок первом?

Я сейчас вызову полицейского, если Вы не заткнетесь. Давайте по делу — мне материал надо сдавать. Вы же сами вызвались мне помогать.

Ладно. Все. Сдаюсь. Скажите, Клаус, а Вам не кажется, что мы уже с Вами встречались раньше? — он сказал это таким спокойным тоном, что Сергей внутренне вздрогнул. Ничего не изменилось, но догадка Трошина, которая еще вчера мелькнула у него в голове, теперь превратилась в мысль.

Амстердам?

Угу. — Качнул головой Антонио и улыбнулся.

Сеньор за мной следил?

Обижаете, мой дорогой, — Сото чуть склонил голову вправо и посмотрел на Сергея с усмешкой. — Разве я похож на шпиона?

А на кого Вы похожи, Антонио?

Немного на Вас, немного на маму.

Повисла легкая пауза, как у влюбленных, которые не знают, как заговорить на самую трудную для них тему, что пора бы и в постель, а то так можно прогулять весь остаток жизни и не узнать: подходят они друг другу или нет.

Значит, сеньор Антонио, это была случайная встреча?

Еще бы. Если бы она была запланирована, то я бы постарался быть более вежливым. Мне мама с детства не разрешала знакомиться на улице.

Ваша мама, Антонио, была правильной женщиной.

Настолько правильной, что сразу исчезла, как только меня приняли в детский сад.

Но ее заветы Вы помните хорошо.

Хотите местного чая — мате, Клаус? Становиться жарко и чай — самое лучшее спасение от жары.

С удовольствием. Антонио, мы вынуждены говорить начистоту?

Смотря, что Вы хотите сказать. Если Вы приехали со мной разговаривать — это хорошо, если действовать — не советую. Я не люблю насилия. — Антонио подозвал официанта и заказал две порции мате и лимонада. — Так вот. Я ждал Вас чуть позже.

Вы меня ждали? Каким образом Вы знали, что я приеду? У нас есть Ваш человек?

Да ну Вас! Что Вы, как в кино! Знать бы, что это были Вы тогда, на набережной — ехал бы я так далеко. Ну не повезло нам, не поиграли как следует. Случайная встреча испортила все удовольствие. Что Вы сразу — ваш человек у нас! Выбросьте, пожалуйста, из головы все ваши мысли про то, что Вы в лапах у американской, английской или еще какой-нибудь разведки! Расстроились, как будто я Вас лично обидел. Я же Вам уже полгода письма пишу в Москву, как влюбленный, честное слово!

Только не делайте из меня дурака: думаете, мне просто было сюда приехать? Вы — Конрад?

А Вам нравится это имя?

По моим подсчетам, Конраду лет шестьдесят или больше.

Чуть больше, Клаус, чуть больше.

Значит, он жив.

Вот Вы мне скажите: Вы зачем приехали? Узнать про Конрада или еще зачем-то? Неужели простое любопытство может завести так далеко от дома? Уверяю Вас, что мне известны все бюрократические сложности в Вашей конторе — они во всех разведках одинаковы.

А Вы, Антонио? Зачем Вы меня вызывали?

Знаете, Клаус, что меня убеждает, что Вы умный человек и приехали не с целью ликвидации Конрада? Тем более, что про него я вам пока ничего не расскажу.

Занятно. Ну и...

Так активно внедряться мог только человек, который готовит себе отходные пути. Разве в Москве этого не поняли?

Они смотрели друг на друга и понимали, что если что-то произойдет и они не найдут общего языка — возникнет проблема. Скорее всего, первым, у кого она возникнет, будет Трошин.

А что Вы, Антонио, собираетесь со мной делать?

Я собираюсь продать Вас американцам. У меня с ними общий бизнес еще с Кореи.

Вы честный человек.

Да, Клаус, я честный и добрый человек. Я всегда все продаю и ничего себе не оставляю.

Это — проблема. С одной стороны, мне достаточно доложить в Москву, что я Вас нашел, а дальше — их дело, как поступать, а с другой — мне этого делать не хочется, потому что я потратил на Вас слишком много сил, чтобы вот так просто отдать Конрада в руки нашей конторы.

Я ведь уже сказал Вам, Клаус, что Конрада Вы не нашли! Более того, Вы его и не найдете никогда — он пропал.

Вы хотите сказать, что Вы его ликвидировали?

Это тема совсем другого разговора... Хотите что-нибудь: свежую булку? Здесь неплохие круассаны, как в Париже.

Антонио, давайте решим, что мы будем делать. У меня складывается впечатление, что Вы решили, будто я готов с Вами сотрудничать. Кажется, Вы начали игру со мной, чтобы создать себе коридор в Москву и потом его продать кому-нибудь? Вы же запросто можете сдать меня сейчас любому полицейскому.

Правильно. Но у меня есть более интересное предложение: если Вы тот, за кого я Вас принимаю, поиграем вместе? Вы явно не из руководителей, иначе бы Вы не приехали, Вы не уверены, чем закончится вся эта история, иначе бы вели себя по-другому. Значит, Вы настроены просчитать все выгоды, которые сулит Вам Ваше сегодняшнее положение: Вы далеко от Родины, контроль практически отсутствует, Данилин — не в счет. Его срок выходит и, по-моему, это его последняя операция, потому что четыре года, которые он уже здесь, закончились. Вы же сами знаете, что это предельный срок работы для ваших сотрудников за границей — чтобы не успели отвыкнуть от Родины и привыкнуть к

западным образцам. Вы можете сообщить, что Конрада здесь нет и податься его искать, ну, скажем, в южную Африку!

Что дальше?

Видите, Вам становится интересно! Конечно, мне было бы выгоднее попытаться завербовать Вас и отправить обратно, но в общей неразберихе, которая у Вас происходит дома, не факт, что Вы сохранитесь в рабочей форме в ближайшие года, хотя бы, два. Мне это не выгодно. Давайте поработаем на СССР издалека? И Вам не так противно, что Вас переиграли и по инерции еще год-другой будете служить Вашей Родине. А потом с чистой совестью — на пенсию. Цель-то у меня благая: ваши не хотят объединения Германии, американцы этого не хотят, я этого не хочу, Вы этого не хотите. Вижу Ваш вопрос у Вас на лбу: отвечаю — я не работаю на ЦРУ. Хотя, не скрою, я бы с ними поработал — у них хорошие комиссионные.

Вы, что, вольный стрелок?

Вольными стрелками называют киллеров, а я — свободный художник, скажем так. Хотите, я буду продолжать? Ну и слава Богу... Ваши шефы не любят Англию и приобрели бы в союзники кого-нибудь против них. Скажем, Аргентину — у них давние проблемы с англичанами из-за Фолклендских островов... Я предлагаю Вам создать нечто вроде кооператива по работе против всех, но со всеми! Непонятно?

Если я Вас правильно понимаю, Вы предлагаете, Антонио, перевести игру на другое поле?

Ну, правильно. Умница Вы! Смотрите, Вы приехали искать Конрада... Да разве дело в нем? Забудьте Вы про него: он не принесет вам ни славы, ни денег — он призрак прошлого. Если Вы хотите спокойно жить и работать, быть нужным, а значит — живым — предложите своим другую игру. Сообщите, что докопались до неизвестных тайн — они Вам еще помогать будут. Понимаете, когда Вам не нравятся и игра, и условия этой игры, и участники, и судьи, и зрители — надо уйти со стадиона и организовать свой собственный чемпионат.

Почему, Антонио, Вы так откровенны со мной? Неужели я произвожу впечатление человека, который так легко может продаться?

Опять Вы за старое! Чтобы продаться, надо, чтобы Вас кто-нибудь захотел купить. Что у Вас есть? Средненькое звание, плохонькая квартира, стерва жена, сволочь начальник? Что еще? Что Вы знаете?

Почему Вы так уверены во всем, что говорите?

Ну, про звание и Ваше положение я уже объяснил. Про квартиру — исходит из предыдущего. Про жену — догадка, которая основывается на не самой дорогой девочке Лолите и Вашем неухоженном лице, а начальники у всех одинаковые!

Если у меня все так плохо — что Вам за дело, что будет со мной дальше?

Слушайте, Клаус, я не думал, что все произойдет именно так, как оно произошло. Ей Богу! Мне представлялось, что ситуация будет развиваться по-иному, но в каждом свершившемся факте или событии всегда есть положительные стороны. Я люблю их

находить и ими пользоваться — это мое хобби. В конце концов, я потратил на Вас уйму времени и денег и что? Приезжает такой как Вы и заявляет: я Вас нашел и я поехал обратно. Кто кого нашел? Я предлагаю бизнес, который принесет Вам то, чего у Вас нет — товар, который Вы сможете продать, а мне — удовлетворение. Я не люблю проигрывать в игре, которую сам и придумал. Будем продолжать или?..

Ну, давайте.

Вы сообщаете Москве, что напали на след движений различных разведок, которые не хотят объединения Германии. Скажем, ЦРУ. Ваши руководители не удовлетворены тем, что политическую разведку отпихнули от решения мировых проблем. Хрущев, кажется, решил играть в демократию? Но, это не ваша игра (я имею в виду КГБ)! Предложите своим начальникам план, как вернуть им право голоса на самом верху. Придумайте свою игру и играйте по своим правилам.

А Вам, что за выгода?

Я выйду из этой игры, когда получу то, что сам хочу — это мои маленькие секреты, но они не направлены против Вас лично или против СССР. Я вообще не люблю, когда кто-то хочет мне испортить жизнь — она и так коротка, чтобы тратить ее на врагов! Смотрите, я Вас свожу с серьезными людьми из аргентинского правительства и из ЦРУ, которые не хотят возрастания влияния англичан, Вы сообщаете в свою контору, что англичане играют на руку нацистам, потому что и те, и другие хотят объединение Германии. Иначе, зачем Англия вылезла со своей инициативой, по никому пока не нужному, кроме немецких националистов, объединению? Шовинизм и национализм вперемешку с интригами, потерявших силу и влияние, англичан. Получается, что фашисты опять поднимают голову, а МИ-5, вместе со своим английским правительством, их поддерживает. Значит англичане готовы разрушить коалицию союзников и уже через пять лет после такой войны войти в тайные переговоры с остатками нацистов против стран-победителей. Интрига получается — загляденье! Кстати, Вы совершаете еще один важный для Советов ход — Вы ссорите американцев и англичан! Это же чудо, какой Вы смысленный агент.

А вы? Что делаете Вы? Пока рассказываете, что должен делать я и раздаете горы подарков, но, что потом? Чем я буду с Вами расплачиваться?

Абсолютно ничем. Вам же не нравится то, что происходит у вас дома и в Вашей конторе, в частности! Так, делайте что-нибудь. А что касается меня... Дело в том, что меня в этой конструкции интересует результат, который и станет точкой отсчета для моих дел. Если Вы сделаете то, что я вам предлагаю — Вы создадите мне базис для моей дальнейшей работы. Таким образом, мы будем квиты. Так что я Вам предлагаю работать на самого себя, а не на дядю Сэма или еще кого-нибудь. Я не люблю предателей и не предлагаю Вам никого предавать: Родину, товарищей, родителей (с женой Вы все равно уже разобрались) и так далее. Вы просто сами себя «закапываете» в мировую игру и становитесь супершпионом. В противном же случае, Вас закопают в прямом смысле, потому что Вы и так уже много узнали об их играх. Знаете, я тут не так давно подсчитал сколько убийств совершило НКВД за последние лет двадцать...

Смешно, но я тоже именно этим занимался. У нас вообще работа этого отдела в Управлении покрыта мраком. Знаем потом только одни результаты.

Ну, вот, видите, мы с Вами шли одной дорогой. Сейчас же наступило время разойтись. Но я не предлагаю Вам деньги, женщин, блага западной цивилизации и прочий бред для предателей, значит я Вас не покупаю. Я предлагаю Вам сыграть в более крупную игру. Если бы Вы просто решили продаться, то привезли бы с собой кучку секретов и купили бы себе лет пять-шесть жизни в тихой деревне на диком Западе, а потом попали бы в отчет о проделанной работе этого Вашего «отдела по ликвидации проблем». Но Вы приехали в надежде, что сможете заработать не деньги, а положение в разведке. Жизнь-то не очень сложилась, а? Ну, вот — давайте поиграем. Повторяю еще раз: никто никого не предает, у всех чиста совесть, в Москве Вами довольны, потому что Вы случайно, подчеркиваю, случайно, попали на след международной интриги и так далее. Они не знают, как остановить Хрущева от необдуманных соглашений с Англией — предложите им вариант. Вы же понимаете, что если это сделаете не вы, то Штаты все равно будут делать это за Вас! Им Англия, как нож в заднице! Но это уже мои интересы. Клаус, Вы типичный немец, хоть и русский — медленно соображаете!

Это только Вам так кажется. Ну, хорошо, предположим. И что Вы предлагаете предпринять?

Сообщите Данилину, что Конрад мертв, а за Конрада играют здоровые силы в ЦРУ, которые хотят совместно с КГБ достичь единой цели: не дать Англии, которая работает на нацистов, объединить Германию. Вы же после этого, двигаетесь дальше в Америку и Европу (какая разница?), чтобы выполнять свой долг разведчика. А дальше? Связь та же. Кстати, а какая у Вас связь с Москвой, Клаус?

Так я Вам и сказал!

Это я так, к слову. Пишите свои статьи, зарабатывайте, а мы с Вами будем изредка связываться и подкидывать друг другу работу. Друзей надо создавать, Клаус! Это самая трудная работа, поверьте мне. Врагов создавать легко, а друзей очень трудно. И не верьте неудачникам, которые говорят, что хороший враг полезнее плохого друга! Лучше верьте в то, что плохой мир лучше доброй ссоры. Вот, собственно и все, что я хотел Вам сказать. Если Вам это интересно — я готов с Вами работать, если нет, то не готов.

Мне надо немного подумать, но скажу, что предложение неожиданное. Вы не предлагаете перейти на ту сторону, Вы не предлагаете стать предателем, Вы просто все перевернули с ног на голову! Как Вы-то вошли во все это?

Ну, во-первых, не с ног на голову, а наоборот — с головы на ноги. Просто все уже привыкли все делать через задницу и считают, что мир именно таков, каким его люди себе представляют. Еще чуть-чуть и они решат, что не они внешне похожи на Бога, а Бог на них. Это — заблуждение! В этом вопросе мне ближе мусульмане — они хоть Бога не рисуют блондином с голубыми глазами, как в журнале мод. А что касается лично меня... Клаус, может быть когда-нибудь я Вам это и расскажу, а может быть и нет. Поверьте только в то, что это абсолютно личное. Скажем, это как в любви: сначала удивление,

потом интерес, а уже потом — желание. По крайней мере, до сего дня мне еще не надоело жить, любить, удивляться и желать, а это уже повод жить дальше. Завтра рано утром Вы меня здесь уже не найдете. Уверен, что Вы все правильно решите, чтобы Вы не решились, но если сочтете интересным то, что я Вам предложил — я оставлю Вам адрес в Швейцарии. Единственное, о чем прошу помнить: я не люблю предателей! Предавший один раз — предает всю оставшуюся жизнь. Это становится бизнесом. Счастливо, Клаус Мозель, немецкий журналист. Уверен, Вам потом захочется написать пару романов. Мой Вам совет: лучше сочинять, придумывать и изобретать, чем вспоминать и издавать мемуары. Мемуары пишет тот, кто уже никому не интересен и кому уже не интересен никто и ничего, кроме своих собственных воспоминаний. Романы — это любовь, это будущее, которое мы придумываем сегодня. Адиеос, сеньор Мозель. — Антонио положил на столик деньги, вместе с хорошими чаевыми, встал и пошел вверх по авенида Коррьентес к дворцу Каса-Росада.

...Помнишь сырую Москву, Сергей? Видишь, как все быстро меняется в твоей жизни, когда ты просто идешь по дороге? Знаешь, что это то, что ты хотел? Понимаешь, что когда не ты ищешь цель, а она сама тебя находит, это приводит к успеху? Не преступил ли ты свои законы? Не стал ли предателем самого себя? Хорошие вопросы! Иди дальше — найдешь и ответы.

Свое будущее ты создаешь сегодня. Хочешь стать подонком, пожалуйста, хочешь стать приличным человеком — и это не запрещается. Только, смотря, что ты под этим понимаешь?

35.

Не все всегда удается. Не все удается так, как планируешь. Но мне достаточно тех результатов, которые я достигаю. Пройдет не так много времени и этот парень из советской разведки поймет, что поймал птицу за хвост, а в КГБ сделают все, чтобы воспользоваться таким благоприятным моментом. В СССР готовы сражаться с Америкой, доказывая, кто круче, но если придется выбирать между Великобританией и США, выберут Штаты. Настолько сильна историческая память народа — никогда русские не примут англичан в круг своих даже друзей, потому что всегда будут помнить, что британский флот — самый сильный флот в мире. Хотя такого флота у Англии уже давно и нет. Враг, если даже и бывший, величина постоянная — по крайней мере, для русских! Они никогда не прощают чужого первенства и чужого могущества ни в чем.

С чего же все это началось? Как получилось, что я залез во все эти дебри и участвую во всех этих дерби? Все так же, как и у всех — господин Великий случай, который правит

нами на этой земле и который мы называем — кто Провидением, кто собственным умом, закономерностью, а кто-то и везением.

Много лет назад, еще до войны, я учился в Кембридже на философском и экономическом факультетах одновременно. Однажды, на летних каникулах, я поехал во Францию немного подработать, а заодно и развлечься. Ну, Вы понимаете, мыл посуду в кафе, убирал туалеты, разносил почту и знакомился с людьми. Мне всегда это было интересно — я хотел понять, почему люди так непохожи на животных. Будущий философ, что меня взять?

Однажды, клиент в кафе, где я убирал, вдруг согнулся над столом и упал лицом в блюдо, которое перед ним поставил мой товарищ Жак. Мы вызвали карету скорой помощи, а потом к нам нагрянули «флики». А потом приехали другие. Их было много и они были явно не из соседнего участка. Эти были как на подбор — мерзавцы в серых костюмах с темными лицами и недобрыми глазами. Мне Жак тогда сказал: «Это — не «флики»!» Я заинтересовался и он мне объяснил, что жандармерия вызвала секретную полицию. Люди из контрразведки наехали на нас так, что нам захотелось сразу к проституткам: те хоть начала поцелуют, прежде чем поиметь, а эти берут за задницу сразу. Вот так я и познакомился в первый раз с людьми из тайной конторы.

Этот умерший был какой-то крупной фигурой — они продержали нас до утра и все спрашивали, было ли при нем что-нибудь, какие-нибудь вещи. На самом деле, у этого мужчины был черный кожаный портфель, набитый какими-то бумагами. Юношеское любопытство заставило меня еще до приезда врачей унести этот злосчастный портфель в подсобное помещение, из которого потом я мог выйти абсолютно незамеченным на другую улицу. Напомню, что шел тридцать третий год и ситуация в мире накалялась — в Германии к власти пришел Гитлер, поэтому разведки всех стран активизировали свои действия в поисках возможных союзников и противников, если вдруг случится то, что случилось позднее. Все страны мира в это время просто наводнили шпионы всех мастей, провокаторы и террористы. Газеты пестрели сообщениями о разоблачениях, судах и казнях.

К утру я все-таки попал в свою комнату, которую недорого снимал у девчонки, сестра которой училась вместе со мной в Кембридже. Ночью, разложив по полу бумаги, я вдруг понял, что попал в такой переплет, что мне захотелось все это отнести к ближайшему полицейскому участку и подбросить им — пусть они теперь сходят ума от всего, что там написано. Правда, я мало что понял сначала, но самое меньшее, чем грозили эти бумаги тому, кто вовремя помер — была виселица. Например, одну бумагу я смог понять: это был точный план всех коммуникаций французской оборонительной линии Мажино! Были там и еще несколько бумаг, из которых я понял, что умерший был немцем и его звали Вольфганг Шлемер, но на некоторых документах стояла подпись Конрад. То, что это шпион было ясно, как Божий день — я все-таки ходил в кино и читал книжки. И вот тут меня что-то свыше остановило от плана бежать в полицию: отпечатки моих пальцев, английское подданство, нелегальная работа во Франции без разрешения и все такое. Я понял, что меня могут надолго задержать во Франции, а в Кембридже скандал такого рода был никому не нужен, поэтому я мог вылететь из колледжа. Словом, я остался один на один с кучей

секретных документов, которые потом отнес во Французский Банк и положил в арендованный на вымышленное имя сейф. Тогда мне впервые и пришла в голову идея назваться моим новым именем. Когда служащий банка спросил, как меня зовут, я ни с того, ни с сего сказал: «Дон Германн, мсье». Вот так и родился человек, имени которого нет ни в одной церковной книге.

На следующее утро я пришел на работу и Жак под большим секретом мне рассказал, как подслушал разговор полицейских и узнал, что этот мужчина умер от обширного инфаркта. Вот ведь судьба — человек, скорее всего, был знаменитым шпионом и, судя по бумагам, собирался или бежать от кого-то, или куда-то переезжал, а умер в обыкновенном парижском кафе за тарелкой консоме и спаржей в винном соусе. У меня, правда мелькнула мысль, что его могли убить одним из тех новых средств, о которых пишут в детективных романах, но так ли это — останется тайной и для меня.

Потом, при более подробном изучении содержимого портфеля, я нашел объемистую папку с изложением всего того, чем занимался этот человек последние двадцать лет и понял: он собирался все это кому-то продать, но не успел. Дня через два в наше кафе пришел человек, который представился его знакомым. Он слишком профессионально для простого знакомого, долго выпытывал у нас с Жаком: кто мог сидеть рядом с умершим, видели ли мы кого-нибудь с ним на улице, спрашивал ли кто о нем после его смерти. Он так долго нас расспрашивал, что надоел нашему хозяину (клиенты начали возмущаться, что их долго не обслуживают) и он его просто выгнал. И правильно сделал, во-первых, потому что этот человек не предъявил никаких документов, а во-вторых, потому что я уже боялся себя случайно чем-нибудь выдать.

Из этой папки с исповедью я узнал многое из жизни Конрада: то, что он был тайным агентом советской разведки очень долгое время, что родился в Германии еще в прошлом веке, в результате какой-то операции «Донор 1», а также, что начал операцию «Донор 2», которая только что завершилась в Берлине и весьма успешно. Там я прочитал об участии в операции молодого английского дипломата, тоже выпускника Кембриджа, Дастина Макдауэла, которого недавно обвинили в шпионаже в пользу Германии. Я сам не так давно читал об этом в английских газетах и знал его — он учился на три курса старше меня. Скажу честно, меня эти истории так заинтриговали, что я решил выяснить все до конца.

Мне оставалось только сдать выпускные экзамены и как студент, входивший в пять процентов лучших учеников курса, я имел право сам выбирать свою дальнейшую судьбу. Всю жизнь, до поступления в Кембридж, я мечтал быть театральным режиссером. Но с мечтой как-то не заладилось и я поступил сначала на философский, а потом параллельно на экономический факультет. Сейчас мне нужна была свобода в своих занятиях и я решил выбрать самую привлекательную профессию — я решил стать писателем. Возможность каждый день жить чужой жизнью, создавать свои собственные миры, раскрывать тайны, возвышать честных и воздавать по заслугам подлецам — что может быть интереснее. Вначале своих исследований толстой шпионской папки я был далек от мысли заняться этим слишком серьезно. Чего греха таить, свалившееся на меня «богатство» я решил

использовать довольно просто — я решил издать под псевдонимом шпионский роман на основе всех этих документов и хорошо заработать. Но, подумав, отказался от этой мысли, потому что вдруг понял, что это небезопасно, что меня вычислят и вычислят довольно быстро и просто, и мне придется не сладко. Но тут на помощь пришло мое второе образование — экономический факультет.

В результате долгих и кропотливых исследований портфеля я обнаружил нечто совершенно волшебное — список банковских счетов Конрада на предъявителя. Это рискованное размещение денег было понятно — неизвестно когда, в каких ситуациях и под какими именами ему приходилось снимать и класть деньги на свои счета или проводить вой тайные финансовые операции! Мне же это было просто Божьим даром. Я стал настолько богат, насколько мог себе вообразить по тогдашним своим представлением о богатстве. Этот парень имел на своих счетах около миллиона американских долларов. Это подтверждало бытующее представление о профессии шпиона, как о весьма выгодном деле.

Я с детства был и остаюсь человеком глубоко верующим не только в свои силы, но и в силу Провидения, поэтому я решил, что все это не спроста. Значит кому-то было угодно, чтобы об этом узнали люди или хотя бы кто-нибудь из людей. Но время шло и я менялся вместе с этим временем. Менялся и мир. Я писал романы, но их почему-то мало кто покупал. Я основывал свои сюжеты на материалах этого портфеля, меняя имена, страны, факты, но что-то удача не приходила. Возможно, Провидение берегло меня: тогда я никак не мог понять, что в том деле, которое я начинаю, популярность штука крайне вредная. Однажды, когда я пил по причине ухода посреди ночи очередной дешевки, я наткнулся на рассказ о жизни Конрада в Аргентине. Страна — убежище для преступников, странамонстр и угроза для Великобритании — это мы проходили в колледже. Но сейчас я задумался: деньги у меня есть и я их не украл (не отвозить же мне их в КГБ, в самом-то деле!), наследников не предвидится, так может быть мне попутешествовать и открыть свой бизнес? Почему я должен ехать в Америку? Все едут в Америку, а я хотел стать заметным сразу и не тратить время на долгое ползание по лестницам, где каждая ступенька занята такими же, как я!

В Аргентине я мог стать тем, кем я хотел. Купить любой паспорт и назвать любое имя — были бы деньги. В Аргентине никто не спрашивает: откуда? В Аргентине деньги не пахнут. Оставалось только выучить испанский язык, что было для меня одним удовольствием, потому что мне не надо было ходить на работу и задумываться о дне завтрашнем — обо мне подумал Конрад. Я не стал поступать на курсы — от курсов проку нет. Я пошел по пути наиболее простому и приятному: на площади Сен-Дени я выбрал молодую и красивую испанку-проститутку. Мы сели в кафе и я объяснил ей задачу: я ее кормлю, она живет у меня дома (я снял очень приличную квартиру в центре Парижа), я обеспечиваю ее небедное существование и она получает на карманные расходы из расчета трех хороших клиентов в день. При этом ей не надо бояться полиции, болезней и сутенеров. Она должна выглядеть, как Кармен у Мериме, следить за собой и за домом, учить меня испанскому языку, ну и повышать свою квалификацию на мне — единственном и неповторимом. Чего говорить,

что девушка приняла мои условия сначала с недоверием, думая, что я какой-нибудь извращенец или садист, а по прошествии нескольких дней проб и ошибок, с восторгом. Естественно, что я не посвящал ее в свои планы, но девчонка только недавно начала заниматься проституцией и еще не успела опуститься до дна, когда, сколько не создавай им уют и тепло, они все время норовят сбежать на улицу просто в силу привычки.

Так прошел год и я заговорил. Заговорил, как настоящий испанец. Кажется, я стал хуже говорить по-английски, потому что все время упражнялся в испанском языке и дома, и на улице. А потом мы решили вместе поехать в Аргентину, где я сразу купил себе паспорт на имя Антонио Сото, историю новой жизни и дом, а для Кармен — маленькую гостиницу в хорошем районе Буэнос-Айреса. Потом, не прошло и года, я решил отблагодарить Кармен за все и удачно выдал ее замуж. Это было не трудно, потому что она превратилась в потрясающую сеньориту, которая не теряла времени даром и хорошо забыла свое прошлое, став утонченной и воспитанной девушкой, благоухающей дорогим парфюмом, наследницей богатых американских колонизаторов. Замужняя дама намного полезнее в использовании, честное слово! Замуж-то я ее выдал за приличного господина и под новым именем, так что для Кармен я стал кем-то вроде собственного Бога. И мне это понравилось! Мне понравилось помогать людям жить так, как они хотят.

Еще одно я понял позже: когда ты помогаешь просто так, по доброте, никто тебе не верит — зачем же тогда мне все время доказывать, что я ничего не хочу взамен? Если ты ничего не просишь, то люди ждут от тебя какого-нибудь подвоха. Если у тебя есть возможность и ты даешь человеку деньги — начинаются проблемы. Если ты просишь через какое-то время свои же деньги назад, люди начинают обижаться, что ты им не веришь или стал жадным, или мелочишься, ну и так далее. Я это понял один раз и навсегда. Был такой случай: я помог деньгами моему приятелю. Он после этого удачно их вложил и пошел в гору. Прошло несколько месяцев, но я не требовал денег обратно — я просто о них «немного забыл». Мне было интересно: отдаст или не отдаст? У него уже были хорошие доходы, но каждый раз, когда мы встречались, он старался со мной поменьше общаться и мы никогда не говорили об этом долге. А позже, наши встречи вообще прекратились и через наших общих знакомых я узнал, что он считает, будто бы я все время своим присутствием даю ему понять, что спас его, а это его унижает... Я не хочу никого унижать, поэтому решил никого не спасать, потому что это не идет во благо тому, кого спасаешь. Я понял, что не имею право вмешиваться в чужую жизнь и делаю это только если меня об этом просят или это касается меня лично. Да и не мое это дело — Боги пусть сами разбираются: кого спасать, а кого нет.

Мне никогда не понять людей, люди странные существа. Им не нужны доброта и вера, им нужны зависимость и преклонение, страх и долги, ложь, во имя правды, но не сама правда. Люди боятся быть счастливыми — у них не хватает на это Духа. А счастливым стать просто, стоит только освободить себя от всей этой глупости, но когда человек станет свободным — что ему делать? Поэтому люди придумали, что одни могут быть свободными, а другие нет. Люди придумали себе «жизнь в обществе», потому что в толпе легче

спрятаться, а одному в поле очень опасно — спрятаться не за кого. Но жить нельзя с обществом, жить можно только с конкретными женщинами и мужчинами, чьи имена ты знаешь, чьи лица ты хочешь видеть и их количество всегда ограничено.

Проходили годы и я обрастал связями, которые помогали мне входить в разные высокие общества, но ничто не может быть вечно. Я начал терять интерес к людям. Одно и те же разговоры, одни и те же желания, одна и та же жажда и ничего, чтобы указывало на отличие одних от других! Мужчины глупеют, когда у них появляются деньги, а женщины становятся хорошо упакованными дорогими безделушками. Этим красоткам уже становится в тягость даже заниматься любовью, чтобы не помять свою новую прическу, чтобы не помять свою новую грудь или задницу, которые им придумали веселые ребята из журналов мод. Им надо повесить на глупую спину табличку: «Тело продается только вместе с платьем!» Проблема в том, что Бог или дает тебе друга или нет. Если — нет, то надо завести себе кота и несколько не очень глупых женщин, что бы они дополняли друг друга и получался неплохой интерьер для квартиры. Только к этому нельзя забывать иметь в доме еще и соковыжималку! Без женщины можно, а без свежесжатого грейпфрутового сока никак нельзя.

Миллион не такие уж большие деньги, если ты позволяешь себе ничего не делать. Любые деньги заканчиваются, а это тоже всего лишь куча денег, которых через определенное время может стать значительно меньше, чем их было вначале. Я сделал одно умное дело в жизни: с самого начала я не расслаблялся. Я придумывал разные операции, которые могли мне принести любой доход, пусть даже самый маленький, потому что мне всегда было о ком заботиться — на что-то же надо покупать корм для женщин и кота! Я проводил различные торговые операции и не ссорился с партнерами, поэтому мне доверяли секреты — мне верили и я никого не подставил в своей жизни. Я придумал свой собственный бизнес: я торговал связями. Это — хороший бизнес! Если ты знаешь кого-то, познакомь его еще с кем-то и тебя в ответ тоже познакомят. Делай деньги для друзей и они сами со временем придут к тебе за помощью, потому что будут думать, что ты обладаешь нужными связями. Они сами предложат тебе деньги. Находи эти связи и никогда не отрицай веру в тебя. Никогда не думай о себе плохо и тогда никто не подумает о тебе также. В жизни важнее всего не думать о тех, с кем тебя сталкивает жизнь, хуже чем о самом себе. Не стоит о людях думать плохо, о людях надо знать, что они из себя представляют и пользоваться этим.

...Этих бумаг из портфеля хватит мне на целую жизнь. Они многому меня научили и я понял, что каждый человек с возрастом начинает бояться своей собственной подлости. Просто она начинает возвращаться к хозяину, который уже о ней постарался забыть. То, что сделал Конрад с Лаурой, Дастином Макдауэлом, послом сэром Патриком и даже офицером Кьюзом, убедило меня в том, что подлость, в отличие от любви и веры, не имеет границ. Я уже испытывал личные чувства к Конраду — этот человек в конце концов все про себя понял. Я хотел, чтобы он вернулся к своим хозяевам вместе со своей историей. То что произошло позже, убедило меня в том, что они испугались. Но этот Клаус Мозель

оказался не таким, как я себе представлял и я не смог играть по-прежнему плану. Господь опять дал мне человека, а человек опять дал мне загадку! Я увидел запутавшегося человека, который сам, как и я, искал выход из этой жизни. Я просто захотел ему помочь, вот и все. Но что-то подсказывает мне, что он не пропадет и очень скоро мы опять увидимся с ним.

Я очень долго следил за оставшимся в живых и мирно здравствующим доктором Бойзенем, который оказался прав в своих расчетах на жизнь. Я следил за карьерой уже адмирала Мередита Кьюза, который смог достичь высоко поста в разведке. Потом я не раз с ними общался, но они никогда не узнают, что я знаю об их жизни. Скоро я увижусь и с двумя молодыми людьми, которые родились в Париже почти одновременно... Но это — позже.

Мне удалось сделать, что я хотел. Об объединении Германии страны-победители не договорились. КГБ поставило в известность свое Правительство, что объединение Германии — это игра Британии на руку разгромленным нацистам. Клаус Мозель был на высоте. Произошел серьезный раскол в политике и на стороне СССР были Штаты, которые не хотели допустить Англию к лидерству в мире. Это дало мне неплохие контакты в Лэнгли — штаб-квартире ЦРУ. Но, когда Советы увидели, как Америка использовала ситуацию с Германией, наступил черед выяснения отношений между СССР и США. Впереди была «холодная война», в которой Англия будет пытаться сквитать счет и с теми, и с другими...

Я что-то по привычке к южному солнцу и мне не очень хочется долго сидеть дома, тем более, что наступает зима. Тем более, что появилась некая сеньорита, которая не так давно приехала сюда с острова Куба. Поверите? Я никогда не был на Кубе — это ужасно! — тем более, что всегда любил гаванский ром и кубинские сигары. Сеньорита приехала ко мне по рекомендации Витторио Маркезе, который уже с успехом работал с колумбийцами и патронировал бизнес наркотиков в Штатах при поддержке ЦРУ. Сеньорита уверяет меня, что на Кубе скоро будет происходить что-то крайне интересное: Фидель при помощи Хрущева и КГБ (которые теперь полюбили друг друга) активизировал свои действия. Хрущев решил, что его обманули — и правильно решил, а в КГБ почувствовали вкус власти. Необходим был новый конфликт и я уверен, что Клаус тоже скоро окажется там. Посидим с ним и выпьем рому, наверное, он уже курит дорогие сигары — к хорошему быстро привыкаешь.

Вы можете не верить во все это — Ваше право на собственную веру никто пока не отменял. Но в мире существуют только два подхода к существованию в происходящем: делать и наблюдать. Можете просто наблюдать и ничего не делать, даже не верить, но помните, что тот, кто наблюдает — всегда жертва. Потому что на человеческом рынке котировки скачут очень быстро — кто-то всегда кого-то продает и кто-то всегда кого-то покупает. Существуют лишь две постоянные в этом сумасшедшем бизнесе: высокая цена на правду и высокая мода на ложь!

Но об этом — позже, потому что все-таки вернулась Линда. Я должен закончить портрет этого уникального физиологического экземпляра, милой девицы, у которой всего одна извилина — и та между ног. Но я же не сказал, что мне это не нравится!